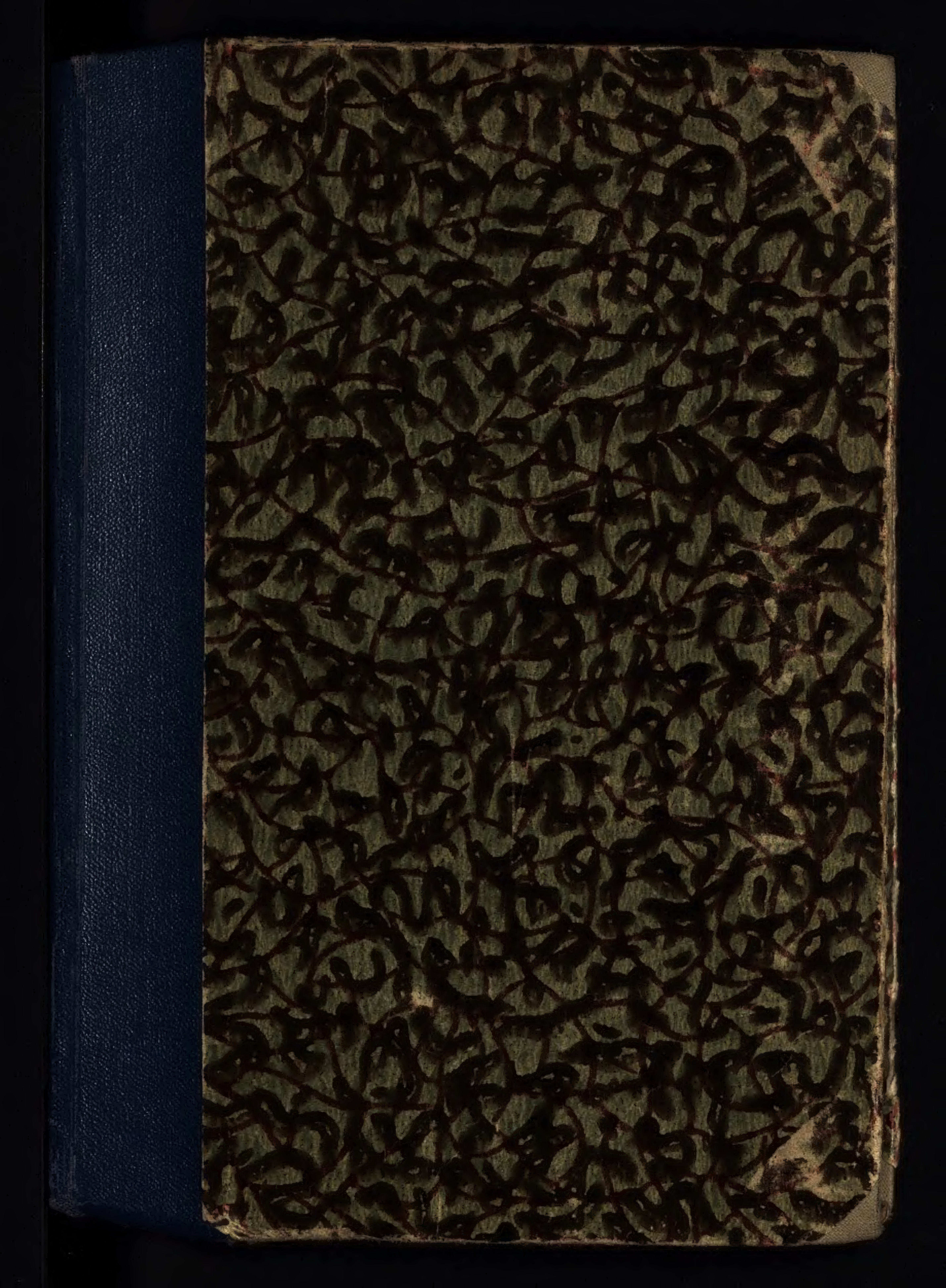


РЕВОЛЮЦIОННАЯ
МЫСЛЬ

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ЧАСТЬ II

ИЗД. 5-ое.
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ИЗД. Т-ВО
РЕВОЛЮЦІОННАЯ
МЫСЛЬ

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ПТГ.
1918

Типографія «Сѣверъ», Петроградъ, Невскій, 140/2.

Пушкинъ и Лермонтовъ.

I.

Соціально-политическая борьба, поглощавшая собою всѣ помыслы декабристовъ, шла въ русской интеллигенціи параллельно съ борьбой противъ духовнаго мѣщанства, борьбой, ареной для которой служило литературное поле, а оружіемъ борьбы — пришедшій на смѣну псевдо-романтизму реализмъ. Многіе изъ декабристовъ пробовали свои силы на этомъ литературномъ полѣ, но имѣли въ рукахъ только заржавѣвшее оружіе псевдо-романтизма, ибо романтизмъ, какъ міропониманіе, это именно то, чѣмъ не обладала русская интеллигенція первой четверти XIX-го вѣка. Всѣ декабристы, причастные литературѣ, являются лучшимъ подтвержденіемъ этого положенія. Всѣ они тщились быть «романтиками» и участью всѣхъ ихъ былъ типичный псевдо-романтизмъ, участь эта одинаково постигла и Рылѣева, и Кюхельбекера, и Бестужева. Но всѣ эти декабристы-литераторы имѣютъ только второстепенное и третьестепенное литературное значеніе; ихъ устарѣвшее оружіе только царапнуло собою скрижали исторіи литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи русской общественной мысли. Оружіе *реализма* впервые было взято въ руки (послѣ Крылова) Грибоѣдовымъ, столь близкимъ декабризму. Духовно близкій до 1825 года къ декабристамъ молодой гигантъ Пушкинъ взялъ это оружіе въ свои руки. Въ эпоху расцвѣта «фило-

софскаго романтизма», реализмъ сталъ духовной и литературной силой, которой была уготована скорая и блестящая побѣда.

Подъ реализмомъ, не какъ историко-литературной, не какъ гносеологической, а какъ психологической категоріей, мы понимаемъ нѣчто діаметрально противоположное романтизму. Реализмъ — это общее и вѣчное свойство человѣческаго духа, стремленіе къ эмпирической дѣйствительности, любовь къ земному, добровольное ограниченіе себя пространствомъ трехъ измѣреній; реализмъ — это неутомимая любовь къ «человѣческому, слишкомъ человѣческому», любовь къ «предѣламъ предѣльнаго» и полное отрицаніе стремленій и проникновеній за эти предѣлы. Это, конечно, не исключаетъ наличности въ воззрѣніяхъ реалиста самыхъ возвышенныхъ идеаловъ, но идеалы эти — изъ плоти и крови, они тѣсно связаны съ землей, съ эмпирической дѣйствительностью. Даже религіозные идеалы реализма совершенно враждебны мистицизму; *философскій реализмъ есть раціонализмъ*, въ его многоразличныхъ формахъ (мы противополагаемъ здѣсь раціонализмъ всему ирраціональному). Ко всему «потустороннему», трансцендентному, запредѣльному реализмъ чувствуетъ глубокую вражду; какъ Фаустъ, онъ можетъ сказать:

Du, Geist der Erde, bist mir näher,

и подобно Фаусту реализмъ можетъ повторить съ гордымъ сознаніемъ своей правоты:

Aus dieser Erde quillen meine Freuden,
Und diese Sonne scheinet meinen Leiden...

А потому всякое стремленіе «къ новому солнцу и къ мірамъ инымъ» реализму совершенно чуждо: его ненависть и любовь живутъ на этой землѣ, подъ этимъ солнцемъ, въ мірѣ трехъ измѣреній.

Реализмъ и романтизмъ — двѣ вѣчныхъ, основныхъ категоріи человѣческаго духа, рѣзко враждебныя другъ другу. Конечно, такое подраздѣленіе (какъ и всякое) по существу своему схематично, но за этой схемой лежитъ дѣйствительность: хотя въ одномъ и томъ же человѣкѣ могутъ совмѣщаться, чаще всего полубезсознательно, элементы и реализма, и романтизма, однако преобладающій элементъ ярче всего опредѣляетъ собою индивидуальность. Бываютъ трагическіе случаи, когда оба эти элемента находятся въ человѣкѣ какъ бы въ состояніи подвижного равновѣсія, и мы тогда присутствуемъ при той мучительной борьбѣ раздвоенія, которую мы будемъ наблюдать въ Лермонтовѣ и въ лишнихъ людяхъ. Бываютъ случаи, когда человѣкъ насильственно хочетъ привить своей душѣ несродный ей типъ міросозпанія: такъ русскіе псевдо-романтики, типичные реалисты въ глубинѣ души, тщетно силились возжечь въ себѣ стремленіе за предѣлы предѣльнаго; такъ нѣкоторые типичные романтики гибли и задыхались въ несвойственномъ имъ реализмѣ (наиболѣе яркіе примѣры—Успенскій и Гаршинъ). Какъ бы то ни было, но раздѣленіе людей по психологическимъ типамъ на романтиковъ и реалистовъ является однимъ изъ основныхъ и особенно интересныхъ для насъ въ данную минуту, ибо именно Пушкинъ (о предшественникахъ его мы говорили выше) первый закрѣпилъ въ русской литературѣ и русской жизни тотъ реализмъ, который затѣмъ полновластно царилъ въ ней почти три четверти вѣка. Мы, конечно, говоримъ здѣсь о реализмѣ не только какъ о литературномъ теченіи, но и какъ объ опредѣленномъ психологическомъ типѣ.

Чѣмъ объясняется эта полоса реализма въ русской жизни и русской литературѣ? Во всякомъ случаѣ не одними общественными, соціологическими и культурно-

историческими причинами; тутъ есть налицо еще тотъ ирраціональный остатокъ, который присущъ всему индивидуальному. Стремленіе «за предѣлы предѣльнаго» могло быть въ то время среди русской интеллигенціи только случайнымъ, мимолетнымъ, такъ какъ стремленіе это только тогда имѣетъ крылья, когда «предѣлы» эти дѣйствительно твердо и до конца пройдены; молодая же русская интеллигенція того времени еще только робко подступала ко всему «предѣльному», а потому и не могла не стать реалистической. Всякая попытка искренняго романтизма должна была или впасть въ псевдо-романтизмъ—что мы и видѣли яснѣе всего на Жуковскомъ, или закончиться неминуемымъ быстрымъ крахомъ—что мы и видимъ на примѣрѣ россійскихъ шеллингіанцевъ, людей 30-хъ годовъ.

Итакъ, совершенно независимо отъ Пушкина реализмъ неизбѣжно долженъ былъ прійти въ русскую жизнь и литературу; заслуга Пушкина въ томъ, что онъ впервые съ громадной силой творческаго генія проявилъ и закрѣпилъ въ литературѣ это теченіе. *Пушкинъ является въ русской жизни и литературѣ однимъ изъ величайшихъ представителей реализма*—въ томъ его значеніи, выяснить которое мы пытались выше; онъ является типичнымъ представителемъ реалистическаго міровосиріятія, реалистическаго типа сознанія. Пушкинъ всегда тяготѣлъ къ реализму по самому свойству своей натуры; его всегда тянуло и влекло къ земному міру, къ пространству трехъ измѣреній, къ эмпирической дѣйствительности, къ реальной личности, къ живому человѣку, какъ это уже многими было отмѣчено. Вотъ почему онъ такъ скоро почувствовалъ, что романтизмъ—не его область, что онъ не годится «въ герои романтическаго стихотворенія». Будучи еще псевдо-романтикомъ въ періодъ своего байронизма, онъ явно высказалъ свое

отвращеніе къ сути романтизма, напримѣръ, къ романтизму религіозному, и по примѣру многихъ учениковъ Вольтера—«бралъ уроки чистаго аѳеизма».

Еще въ сентиментализмѣ на первый планъ были поставлены непосредственныя переживанія живого, одѣтаго въ плоть и кости человѣка; но тамъ «реальная личность» отнюдь не была «реалистическимъ типомъ», да къ тому же и эти непосредственныя переживанія брались подъ вполнѣ условнымъ угломъ зрѣнія. Реализмъ ввелъ въ литературу и въ жизнь интересы реальной личности, и притомъ очевидно исключительно личности эмпирической, «Человѣкъ» есть понятіе соціологическое, абстрагируя которое мы можемъ говорить о «соціологической личности»; «личность» есть понятіе этическое, позволяющее говорить объ «этической личности»; эмпирическая личность есть прежде всего «человѣческая личность», т. е. понятіе и соціологическое и этическое. Эта эмпирическая личность, взятая съ точки зрѣнія индивидуальныхъ переживаній, и составляетъ главное содержаніе реализма.

Такимъ образомъ литературный реализмъ есть, подобно романтизму, только частный случай проявленія въ художественномъ словѣ опредѣленнаго психологическаго типа. Въ русской литературѣ «реалистическій типъ» господствовалъ до конца XIX-го вѣка, до Чехова; Крыловъ и Грибоѣдовъ были его предтечами, а Пушкинъ былъ его пророкомъ и пѣвцомъ. Еще ранѣе 1825 года въ Пушкинѣ постоянно сказывалось стремленіе къ реальной дѣйствительности, къ живому человѣку. «равнодушная природа» сіяетъ для Пушкина: «мертвою красою». его радуетъ только «младая жизнь»; самыя картины природы у Пушкина безжизненны, если нѣтъ среди нихъ человѣка. критеріемъ и мѣриломъ окружающей природы для него неизбѣжно, служитъ человѣческая личность. Этимъ выставленіемъ

на первый планъ реальной личности, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ объясняется и соціологическій индивидуализмъ, въ которомъ у Пушкина элементъ признанія общественности мало-по-малу сходилъ на нѣтъ. Въ своемъ индивидуализмѣ Пушкинъ совмѣщалъ всѣ три его вида, и, требуя полнаго освобожденія личности, какъ «соціологическій индивидуалистъ», онъ въ то же время вслѣдъ за Карамзинымъ дѣлалъ шаги по направленію «этическаго индивидуализма» въ своемъ «гуманитетѣ» (недаромъ основнымъ свойствомъ его поэзіи Бѣлинскій признавалъ гуманность, «разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка»); въ то же самое время онъ вслѣдъ за Жуковскимъ приближался въ области лирики къ «эстетическому индивидуализму» (недаромъ въ самыхъ первыхъ его пьесахъ Бѣлинскій видитъ «сильную, одушевленную субъективнымъ стремленіемъ личность»). Трудно сказать, какъ развивался бы далѣе Пушкинъ по всѣмъ этимъ направленіямъ, если бы теченіе его жизни и всей русской общественной жизни продолжало идти впередъ безъ рѣзкихъ поворотовъ; но въ жизни Пушкина случилась ссылка въ Михайловское, въ жизни русской интеллигенціи— 1825-ый годъ.

II.

«Je sens que mon ame s'est tout-a-fait developpée, je puis créer»—говорилъ Пушкинъ, окончивъ въ 1825 мъ году «Бориса Годунова»[1]; если прибавить, что въ томъ же году Пушкинымъ написаны IV-ая глава «Евгенія Онѣгина», «Женихъ», «Графъ Ну-

---

[1]) «Я чувствую, что душа моя совершенно созрѣла, я могу творить».

линъ» и др., то надо будетъ признать, что сознаніе Пушкина не обмануло его: онъ дѣйствительно созрѣлъ для творчества, и Мицкевичъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть послѣ прочтенія трагедіи Пушкина — «tu Shakepeare eri, i fata inant» [1]). Хотя Пушкинъ въ наивности души и полагалъ, что имъ написано «истинно-романтическое» произведеніе, но въ дѣйствительности это былъ разрывъ съ романтизмомъ, разрывъ съ литературнымъ мѣщанствомъ, геніальное провозглашеніе принциповъ литературнаго реализма. Разрывъ съ романтизмомъ, конечно, еще не знаменовалъ собою разрыва съ «соціологическимъ индивидуализмомъ»; но къ этому принудили Пушкина результаты событій 1825-го года.

Результатомъ этихъ событій была система оффиціальнаго мѣщанства, съ которой мы познакомимся въ слѣдующей главѣ. Личность въ борьбѣ за самоосвобожденіе была раздавлена государствомъ; Левіаѳанъ торжествовалъ; просвѣта надежды не было никакого. Русская интеллигенція, эта носительница идеи личности, была разгромлена; немногіе выброшенные грозою на берегъ должны были затаить глубоко въ душѣ прежніе идеалы. Мало-по-малу смирился и Пушкинъ; глубокій реалистъ, онъ увидѣлъ, что въ эпоху оффиціальнаго мѣщанства идеалы равноправія личности и общества—не реальны, не осуществимы; бороться же за нихъ во что бы то ни стало онъ не могъ, онъ никогда не былъ бойцомъ. Но въ то же самое время идея личности была ему слишкомъ дорога, чтобы съ легкимъ сердцемъ пожертвовать ею торжествующему Левіаѳану; надо было найти выходъ изъ этой дилеммы. И вотъ Пушкинъ все болѣе и болѣе начинаетъ склоняться отъ соціологическаго къ эстетическому индивидуализму; этому

---

[1]) «Если судьба позволитъ—ты будешь Шекспиромъ!»

способствовала еще, какъ мы это увидимъ, ожесточенная борьба Пушкина съ мѣщанствомъ: презирая его, поэтъ затворился въ гордомъ одиночествѣ эстетическаго индивидуализма. Пушкинъ не отрекся отъ былыхъ идеаловъ, но перенесъ ихъ цѣликомъ въ другую область; онъ не палъ, а, по вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго, «сдѣлался самимъ собой, но, по несчастью, въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личности»...

«Эстетическій индивидуализмъ» Пушкина приводитъ насъ прежде всего къ вопросу объ его отношеніи къ теоріи искусства для искусства; къ сожалѣнію, мы не можемъ пройти мимо этого стараго, жеваннаго и всѣмъ надоѣвшаго вопроса. Вскрыть обычную ошибку въ рѣшеніи этого вопроса—какъ со стороны утилитаристовъ, такъ и со стороны представителей «чистаго искусства»—мы попытаемся впослѣдствіи; теперь-же мы ограничимся только самымъ необходимымъ, и прежде всего укажемъ, что именно Пушкинъ со своими литературными сверстниками закрѣпилъ въ русской литературѣ теорію «искусства для искусства», какъ ни стараются снять съ него это тяжкое обвиненіе нѣкоторые критики; и быть можетъ въ этомъ одна изъ главныхъ заслугъ Пушкина передъ русской литературой. Онъ первый ясно и опредѣленно высказалъ, что *въ области художественнаго творчества* должно руководиться только и исключительно принципомъ искусства для искусства, что тенденціозное искусство есть уже ремесленничество; но въ то же время онъ никогда не утверждалъ, что принципъ чистаго искусства долженъ быть примѣненъ *къ самому художнику*, какъ это впослѣдствіи сдѣлали эстеты восьмидесятыхъ и де-

вяностыхъ годовъ; никогда онъ не утверждалъ, что поэтъ долженъ всецѣло уйти въ искусство и въ немъ одномъ видѣть цѣль и смыслъ жизни. *Цѣль искусства—въ искусствѣ, но цѣль художника, какъ человѣка—въ самой жизни:* такова была, какъ можно предполагать, мысль самого Пушкина, при чемъ главное свое вниманіе онъ обращалъ на первую половину этого положенія.

Жизнь во всей ея широтѣ всегда притягивала къ себѣ величайшаго изъ нашихъ реалистовъ; но въ искусствѣ онъ не признавалъ никакихъ стѣсняющихъ поэта рамокъ тенденціи или пользы. Въ этомъ своемъ «эстетическомъ индивидуализмѣ» онъ шелъ по стопамъ Жуковскаго, но шелъ сознательно и съ открытыми глазами, въ то время какъ Жуковскій все время пытался ухватиться за призракъ «пользы», «цѣли» въ искусствѣ; интересно при этомъ, что именно Жуковскій своей лирикой открылъ дорогу эстетическому индивидуализму въ русской литературѣ, и самъ же испугался своего индивидуализма. Въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину онъ предлагаетъ ему первое мѣсто на русскомъ Парнасѣ, «если съ *высокостью генія* соединишь и *высокость цѣли*»,—подчеркиваетъ Жуковскій; въ другой разъ онъ пишетъ: «я не знаю ничего совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?» Вѣроятно, желая создать нѣчто «высокое» для отечества, которое такъ нуждается въ этомъ, Жуковскій нѣсколько лѣтъ спустя снова принялся за свои баллады, до верху наполненныя чертями, мертвецами, вѣдьмами, вранами и прочими ужасами, хотя и не выяснилъ, въ чемъ была здѣсь высокая цѣль? Пушкинъ великолѣпно отвѣтилъ своему побѣжденному учителю: «ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ?

Вотъ на! Цѣль поэзіи— поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). «Думы» Рылѣева цѣлятъ, а все невпопадъ»...

III.

Такъ Пушкинъ вступилъ на путь «эстетическаго индивидуализма», принципы котораго приблизительно въ то же самое время были имъ высказаны въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» (1824 г.). Здѣсь впервые Пушкинъ свое одиночество, свой разрывъ съ «презрѣнной чернью» возводитъ на степень индивидуалистическаго принципа:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый
Безъ имени покинулъ свѣтъ!

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше замыкался Пушкинъ въ гордомъ одиночествѣ; если онъ иногда и приближался даже къ эстетизму—заявляя, напримѣръ, что не только цѣль поэзіи—поэзія, но и цѣль поэта—поэзія, что художникъ рожденъ исключительно

. . . для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ,—

то это было только мимолетнымъ облачкомъ, не оставляющимъ тѣни на свѣтломъ и широкомъ міровоззрѣніи Пушкина. Обращаясь къ поэту съ ясно выраженнымъ требованіемъ гордой «самоцѣльности», Пушкинъ въ то же время указывалъ ему и на широту жизни, на необъемлемость міра: не случайно почти одновременно написаны имъ стихотворенія

«Поэту» (1830) и «Эхо» (1831 г.). Въ первомъ изъ нихъ—яркая проповѣдь «эстетическаго индивидуализма»:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

Это лучшій завѣтъ художнику, кѣмъ-либо и когдалибо данный до настоящаго времени: всякое искусство мыслимо только какъ чистое искусство, истинный художникъ свободенъ отъ всякой тенденціи:

. . . вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ...

Но въ то же самое время *поэтъ* долженъ быть *человѣкомъ*, онъ долженъ откликаться своимъ сердцемъ на всѣ звуки окружающаго его міра,—

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу густомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ..

Однимъ словомъ, цѣль поэзіи—поэзія, но цѣль поэта—вся широта человѣческой жизни. Этимъ признаніемъ Пушкинъ счастливо избѣжалъ крайностей мѣщанскаго эстетизма; съ другой стороны, въ равной мѣрѣ избѣжалъ онъ и подчиненія какой бы то ни было тенденціи въ своемъ поэтическомъ творчествѣ. Кумиръ пользы казался ему главнымъ богомъ мѣщанской толпы и утилитарная теорія искусства ему претила: «Мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда,—писалъ Пушкинъ въ томъ же 1830 году:—мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть польза». Мы впослѣдствіи увидимъ, какъ эти же понятія расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ уже въ шестидесятыхъ годахъ...

Какъ глубоко затрагивали Пушкина всѣ эти

мысли, можно видѣть хотя бы по одному тому, что въ цѣломъ рядѣ произведеній того времени (1830 г.) онъ касается или этихъ мыслей, или вызванныхъ ими настроеній. Въ «Скупомъ Рыцарѣ» Пушкинъ обращается къ психологіи одиночества, къ психологіи того человѣка, который можетъ сказать самъ себѣ — «ты царь — живи одинъ», подобно поэту; наоборотъ, и пушкинскій «Поэтъ» могъ бы сказать словами скупого рыцаря:

Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу...
Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...
Я царствую!..

Гордое сознаніе мощи, гордое одиночество — оно было особенно близко сердцу Пушкина именно въ это время, какъ мы видѣли выше; на этой почвѣ далъ обильные плоды его «эстетическій индивидуализмъ». Но это только первая половина идеи Пушкина; вторая половина заключена въ признаніи необходимости широкаго кругозора, безпрестаннаго проникновенія въ кипящую жизнь со стороны гордаго въ своемъ одиночествѣ человѣка. Этой идеи Пушкинъ коснулся въ «Моцартѣ и Сальери», окончательно завершенномъ черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Сущность «Моцарта и Сальери» — развитіе идеи о взаимоотношеніи между геніемъ и талантомъ: эта характеристика, съ легкой руки Бѣлинскаго, сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашего времени. Въ этомъ, однако, заключена только часть истины. Сальери не талантъ, онъ ремесленникъ въ искусствѣ, хотя въ то же время ярый поборникъ теоріи чистаго искусства; онъ анатомируетъ искусство какъ трупъ и думаетъ достигнуть совершенства «усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ»: онъ

увѣренъ даже, что уже «въ искусствѣ безграничномъ достигнулъ степени высокой». Пусть добродушный и геніальный Моцартъ признаетъ его даже геніемъ, наравнѣ съ собой,—это ничего не доказываетъ: вѣдь и Пушкинъ признавалъ въ такихъ посредственностяхъ, какъ Дельвигъ или кн. Вяземскій, прекрасный талантъ и вдохновенность! Непосредственный геній Моцарта, широкаго при всей своей глубинѣ, противопоставляется узкому ремесленничеству Сальери; «праздный гуляка» Моцартъ, способный «остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпого», способный возиться на полу съ своимъ мальчишкой въ то время, когда носитъ въ своей душѣ божественное произведеніе — противопоставляется узкому эстету Сальери, который «упрямо и надменно» отрекся отъ всего и «предался одной музыкѣ», отвергнувъ и «науки, чуждыя музыкѣ», и «праздныя забавы». Такимъ образомъ, если въ Моцартѣ Пушкинъ видитъ свободнаго генія, для котораго *цѣль искусства—искусство* (а вѣдь самъ Моцартъ причисляетъ себя къ числу людей,

> Пренебрегающихъ презрѣнной пользой
> Единаго прекраснаго жрецовъ),

то въ Сальери онъ казнитъ эстетическое мѣщанство, полагающее, что *исключительная цѣль человѣка—искусство*; въ Моцартѣ—широта и геній, въ Сальери—ремесленничество и узость.

Самъ Пушкинъ, конечно, былъ Моцартомъ, а не Сальери: онъ никогда не унижался до эстетизма, онъ всегда откликался, какъ эхо, на всѣ отзвуки современности. Правда, общественныя движенія были для него послѣ 1825 года закрытой книгой, но вѣдь это именно были годы, когда разгромленная русская интеллигенція еще не успѣла собраться съ силами для новой борьбы на жизнь и на смерть; этимъ

объясняется и постепенный переходъ Пушкина отъ соціологическаго къ «эстетическому индивидуализму». Впрочемъ, быть можетъ, самъ Пушкинъ понималъ, что роскошные плоды эстетизма въ угнетающую эпоху оффиціальнаго мѣщанства—своего рода «Пиръ во время чумы» (написанный имъ, къ слову сказать, одновременно съ «Моцартомъ и Сальери» и «Скупымъ Рыцаремъ»); но повторяю еще разъ, бойцомъ онъ не родился. Поэтому въ концѣ концовъ онъ неизбѣжно пришелъ отъ «эстетическаго индивидуализма» къ политико-общественному индифферентизму. Надо замѣтить однако, что проблемы соціологическаго индивидуализма попрежнему глубоко интересовали Пушкина; вопросъ о взаимоотношеніи личности и общества дважды поднимается имъ послѣ 1825 года: сначала онъ пишетъ поэму «Галубъ» (1829 —1833 г.), а затѣмъ, не окончивъ ее, пишетъ *на ту же самую тему* «Мѣднаго Всадника» (1833 г.). Общая тема двухъ этихъ столь различныхъ поэмъ — «трагическая коллизія между обществомъ и человѣкомъ», говоря словами Бѣлинскаго.

IV.

Въ «Галубѣ» Пушкинъ явно стоитъ еще на сторонѣ личности въ ея борьбѣ съ обществомъ. По оставшейся въ тетрадяхъ Пушкина программѣ этой неоконченной поэмы можно предполагать, что содержаніе ея должно было заключаться приблизительно въ слѣдующемъ: Тазитъ — черкесъ-христіанинъ — воспитанный вдали отъ родного аула, возвращается подъ сѣнь отцовскаго дома; сталкиваются два міровоззрѣнія, свободно развившаяся личность сталкивается съ деспотизмомъ общественнаго уклада. Отцу Тазита, этому типичному представителю общества, нужны въ сынѣ

Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ;

ему нужно, чтобы сынъ притащилъ на арканѣ бѣжавшаго раба, чтобы онъ нечаяннымъ ударомъ свалилъ проѣзжавшаго съ товаромъ купца, чтобы онъ принесъ отцу голову убійцы своего брата. Тазитъ безмолвно отказывается сдѣлать и то, и другое, и третье. Происходитъ рѣзкій разрывъ: общество, въ лицѣ отца, съ проклятіемъ изгоняетъ осмѣлившуюся быть самостоятельной личность; Тазитъ удаляется въ тотъ аулъ, гдѣ живетъ любимая имъ дѣвушка, но теперь—

...горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...

Горе той личности, которая осмѣлилась проявить свою индивидуальность въ разрѣзъ съ желаніями общества: Тазитъ обреченъ на погибель. Сватовство Тазита, очевидно, отклонено съ презрѣніемъ отцомъ подруги его сердца: на отверженномъ членѣ общества, на человѣкѣ иного міровоззрѣнія лежитъ клеймо позора. Тазитъ съ отчаяньемъ удаляется, но не отказывается отъ борьбы: онъ хочетъ привить изгнавшему его обществу свою мораль, свои этическія воззрѣнія — вѣдь онъ христіанинъ! Поэтому онъ дѣлается монахомъ и черезъ нѣкоторое время идетъ миссіонерствовать въ свои родные аулы. Какъ разъ въ это время въ горахъ Кавказа идетъ война и Тазитъ попадаетъ въ разгаръ кипящаго сраженія, быть можетъ, между двумя племенами, между двумя аулами. Онъ, проповѣдникъ всемірной любви, вѣроятно желаетъ остановить преступное кровопролитіе между родными ему по крови людьми, и гибнетъ самъ, какъ человѣкъ внѣ закона, какъ человѣкъ отвергнутый обществомъ, гибнетъ, быть можетъ, отъ руки своего же отца.

Таково, насколько возможно догадаться, содержаніе этой поэмы. Мы видимъ, что въ ней личность погибаетъ въ борьбѣ съ обществомъ, но — и это самое важное — не побѣждается имъ. Тазитъ умираетъ если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ: общество не заставило его отказаться ни отъ единой іоты его вѣрованій и мнѣній, а, наоборотъ, только усилило и укрѣпило ихъ. Такъ впослѣдствіи погибли, подобно Тазиту, и Пушкинъ и Лермонтовъ въ борьбѣ съ окружавшимъ имъ мѣщанствомъ: погибли — но не были побѣждены: судьба Тазита — судьба самого Пушкина. И Пушкинъ относится къ Тазиту мягко и любовно; *онъ весь на сторонѣ гонимой обществомъ личности, хотя и признаетъ почти полную неизбѣжность ея гибели.* — такова тема, разработанная Пушкинымъ въ «Галубѣ».

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» эта же самая тема разрабатывается Пушкинымъ уже нѣсколько иначе. *Личность не только погибаетъ, но и побѣждается государствомъ,* и Пушкинъ какъ бы предлагаетъ личности смириться передъ поглощающимъ ее Левіаѳаномъ, олицетвореннымъ въ образѣ Мѣднаго Всадника. Съ одной стороны — Петръ, гигантъ на бронзовомъ конѣ, властно вздергивающій уздой желѣзной Россію на дыбы, властно подавляющій права личности ради блага всего государства, властно воздвигающій «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» огромный городъ на гибель сотнямъ и тысячамъ отдѣльныхъ личностей; съ другой стороны — представитель этихъ послѣднихъ, единичная и довольно безцвѣтная личность, быть можетъ, даже слишкомъ безцвѣтная, почти ничтожная, но противопоставляемая стихійной общественной силѣ гиганта изъ мѣди и бронзы. На чьей сторонѣ симпатія Пушкина?

Бѣлинскій считалъ эту поэму грандіозной апоѳеозой Петра Великаго: «при взглядѣ на Великана...

мы хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства»... Нѣтъ сомнѣнія, что такова была и мысль самого Пушкина: недаромъ онъ наказываетъ сумасшествіемъ своего безцвѣтнаго героя за его дерзкое проклятіе стихійной силѣ того,

...чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Но въ то же самое время мы жестоко ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ окончательно разорвалъ съ «соціологическимъ индивидуализмомъ»; ошибка эта станетъ наиболѣе ясной изъ того двойственнаго отношенія къ Петру, которое такъ часто замѣчалось у Пушкина. Въ то же самое время, когда Пушкинъ такъ или иначе рѣшалъ проблему соціологическаго индивидуализма въ двухъ вышеуказанныхъ поэмахъ, онъ былъ увлеченъ планомъ написать исторію Петра Великаго и съ 1831 года до конца своей жизни тщательно собиралъ матеріалы для этой исторіи. Надо думать, что въ Петрѣ его именно интересовала стихійная сила государственности, подавляющая личность; по крайней мѣрѣ плодомъ изученія этихъ матеріаловъ явился «Мѣдный Всадникъ». Но и въ этихъ матеріалахъ, равно какъ и въ поэмѣ можно найти на ряду съ признаніемъ заслугъ Петра и рѣзкія выходки противъ его подавляющей личность системы. Въ «Мѣдномъ Всадникѣ», въ утерянномъ и до сихъ поръ не возстановленномъ монологѣ Евгенія передъ памятникомъ Петра выраженъ былъ яркій протестъ поглощенной безжалостнымъ Левіаѳаномъ индивидуальности; мы можемъ только догадываться, какая сила была вложена въ уста личности, проклинающей пресловутую «историческую необходимость», такимъ глубокимъ

индивидуалистомъ, какъ Пушкинъ: недаромъ монологъ этотъ (въ 30—40 стиховъ) производилъ потрясающее впечатлѣніе при чтеніи поэмы самимъ Пушкинымъ [1]).

Къ этому надо прибавить, что къ самому Петру Пушкинъ подчасъ чувствовалъ ненависть такую же, какъ и несчастный герой его поэмы; по словамъ Анненкова («Вѣстникъ Европы» 1880 г., № 6), имѣвшаго случай прочесть полностью также утраченныя замѣтки Пушкина къ исторіи Петра Великаго, замѣтки эти отличаются иногда крайней рѣзкостью. «Изданъ тиранскій указъ...» «Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ...», «несправедливость и жестокость...», «уничтожилъ всякую законность...»,—такими выраженіями полны эти замѣтки Пушкина, который не могъ не видѣть, какъ право и правда индивидуальности были жестоко поруганы разверзшимъ пасть Левіаѳаномъ. «У князя Меньшикова—замѣчаетъ Пушкинъ къ 1711—1714 гг.— на фейерверкѣ на щитѣ надпись: «идѣже правда, тамъ и помощь Божія», *однако Богъ помогъ не намъ...*» (курсивъ Пушкина); и дѣйствительно, если на сторонѣ Левіаѳана были право и правда, то, конечно, они были не человѣческими. Это чувствовалъ Пушкинъ тѣми проблесками этическаго индивидуализма, которые мы у него отмѣтили выше. Вотъ почему отношеніе его къ Петру всегда было двойственнымъ; Пушкинъ высоко цѣнилъ (хотя иногда и подвергалъ критикѣ) «государственныя учрежденія» Петра, и негодовалъ на его временные указы, «писанные кнутомъ»: «первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые вырвались у нетерпѣ-

---

[1]) Такъ передаетъ кн. П. Вяземскій, лично слышавшій этотъ отрывокъ и указывавшій на другихъ лицъ, также слышавшихъ его. Однако разсказъ этотъ ничѣмъ не подтвержденъ, а потому и подвергается сомнѣнію.

ливаго, самовластнаго помѣщика. NB. Это *внести* въ исторію Петра, *обдумавъ*», прибавляетъ и подчеркиваетъ Пушкинъ. Эта двойственность Петра обусловливаетъ двойственное отношеніе къ нему Пушкина; соціологическій индивидуализмъ поэта колебался въ 1831—1836 г. въ ту или иную сторону въ зависимости отъ того, какое лицо Петра видѣлъ передъ собою Пушкинъ. Во всякомъ случаѣ и въ послѣдніе годы жизни поэта проблема личности и общества такъ же глубоко интересовала его, какъ и въ періодъ созданія «Цыганъ» и увлеченія идеалами декабристовъ; отношеніе къ этой проблемѣ уже нѣсколько иное, но и тутъ Пушкинъ считаетъ возможнымъ безусловно стать (въ «Галубѣ») на сторону личности въ ея борьбѣ съ обществомъ и отнюдь не безусловно (въ «Мѣдномъ Всадникѣ»)—на сторону представителя «государственной необходимости» въ его борьбѣ съ личностью [1]).

Такимъ образомъ Пушкинъ до конца жизни разрабатывалъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу; впрочемъ, мы видѣли, что въ это время центръ тяжести его идеаловъ и интересовъ былъ перенесенъ съ соціологическаго на эстетическій, а отчасти и этическій индивидуализмъ. Бѣлинскій, этотъ поистинѣ великій критикъ земли русской, острымъ взглядомъ замѣтилъ это еще въ началѣ сороковыхъ годовъ и закончилъ свои критическія статьи о Пушкинѣ слѣдующимъ выводомъ, подчеркивающимъ этическій и эстетическій индивидуализмъ нашего поэта: «Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ-художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію какъ искусство, какъ художество. И потому онъ навсегда останется великимъ, образ-

---

[1]) Дальнѣйшее развитіе этихъ же взглядовъ—въ нашей статьѣ „Поэмы Пушкина“ (въ книгѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій“, 1916 г.).

цовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство *гуманности*, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка»... Къ этому проницательному опредѣленію можно прибавить еще только, что глубинная мудрость Пушкина заключалась въ пріятіи міра и жизни, что глубокая философія лежала въ основѣ пушкинскаго реализма. Но это—тема особая; о ней надо говорить вплотную и подробно [1]). Здѣсь же мы ограничиваемся лишь изученіемъ отношенія Пушкина къ вопросу о связи личности съ обществомъ, и видимъ, что власть надъ личностью государства Пушкинъ, какъ кажется, признавалъ, хотя и съ большими оговорками; власть же надъ личностью общества онъ зато отрицалъ самымъ категорическимъ образомъ.

Что такое для Пушкина было «общество?» Конечно, онъ не могъ понимать это слово въ научномъ соціологическомъ смыслѣ, хотя бы по одному тому, что въ то время и соціологіи-то еще не существовало. Пушкинъ постоянно противопоставляетъ личность опредѣленной *общественной группѣ*, по тѣмъ или инымъ характернымъ признакамъ послѣдней; лично онъ всю жизнь велъ борьбу съ бюрократической аристократіей, въ кругу которой судьба заставила его жить и умереть. Эта общественная группа была носительницей идеаловъ эпохи и системы оффиціальнаго мѣщанства, и, противопоставляя этой группѣ личность—прежде всего свою личность—Пушкинъ тѣмъ самымъ объявлялъ войну мѣщанству, заполонившему жизнь. Грибоѣдовъ началъ войну съ мѣщанствомъ въ области литературы, Пушкинъ велъ

---

[1]) Объ этомъ см. въ той же нашей книгѣ статьи „Евгеній Онѣгинъ“ и „Поэзія душевнаго единства“.

ее въ самой жизни. Въ этой его борьбѣ съ мѣщанствомъ за цѣльность своей индивидуальности заключается объясненіе многихъ его теорій, воззрѣній, поступковъ, словъ, мало понятныхъ въ отдѣльности; на этомъ практическомъ проявленіи «соціологическаго индивидуализма» Пушкина намъ поэтому необходимо остановиться подробнѣе. Мы коснемся личной жизни поэта, ибо не расчленяемъ насильственно художника отъ человѣка; нѣкогда Гончаровъ (въ статьѣ «Нарушеніе Воли») выразилъ мысль, что личность автора не подлежитъ суду критики: еже писахъ—писахъ, а до прочаго вамъ нѣтъ никакого дѣла, якобы можетъ заявить всякій авторъ. Этотъ характерно-мѣщанскій взглядъ лучше всего опровергается, какъ мы увидимъ, на примѣрѣ самого Гончарова; но и Пушкинъ остался бы намъ наполовину неясенъ, если бы не коснулись его борьбы съ мѣщанствомъ, его личной жизни.

V.

Общественная группа, съ которой боролся Пушкинъ, была, сказали мы, бюрократическая аристократія; въ этой борьбѣ во имя правъ личности Пушкинъ хотѣлъ найти оружіе въ правахъ аристократіи старинной, родовой. Конечно, это было исторической ошибкой, особенно послѣ 1825 года, но дѣлать изъ этой ошибки преступленіе Пушкина и объяснять его аристократизмъ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ въ настоящее время уже, кажется, никто не рѣшится. Сословные предразсудки Пушкина коренились въ его борьбѣ съ мѣщанствомъ бюрократической аристократіи, въ его борьбѣ за права индивидуальности. «Je n'aspire qu'a l'indèpendance» [1]), неоднократно повто-

[1]) «Я стремлюсь только къ независимости».

ряетъ Пушкинъ еще въ эпоху своихъ невольныхъ скитаній по Россіи; независимость писателей въ частности — его мечта: «мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ,—пишетъ Пушкинъ Бестужеву:—онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!»... «Ты сердишься, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (NB: мое дворянство старѣе),—находимъ мы въ слѣдущемъ письмѣ:—какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей?» Духъ независимости—вотъ что дорого Пушкину, но въ то же самое время онъ требуетъ полнаго равенства въ самой литературѣ: «въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ?» Такимъ образомъ аристократизмъ Пушкина не былъ у него сословнымъ предразсудкомъ, а имѣлъ болѣе глубокое значеніе, былъ развитъ въ цѣлую систему и имѣлъ весьма опредѣленный политическій характеръ. Пушкинъ полагаетъ, что старинная, родовая, наслѣдственная аристократія—непремѣнно наслѣдственная, ибо «l'hèrèditè de la la haute noblesse est une garantie de son indèpendance» [1])—является своего рода конституціонной гарантіей, будучи сдерживающимъ моментомъ деспотизма; такая точка зрѣнія Пушкина была причиной его отрицательнаго отношенія къ бюрократической реформѣ Сперанскаго, а отчасти и Петра Великаго; табель о рангахъ, которую впослѣдствіи Гоголь признавалъ изобрѣтеніемъ Господа Бога, была для Пушкина первопричиной всѣхъ неустройствъ русской жизни (VI, 326). Иде-

---

1) «Наслѣдственность высшей знати—гарантія ея независимости».

алъ Пушкина—аристократическая олигархія, самое существованіе которой, по его мысли, было бы достаточной гарантіей общей независимости; бюрократическая аристократія—это parvenu-оселъ, лягающій демократическимъ копытомъ геральдическаго льва; къ этой высшей бюрократіи Пушкинъ былъ безпощаденъ (см. «Моя родословная» и др.).

Конечно, все это не что иное, какъ, съ одной стороны, слѣпое слѣдованіе по стопамъ графа Мордвинова, съ идеалами котораго мы уже знакомы, а съ другой стороны — политическая близорукость: Пушкинъ вѣрно различалъ своего врага, но наивно искалъ спасенія въ навѣки погибшей утопіи; послѣ 14-го декабря странно было мечтать объ аристократической олигархіи. Какъ утопающій за соломинку, схватился Пушкинъ за ходившую въ то время (1830 г.) молву о томъ, будто государь составилъ «проектъ новой организаціи контръ-революціи революціи Петра» (VII, п. 220); съ этой «контръ-революціей» мы познакомимся въ слѣдующей главѣ—она оказалась системой оффиціальнаго мѣщанства. И Пушкинъ, все время пытавшійся примириться съ этой системой, кончаетъ тѣмъ, что на закатѣ своей жизни горько восклицаетъ въ своемъ письмѣ къ Чаадаеву: «il faut bien avouer, que notre existence sociale est une triste chose»... [1])

Какъ бы ни невѣрно оцѣнивалъ Пушкинъ общее положеніе дѣлъ и группировку классовъ, но врага своего онъ видѣлъ ясно, и это самое важное; съ этимъ врагомъ онъ боролся до послѣдняго издыханія. Теперь вѣроятно никто уже не впадетъ въ ошибку Писарева и не обрушитъ громовъ на голову Пушкина за его презрѣніе къ «толпѣ», къ «черни», къ «безсмысленному народу»: слишкомъ очевидно, что всѣ эти

---

[1]) «Надо сознаться, что общественное существованіе наше—печальная вещь».

эпитеты относятся къ той общественной группѣ, съ которой неуставно боролся нашъ поэтъ. Ненависть къ мѣщанству, воплощенному въ этой общественной группѣ, ни на минуту не умирала въ Пушкинѣ; «презрѣнная чернь», «чернь тупая», «безсмысленный народъ» — иныхъ словъ Пушкинъ не имѣетъ въ запасѣ по отношенію къ торжествующему мѣшанству, къ той «свѣтской черни», о которой поэтъ иногда говоритъ en toutes lettres (напр., «Евгеній Онѣгинъ», гл. VIII, строфа X); употребляя же слова «чернь» и «народъ» въ ихъ обычномъ смыслѣ. Пушкинъ именно противопоставляетъ ихъ свѣтской черни придворныхъ залъ (см. стих. «Когда великое свершалось торжество»).

Въ этой борьбѣ съ торжествующимъ мѣщанствомъ Пушкинъ былъ трагически одинокъ; слѣдствіемъ этой борьбы и этого одиночества было развитіе въ поэтѣ того «эстетическаго индивидуализма», о которомъ мы уже говорили. Но — «ино дѣло — слово, ино дѣло — дѣло»: легко было сказать самому себѣ —

Ты царь — живи одинъ,

легко было въ области искусства удалиться въ гордое одиночество, но нельзя было на дѣлѣ уйти отъ торжествующаго въ жизни мѣщанства. Пушкинъ былъ окруженъ этой мѣщанской атмосферой, онъ задыхался въ ней, погибъ въ ней, и гибель эта была тѣмъ трагичнѣе, чѣмъ глубже была ненависть Пушкина къ духовному мѣщанству. Узость претила ему всегда. Еще въ 1825 г., чуть сбросивъ съ себя оковы байронизма, Пушкинъ обвиняетъ даже Байрона въ мѣщанствѣ за его узость: «quel homme que ce Shakespeare! je n'en reviens pas, — пишетъ онъ въ эту эпоху своего перваго знакомства съ Шекспиромъ: — comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce

Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère»... [1]) Если даже въ Байронѣ Пушкинъ находилъ мѣщанство, то что же сказать объ его отношеніи къ той поистинѣ мѣщанской толпѣ, съ которой ему приходилось всю жизнь бороться?.. По поводу того же Байрона и его посмертныхъ «Записокъ» Пушкинъ разражается рѣзкой филиппикой противъ мѣщанства: «толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. «Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы!» Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ не такъ, какъ вы — иначе!» Эта мѣщанская толпа прекрасно понимала, что Пушкинъ не можетъ снизойти до ея уровня, не можетъ стать «какъ всѣ», что если даже онъ споткнется на скользкомъ пути мѣщанства, то все-таки смѣло кинетъ въ глаза свѣтской черни, въ отвѣтъ на ея злорадство: врете, подлецы! я даже въ мѣщанствѣ не таковъ, какъ вы, я всюду и вездѣ сохраняю свою индивидуальность. И за это, безличное мѣщанство, быть можетъ, болѣе всего преслѣдовало Пушкина.

Правда, самому Пушкину иногда было тяжело полное душевное одиночество; ему иногда хотѣлось жить «какъ всѣ», поступать «какъ большинство»... Съ горькой проніей заявляетъ онъ о своемъ желаніи войти въ ряды мѣщанства: «до сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes... [2]) Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди»...

---

[1]) Шекспиръ—что это за человѣкъ! Я не могу притти въ себя! Какимъ мѣщаниномъ является передъ нимъ «трагическій» Байронъ! Этотъ Байронъ, который разъ на всегда постигъ только одинъ характеръ»... (Письма, VII, 113; ср. V. 53).

[2]) «Счастье—лишь на общихъ путяхъ».

(VII, п. 274). Въ это же время въ VIII-й главѣ «Евгенія Онѣгина» онъ съ грустной ироніей рисуетъ обычный мѣщанскій идеаль человѣка; онъ считаетъ счастливымъ того,

Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать—выгодно женатъ...
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N.—прекрасный человѣкъ!

Напрасныя надежды войти въ колею мѣщанства! И Пушкинъ самъ скоро почувствовалъ, какъ глубоко онъ ошибся, полагая, что можетъ примириться съ мѣщанствомъ свѣтской черни, съ мѣщанствомъ окружающей жизни; именно эта попытка примиренія съ мѣщанствомъ—женитьба поэта на великосвѣтской красавицѣ, не умѣвшей ни цѣнить, ни понимать своего мужа—послужила первой причиной гибели поэта. Нельзя безъ горькаго, гнетущаго чувства читать письма послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни, особенно его письма къ женѣ, въ которыхъ вырисовывается страшная картина постепенной гибели поэта

Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ...

Чтобы жить «какъ люди» среди свѣтской черни, Пушкину приходится съ утра до ночи работать надъ скучнымъ, нелюбимымъ дѣломъ, пускаться, что называется, во всѣ тяжкія—и писать женѣ: «Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80.000 доходу. И буду ихъ имѣть! Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію»... И въ то же самое время отчаянныя, хватающія за сердце признанія: «я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ»... «Писать книги для денегъ, видитъ

Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а расхода 30.000»... Наконецъ, утопающій въ мѣщанскомъ болотѣ великій поэтъ хватается за соломинку, за послѣднюю надежду — «плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино»: «откажусь отъ всего - и стану жить припѣваючи»... Но тутъ уже на него обрушиваются всѣ силы мѣщанства, даже съ Жуковскимъ во главѣ; его обвиняютъ въ неблагодарности, въ преступленіи, чуть-ли не въ безуміи (см. письма Жуковскаго, 1834 г. іюль). Въ отвѣтѣ Пушкина слышится крикъ затравленнаго человѣка: «я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе-- какое тутъ преступленіе? какая неблагодарность?» Но мѣщанство побѣдило — Пушкинъ остался среди свѣтской черни, донимавшей великаго поэта булавочными уколами и исподтишка готовившей ему гибель: приближалось 27 января 1837 года, когда пуля ничтожнаго представителя свѣтской черни, торжествующаго мѣщанства, погубила величайшаго русскаго поэта, борца за права личности противъ мѣщанства.

Такъ погибъ въ борьбѣ съ мѣщанствомъ первый и величайшій представитель глубиннаго реализма среди русской интеллигенціи, первый поэтъ, достигшій вершины «эстетическаго индивидуализма», стремившійся примириться съ окружающей дѣйствительностью и погибшій отъ обыденности мѣщанства. Онъ погибъ, но не былъ побѣжденъ: побѣжденнымъ онъ оказался бы тогда, если бъ подъ давленіемъ среды воспринялъ мораль окружающаго его міра, отказался отъ своихъ былыхъ вѣрованій, сталъ жить «какъ всѣ» въ угоду свѣтской черни и удовлетворился такой жизнью. Побѣжденъ онъ не

былъ: подобно своему Тазиту онъ палъ въ борьбѣ съ обществомъ; онъ самъ предвидѣлъ свою гибель, ибо «Галубъ» написанъ какъ-разъ на тему неминуемости гибели личности въ ея трагической коллизіи съ обществомъ...

VI.

Еще при жизни Пушкина явился его преемникъ, во многихъ отношеніяхъ — полярная противоположность Пушкину, но въ борьбѣ съ мѣщанствомъ въ тысячи разъ болѣе опасный противникъ. Лермонтовъ снова перенесъ борьбу съ духовнымъ мѣщанствомъ изъ жизни въ литературу, и, быть можетъ, до самаго конца XIX го вѣка мѣщанство не имѣло болѣе безпощаднаго, болѣе непримиримаго врага.

Анти-мѣщанство Лермонтова — основа содержанія его творчества, та его сторона, которая объясняетъ намъ его съ головы до ногъ. *Лермонтовъ боролся съ мѣщанствомъ не опредѣленной общественной группы, подобно Пушкину, а съ мѣщанствомъ всего общества въ его цѣломъ, съ мѣщанствомъ самой жизни, какъ таковой.* Въ этомъ его оригинальная черта, кажется, до сихъ поръ мало понятая, въ этомъ его тѣснѣйшая связь съ большимъ художникомъ, отдѣленнымъ отъ него полу-вѣкомъ — съ Чеховымъ. Анти-мѣщанство Лермонтова — ключъ ко всему его міровоздѣйствію; ненависть къ «обыденному» привела его къ яркому провозглашенію правъ личности и приблизила къ тому истинному романтизму, котораго до того времени не было въ Россіи; она же вложила въ его сердце то презрѣніе къ окружающему міру, которое принято считать характернымъ лермонтовскимъ пессимизмомъ.

Лермонтовъ—пессимистъ: такое утвержденіе (по крайней мѣрѣ выраженное въ такой формѣ) кажется намъ въ высокой степени сомнительнымъ; мы увидимъ, что Лермонтовъ, подобно Чехову, одновременно является и рѣзкимъ пессимистомъ и яркимъ оптимистомъ. Чеховъ, подобно Лермонтову, не находилъ выхода изъ окружающей атмосферы мѣщанства, но въ то же самое время онъ твердо, религіозно вѣрилъ въ грядущую гибель мѣщанства и счастье всего человѣчества: «какъ хороша будетъ жизнь на землѣ черезъ триста лѣтъ!»—такова была его обычная фраза. Лермонтовъ, подобно Чехову, задыхался въ атмосферѣ мѣщанства жизни, но въ то же время онъ вѣрилъ, что сама по себѣ жизнь можетъ быть прекрасной даже не черезъ триста лѣтъ, а въ настоящее время. Она можетъ быть прекрасной—и является большей частью мѣщанской: что за трагическое противорѣчіе! Въ немъ лежитъ источникъ пессимизма Лермонтова, его мизантропія, его ненависть къ жизни, какъ проявленію мѣщанства.

Общеизвѣстны причины, оказавшія особенно сильное вліяніе на настроеніе и взгляды молодого поэта: семейныя неурядицы, душевный разладъ на ихъ почвѣ—не могли не отразиться отрицательнымъ образомъ на отношеніи поэта къ жизни и людямъ; главная причина однако лежитъ еще глубже и заключается въ глубокомъ раздвоеніи между психологическимъ типомъ Лермонтова и выработаннымъ имъ міровоззрѣніемъ. Какъ бы то ни было, но уже пятнадцатилѣтній поэтъ вполнѣ опредѣленно пришелъ къ мизантропическому пессимизму и къ ненависти къ жизни, этому воплощенному мѣщанству:

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный...

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за подобными мотивами въ поэзіи Лермонтова—они слишкомъ общеизвѣстны; можно только указать, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и безнадежнѣе становилось у Лермонтова это настроеніе: стихотвореніе «Благодарность» (1840 г.)—это трагедія въ восьми строкахъ, это послѣдній стонъ измученнаго мѣщанствомъ жизни человѣка.

Лермонтовъ ненавидѣлъ мѣщанство жизни самой по себѣ, и въ то же время, подобно Пушкину, погибъ отъ обыденности мѣщанства окружающей жизни. Какъ и Пушкинъ, онъ пытался быть «какъ всѣ», и чуть не захлебнулся въ тинѣ духовнаго мѣщанства. Въ эпоху «двухъ ужасныхъ годовъ» его юнкерства (его же собственное выраженіе изъ письма къ М. А. Лопухиной, отъ 23 дек. 1834 г.) онъ занимается мараніемъ скабрезныхъ поэмъ; позднѣе онъ тратитъ время и силы на некрасивыя, чтобы не сказать больше, попытки возвысить свое значеніе среди свѣтской черни безчестнымъ путемъ (исторію эту съ рѣдкой искренностью описалъ самъ Лермонтовъ въ автобіографическомъ романѣ «Княгиня Лиговская»; см. IV, 269—270); еще позже онъ радуется своимъ успѣхамъ среди свѣтской черни, гордится своею ролью льва петербургскихъ салоновъ: «je suis aussi *un lion*», съ тщеславіемъ заявляетъ онъ (IV, 278). Салонный левъ съ идеалами гвардейскаго офицерика: «bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mener!.. Oh, cela sera charmant! D'abord des bizarreries, des folies de toute espèce et de la poèsie noyée dans du champagne» [1] (IV. 265). И все это тщетныя попытки войти въ общую мѣщанскую колею: Лермонтовъ пробуетъ окунуться съ головой въ пошлую обыденную

[1]) «Боже мой, если бы вы знали, что за жизнь я предполагаю вести! О, это будетъ чудесно! Прежде всего—чудачества, сумасбродства всякаго рода, и поэзія, утопленная въ шампанскомъ»...

жизнь для того, чтобы спастись отъ сознанія мѣщанства жизни вообще; но ему не было спасенія.

Гордясь своими успѣхами среди свѣтской черни, Лермонтовъ ни на минуту не могъ закрыть глаза на жалкое духовное мѣщанство этой квинтъ-эссенціи мѣщанства. Подобно Пушкину, онъ не имѣетъ другихъ выраженій, другихъ эпитетовъ для характеристики этой свѣтской черни, кромѣ «жалкая толпа», «безумный свѣтъ» и т. п. (I, 225, 232 и др.) Его поражало полнѣйшее безличіе, совершеннѣйшее отсутствіе индивидуальности въ представителямъ того общества, въ которомъ онъ вращался: «ils me font l'effet d'un jardin français, bien etroit et simple, mais ou l'on peut se perdre pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du Maitre a ote toute difference!.. [1]) (IV, 257). И не надо думать, что духовное мѣщанство Лермонтовъ видитъ только въ одной общественной группѣ, подобно Пушкину: всѣ общественныя группы, все общество, все человѣчество кажутся ему насквозь пропитанными мѣщанствомъ. Съ этой точки зрѣнія онъ, быть можетъ, ярчайшій индивидуалистъ во всей русской литературѣ, иногда готовъ ненавидѣть человѣка, какъ человѣка:

Чѣмъ ты несчастливъ?—
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ.
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо! а я—человѣкъ!..

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной?—спрашиваетъ въ другой разъ поэтъ, и въ этомъ вопросѣ опять звучитъ ненависть къ мѣщанству всякой человѣческой жизни. Впослѣдствіи, въ зрѣлый періодъ

---

[1]) «Они производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень простого и узкаго, но въ которомъ можно съ перваго раза заблудиться, ибо ножницы Хозяина совершенно сравняли одно дерево съ другимъ».

между Лермонтовымъ и Чеховымъ, такіе вопросы казались смѣшными даже лучшимъ представителямъ русской интеллигенціи: «ахъ, отчего я не бревно!» — издѣвался впослѣдствіи Писаревъ. Людямъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ было вполнѣ непонятно то трагическое міровоззрѣніе, которое въ самой жизни видѣло почти сплошное мѣщанство. Мѣщанство это не ограничивается рамками опредѣленныхъ общественныхъ группъ, а получаетъ въ воззрѣніяхъ Лермонтова общечеловѣческое и чуть ли не міровое значеніе; его Демонъ (въ редакціи 1831 года—«Азраилъ») говоритъ даже, якобы съ завистью, о мѣщанствѣ ангеловъ, безстрастныхъ, спокойныхъ, уравновѣшенныхъ, между которыми вѣроятно тоже «le ciseau du Maître a ôtè toute difference» (см. II, 126); и, подобно Демону начала XX-го вѣка, лермонтовскій Демонъ могъ бы сказать про себя:

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю
Межъ тупоумцевъ экстатическихъ...
Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою...

(Бальмонтъ, «Голосъ Дьявола»). Въ Лермонтовѣ мы видимъ первые зачатки приданія мѣщанству нуменальнаго смысла, и въ этомъ его связь отчасти съ Гоголемъ, а больше всего съ символистами конца XIX-го вѣка.

Конечно, Лермонтовъ не могъ удовлетвориться своими успѣхами салоннаго льва; онъ любилъ

Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ;

его всегда тянуло къ какой-то новой, широкой, еще неизвѣданной имъ жизни; онъ постоянно ждалъ чего-то, ему казалось, что онъ стоитъ на рубежѣ новой, настоящей жизни:

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду...

Та жизнь, которую онъ велъ раньше, предстала предъ нимъ во всей своей мѣщанской неприглядности; всякая жизнь an und für sich представлялась ему обыденной, безцвѣтной. Уже одно это неизбѣжно толкало поэта на путь истиннаго романтизма; вступить на этотъ путь ему было тѣмъ легче, что по самой своей природѣ Лермонтовъ несомнѣнно принадлежалъ къ тому романтическому типу людей, которыхъ давитъ земная дѣйствительность, которымъ тѣсно въ пространствѣ трехъ измѣреній и которые вѣчно влекутся «за предѣлы предѣльнаго, къ безднамъ свѣтлой безбрежности». И однако Лермонтовъ не вступилъ на этотъ путь...

VII.

По самой своей природѣ Лермонтовъ несомнѣнно былъ религіознымъ романтикомъ, мистикомъ; онъ откровенно признается:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала...

Онъ твердо вѣритъ, что «иная есть страна» и что «понятье о небесномъ намъ дано»; онъ стремится прочь отъ реальнаго міра «за предѣлы предѣльнаго» (ср. I, 3, 119, 214; II, 20, 111 и др.). Но, въ противоположность слащавому піетисту Жуковскому, онъ не переноситъ «за предѣлы предѣльнаго» понятій и образовъ нашей земной дѣйствительности, не надѣется на то, что «въ знакомой и тайной странѣ прошедшее намъ возвратится;» наоборотъ—

И смерть пришла: наступило за гробомъ свиданье,—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали...

Нѣтъ необходимости подробнѣе останавливаться на этомъ пунктѣ воззрѣній и настроеній Лермонтова: это значило бы повторять всѣмъ уже давно извѣстное. Мистикъ въ душѣ, онъ не могъ ограничиться признаніемъ одной только эмпирической личности человѣка; послѣдняя безъ духовной личности для Лермонтова—ничто: «c'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi! A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue»... [1]).

Если бы Лермонтовъ отдался безъ борьбы романтическимъ тяготѣніямъ своей натуры, то онъ сдѣлался бы, вѣроятно, идеологомъ того философскаго романтизма, который мы встрѣтимъ въ поколѣніи тридцатыхъ годовъ; но роковая судьба вложила въ сердце Лермонтову только безкрылое желанье и возстановила его разумъ противъ его сердца; «умъ съ сердцемъ не въ ладу» были не только у одного Чацкаго, но и у цѣлаго ряда дѣятелей той эпохи. Чувство тянуло Лермонтова къ романтизму, сложившееся же подъ вліяніемъ среды міровоззрѣніе заставляло поэта осмѣивать

. . . страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму...

Въ этомъ сказалось глубокое душевное раздвоеніе поэта, еще болѣе усилившее пессимистическое его настроеніе. Это раздвоеніе, какъ основную свою черту, отмѣтилъ еще самъ Лермонтовъ (напр., въ «Героѣ нашего времени»); это раздвоеніе обратило религіозный романтизмъ Лермонтова въ неопредѣленный пантеизмъ; раздвоеніе это сказалось въ постановкѣ вопроса о разумѣ и чувствѣ (напр., въ «Думѣ»). Самъ страдая отъ глубокаго раздвоенія, поэтъ не

[1]) «Ужасно подумать, что можетъ притти день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли вселенная есть лишь комъ грязи»...

могъ не задаться вопросомъ о томъ, ведетъ ли къ счастью человѣка порабощеніе сердца умомъ, примать интеллекта надъ инстинктомъ? Въ отвѣтъ на это мы слышимъ горькія рѣчи о безплодной наукѣ, о язвахъ, гнетѣ и развратѣ просвѣщенья (I, 7, 8, 20; II, 167; III, 63, 113; IV, 37 и др.): какая разница по сравненію съ гармоничнымъ и цѣльнымъ Пушкинымъ! [1]) Лермонтовъ начинаетъ собою новый періодъ въ развитіи русской интеллигенціи: занимавшіе его «проклятые вопросы», въ томъ или иномъ ихъ видоизмѣненіи, перекинулись черезъ людей сороковыхъ годовъ къ семидесятникамъ и далѣе. Это не значитъ, что Герценъ, Михайловскій или Достоевскій заимствовали у Лермонтова свои идеи, но значитъ, что у Лермонтова были въ зачаточномъ видѣ идеи и Достоевскаго, и Михайловскаго, и Герцена. Мы могли бы указать цѣлый рядъ мотивовъ Лермонтова, разработанныхъ впослѣдствіи представителями русской интеллигенціи (Конечно, мы говоримъ не о томъ, что, напримѣръ, въ нѣсколькихъ строкахъ стихотворенія «Не говори: однимъ высокимъ»... затронута тема «Преступленія и наказанія» Достоевскаго).

Въ раздвоеніи Лермонтова— основная причина его пессимизма, но въ немъ же коренится и его спасительная любовь къ жизни: страдая отъ разрыва непосредственнаго чувства съ сознаніемъ, Лермонтовъ въ то же самое время всей силой своего непосредственнаго чувства былъ привязанъ къ той самой жизни, которую признавалъ по существу мѣщанской. Онъ стремился «за предѣлы предѣльнаго» и въ то же время жадно любилъ все земное: въ этомъ несоединимомъ сочетаніи романтическихъ и реалисти-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ—въ нашей статьѣ «Поэзія душевнаго раздвоенія» (въ книгѣ «Пушкинъ и Бѣлинскій», 1916 г.).

ческихъ элементовъ было много трагическаго, но въ немъ же заключалась и возможность лермонтовскаго оптимизма. Еще Бѣлинскій отмѣтилъ у Лермонтова «безвѣріе въ жизнь при жаждѣ жизни»; жизнь an und für sich Лермонтовъ считаетъ безнадежно мѣщанской и поэтому тяготѣетъ къ «небесному», но въ то же время, быть можетъ, еще интенсивнѣе Пушкина любитъ все «земное» проникновенной, глубокой любовью. Какъ типичный романтикъ Лермонтовъ

... силится купить страданіемъ своимъ
И гордою побѣдой надъ земнымъ
Божественной души безбрежную свободу,

и въ то же время онъ всѣми своими помыслами живетъ на землѣ; «мнѣ милѣй страданія земныя», подобно Фаусту, заявляетъ нашъ поэтъ: «люблю мученія земли»... (I, 105, 161).

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно,—

еще болѣе рѣшительно заявляетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ. И такое раздвоеніе между «небомъ» и «землей», сказывающееся еще въ дѣтскихъ произведеніяхъ Лермонтова, проходитъ черезъ всю его поэзію; интересно въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ первыхъ стихотвореній Лермонтова, въ которомъ онъ проситъ у Бога прощенія за то, что міръ земной ему тѣсенъ:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю...

Эта любовь къ землѣ озарила поэзію Лермонтова пантеизмомъ и привела поэта къ яркому признанію правъ человѣческой личности на жизнь.

Пантеизмъ Лермонтова былъ компромиссомъ между его романтическими чувствами и реалисти-

ческими взглядами: онъ приближался къ мистицизму своимъ отказомъ ограничиться міромъ земной дѣйствительности («мертвая краса» «равнодушной природы»—вотъ эта дѣйствительность съ точки зрѣнія реалиста), и въ то же время пантеизмъ этотъ былъ въ высшей степени «земнымъ» чувствомъ. Характерно въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ стихотвореній Лермонтова, «Выхожу одинъ я на дорогу»: молчаливое вниманіе пустыни, тихій разговоръ звѣзды со звѣздой, сонъ земли въ сіяньи голубомъ—все это одновременно и отрываетъ поэта отъ земной обыденности, и привязываетъ его къ ней; онъ одновременно не ждетъ отъ жизни ничего, ищетъ забвенія, и въ то же время въ забвеніи жаждетъ жизни,—

Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь...

Здѣсь налицо передъ нами то причудливое сочетаніе ненависти къ жизни (къ мѣщанской жизни!) съ жаждой жизни, которое такъ характерно для Лермонтова. Въ этой жаждѣ жизни—вторая главная сторона творчества нашего поэта, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которой является проникновенный индивидуализмъ, не такой гармоничный и цѣльный, какъ у Пушкина, но неизмѣримо болѣе рѣзкій и яркій.

VIII.

Жажда жизни, жажда неутолимая никакимъ удовлетвореніемъ, а потому и принимающая «романтическую» окраску; жажда жизни, приводящая къ полному разрыву со всѣми узами, мѣшающими человѣку жить «во всю», а значитъ провозглашающая принципъ индивидуализма—все это было съ удивительной силой и рѣзкостью высказано Лермонтовымъ въ одномъ

изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній всей русской литературы XIX-го вѣка, въ «Мцыри», которое Лермонтовъ писалъ, какъ и своего «Демона», въ теченіе всей своей жизни. Еще юношей, въ 1831 г., Лермонтовъ задумалъ написать записки монаха, томящагося въ монастырѣ (IV, 292); въ произведеніяхъ 30-хъ годовъ мы находимъ у него цѣлый рядъ попытокъ выполнить это намѣреніе («Исповѣдь», 1830 г.; «Бояринъ Орша», 1835 г. и др.); окончательная переработка всѣхъ этихъ этюдовъ дала русской литературѣ «Мцыри» (1840 г.). Такимъ образомъ желаніе написать «апоѳеозъ жизни» десять лѣтъ сопутствовало поэту, въ то время какъ ненависть къ жизни, какъ къ воплощенію мѣщанства, была его характернѣйшей чертой.

«Мцыри» — апоѳеозъ жизни, яркое выраженіе безумной любви къ ней, апоѳеозъ личности, свергнувшей съ себя всѣ порабощавшія ее узы. Ничего подобнаго по силѣ не появлялось тогда въ русской литературѣ; только «Шильонскій узникъ» Байрона, такъ удивительно переведенный Жуковскимъ за двадцать лѣтъ до «Мцыри», можетъ считаться случайнымъ предшественникомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, которое мы хотѣли бы переписать цѣликомъ, вмѣсто того, чтобы указывать на его громадное значеніе въ исторіи развитія индивидуализма въ русской литературѣ и жизни. Пантеизмъ Лермонтова и его безконечная жажда свободы личности ярче и рѣзче всего высказались именно въ этомъ предсмертномъ его произведеніи.

Мы сказали уже, что Лермонтовъ былъ глубокимъ пантеистомъ и примирялъ этимъ свои романтическіе порывы съ реалистическимъ міровоззрѣніемъ. Онъ чувствовалъ біеніе пульса природы, онъ чувствовалъ себя составной ея частью, участникомъ ея жизни. У Пушкина природа живетъ жизнью человѣка, и

только оттого безконечно велика и разнообразна, что отражаетъ въ себѣ человѣческое чувство и человѣческую мысль; у Лермонтова, наоборотъ, природа живетъ своей собственной жизнью и не она сливается съ человѣкомъ, а человѣкъ сливается съ ней. У Лермонтова Бештау злобно взираетъ на русскихъ; рѣка, крутясь съ гордымъ бѣшенствомъ, не отвѣчаетъ улыбкѣ неба; звѣзды слушаютъ поэта, радостно играя лучами; въ облакахъ кипятъ южныя страсти; тучка летитъ, простирая крылья по вѣтру; природа, какъ беззаботное дитя, тѣшится вѣчно-молодою жизнью (см. I, 66, 76; II, 165, 185, 210—1; см. еще I, 27; II, 17, 25, 45 и др.). И вы чувствуете, что все это не простой façon de parler, что природа для Лермонтова — чудное, любимое существо, ради котораго онъ забудетъ всѣ женскіе взгляды (ср. III, 75). Мцыри — подобно всѣмъ героямъ Лермонтова его alter ego — воплотилъ въ себѣ этотъ пантеизмъ съ послѣдней полнотой, послѣдней яркостью. Онъ порвалъ всѣ связи съ людьми, онъ ушелъ въ живущую вѣчно-молодой жизнью природу, онъ

.. вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ...

И на этомъ фонѣ пантеистическаго слiянiя съ природой вырисовывается та безпредѣльная жажда жизни, которая только и можетъ быть противопоставлена обычному, мѣщанскому прозябанiю. Три дня своей вольной, одинокой жизни на груди природы Мцыри не промѣняетъ на цѣлыя десятилѣтiя мирнаго житiя:

Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ...

И эти три дня мощнаго апоѳеоза его личности, три дня цѣльной, широкой и яркой жизни осмысливают собой и всю короткую, темную и печальную жизнь Мцыри; недаромъ онъ говоритъ увѣщевающему его монаху:

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ?—Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей...

И, конечно, за Мцыри стоитъ самъ Лермонтовъ. Намъ неизвѣстно, имѣлъ ли онъ въ своей жизни, подобно своему герою, хотя бы три «блаженныхъ дня», но во всякомъ случаѣ онъ сознавалъ ихъ полную возможность—*и не черезъ триста лѣтъ, а немедленно, сейчасъ же*, среди этой мѣщанской по существу жизни. Быть можетъ, неутолимость этой возможности прибавляла лишнюю каплю горечи къ лермонтовскому пессимизму, но во всякомъ случаѣ неоспоримъ его взглядъ на жизнь, какъ на нѣчто прекрасное, яркое и блаженное, хотя и обращенное людьми въ слякотное, сѣрое мѣщанство обыденности. Сквозь мрачные, пессимистическіе взгляды на окружающую жизнь, у Лермонтова иногда прорываются, какъ лучи свѣта сквозь тучи, драгоцѣнныя признанія о томъ, что онъ дорожитъ своею жизнью, какъ неосуществленной возможностью достиженія яркаго, гармоничнаго существованія, какъ проявленіемъ своей личности, своего я. Въ откровенномъ и дружескомъ письмѣ онъ пишетъ о своей жизни: «je ne pourrai jamais m'en detacher assez pour la mepriser de bon coeur, car ma vie—c'est moi, moi qui vous parle...» [1]) (IV, 259). Уже одно это признаніе показываетъ, насколько глубоко правъ былъ Бѣлинскій, угадавшій въ молодомъ

[1]) «Я никогда не смогу оторваться отъ нея настолько, чтобы отъ чистаго сердца презирать ее, ибо жизнь моя—это я, я, говорящій вамъ это»...

Лермонтовѣ (тогда еще авторѣ только 20–30 напечатанныхъ стихотвореній) сѣмена глубокой вѣры въ достоинство жизни и личности.

Какъ бы то ни было, но Лермонтовъ стоялъ на распутьи двухъ дорогъ, или, вѣрнѣе висѣлъ, какъ гробъ Магомета, между зенитомъ и надиромъ. Съ одной стороны его влекло къ «небесному», съ другой — онъ тяготѣлъ къ землѣ: это первое его раздвоеніе. Второе, являющееся видоизмѣненіемъ перваго, было для Лермонтова еще трагичнѣе, еще фатальнѣе: онъ ненавидѣлъ современную жизнь всѣхъ круговъ общества за ея сплошное мѣщанство и въ то же время безумной любовью любилъ эту же самую жизнь, провидя возможность ея разрыва съ мѣщанствомъ не черезъ двѣсти-триста лѣтъ (чѣмъ впослѣдствіи утѣшалъ себя Чеховъ), а сейчасъ, немедленно, для каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ чемъ же лежала возможность осуществленія этой мечты Лермонтова? Отвѣтъ не трудно предвидѣть: *въ одиночествѣ*, въ полномъ разрывѣ съ мѣщанскимъ обществомъ.

Въ одиночествѣ Лермонтовъ видитъ единственное свое спасеніе, единственную возможность спастись отъ засасывающаго мѣщанства окружающей жизни; и мотивы одиночества пріобрѣтаютъ у него рѣзкую человѣконенавистническую окраску:

Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться, — я радъ, я радъ,
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
Но только дальше, дальше отъ людей!

И этотъ мотивъ одиночества, пустившій сперва ростокъ на личной почвѣ (что видно еще по дѣтскимъ произведеніямъ поэта, см., напр., IV, 97), чѣмъ дальше, тѣмъ больше разростался въ могучее «антимѣщанское» и индивидуалистическое настроеніе. Приблизительно въ это же время Пушкинъ впервые

ярко формулировалъ свой «эстетическій индивидуализмъ», требуя отъ поэта презрѣнія къ мѣщанской толпѣ и заявляя о его полномъ одиночествѣ: «ты царь—живи одинъ»; Лермонтовъ стоитъ на той же почвѣ:

> Я самъ собою жилъ донынѣ!
> Свободно мчится пѣснь моя,
> Какъ птица дикая въ пустынѣ,
> Какъ вдаль по озеру ладья...

Но онъ ставитъ вопросъ гораздо шире Пушкина, ставитъ одиночество въ законъ не только поэту, но и вообще человѣку, желающему порвать съ мѣщанствомъ. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ «антимѣщанства» Лермонтова является его яркій индивидуализмъ; здѣсь коренится причина его жаднаго интереса къ личности. Личность для Лермонтова—это все; для него «исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа» (III, 46); и, по обыкновенію, правъ былъ великій критикъ земли русской, находившій «паѳосъ» поэзіи Лермонтова «въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности». Надо замѣтить только, что, задаваясь «нравственными вопросами» о судьбахъ личности, Лермонтовъ въ то же время еще не дошелъ до принциповъ этическаго индивидуализма — и въ этомъ опять одна изъ нитей его раздвоенія. Бываютъ, конечно, случаи, когда соціологическій индивидуализмъ заполняетъ всю ширь міровоззрѣнія того или иного писателя, въ то время какъ этическій индивидуализмъ оставляется имъ въ тѣни; бываютъ и обратно случаи, когда этическій индивидуализмъ проникаетъ до глубины міровоззрѣнія человѣка, оставляя соціологическій на заднемъ планѣ: мы увидимъ впослѣдствіи, что въ семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка яркимъ примѣромъ перваго былъ

Михайловскій, а яркимъ примѣромъ второго—Толстой и Достоевскій. Въ Лермонтовѣ же и въ этомъ случаѣ было раздвоеніе: онъ требовалъ для человѣка полной свободы отъ всѣхъ стягивающихъ его путъ, но въ то же время не могъ отдѣлаться отъ навязчивой идеи, что человѣкъ есть только средство. Далекій отъ негодующаго индивидуализма Ивана Карамазова, который возмущался при одной мысли быть только средствомъ, «унавозить кому-то будущую гармонію», Лермонтовъ какъ разъ останавливается именно на этой мысли:

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ;
Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ...
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Принципъ «самоцѣльности человѣка» былъ совершенно чуждъ понятіямъ Лермонтова; немудрено поэтому, что поэтъ такъ часто становился въ жгучія противорѣчія самъ съ собою по вопросу о личности человѣка. Иногда онъ чуть не обожествляетъ человѣка, иногда относится къ нему чуть не съ презрѣніемъ (II, 290), иногда высказываетъ высокое «гуманическое» чувство, иногда заявляетъ: «я презираю жизнь другихъ» (I,218)—и весь этотъ клубокъ противорѣчій имѣетъ причиной раздвоеніе Лермонтова, и ясно распутывается по двумъ нитямъ: по соціологическому индивидуализму поэта и по его этическому анти-индивидуализму (хотя послѣдній выраженъ и не особенно ясно).

IX.

Итакъ, мотивъ одиночества выразился у Лермонтова въ его рѣзкомъ противопоставленіи общества

и личности. Понималъ ли поэтъ, *къ чему* въ концѣ концовъ можетъ привести дальнѣйшая разработка этого мотива? Чувствовалъ ли онъ, что крайній соціологическій индивидуализмъ приводитъ насъ въ мертвый тупикъ, изъ котораго нѣтъ никакого выхода? Эту истину, особенно ясно сознанную поколѣніемъ конца XIX-го вѣка, Лермонтовъ чувствовалъ и видѣлъ передъ собой съ неотразимой очевидностью, и въ этомъ случаѣ онъ связанъ тѣсными идейными нитями съ теченіемъ художественной мысли начала XX-го столѣтія (напр., съ Л. Андреевымъ). Весь непередаваемый ужасъ одиночества Лермонтовъ ощущалъ какъ нельзя болѣе ясно; «ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ» —восклицаетъ поэтъ и вкладываетъ въ уста Демона такое признаніе:

О, еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья
И наслаждаться и страдать...
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!..

И эта идея ужаса одиночества какъ кошмаръ преслѣдовала Лермонтова всю жизнь; одно изъ его послѣднихъ стихотвореній посвящено все этой же мысли: на порогѣ смерти Лермонтовъ тосковалъ въ своемъ одиночествѣ, разсказывая о томъ, какъ «дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой» и нигдѣ не могъ найти пріюта въ своемъ тоскливомъ одиночествѣ:

Одинъ и безъ цѣли ношуся по свѣту давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя...

Въ этомъ одиночествѣ и таилась гибель Лермонтова; въ этой гибели и заключалась кара за его дерзкій разрывъ съ мѣщанствомъ. Повторилась исторія Тазита, съ той только разницей, что не

общество изгнало непокорнаго члена, а самъ онъ рѣзко разорвалъ всякія связи съ обществомъ; участь его отъ этого однако не стала легче. Онъ тоже погибъ, хотя погибъ еще менѣе побѣжденнымъ, чѣмъ Пушкинъ; но мѣщанство все-таки торжествовало: оно не видѣло, что одержало еще одну пиррову побѣду, не видѣло, что именно Лермонтовъ внесъ въ сознаніе русской интеллигенціи тотъ ферментъ разложенія, отъ котораго должно въ далекомъ будущемъ погибнуть мѣщанство. Правда, мысль Лермонтова (о мѣщанствѣ *самой жизни*, а не той или иной общественной группы) была настолько нова, что только черезъ полъ-вѣка послѣ его гибели снова возродилась у Чехова; но все-таки она сдѣлала свое дѣло. И для нашего поколѣнія Лермонтовъ, быть можетъ, самый *современный* поэтъ; мы чувствуемъ нити, которыя связываютъ его съ нами и которыя мы старались распутать на предыдущихъ страницахъ.

Намъ осталось теперь подвести итоги, выяснить взаимоотношеніе Пушкина и Лермонтова и ихъ значеніе въ исторіи индивидуализма въ русской литературѣ и жизни.

Пушкинъ и Лермонтовъ—это двѣ стороны одной и той же медали, знаменующія собою высшую точку волны индивидуализма въ русской художественной литературѣ первой половины XIX-го вѣка; оба они двумя діаметрально противоположными путями пришли къ одной и той же цѣли. Пушкинъ шелъ отъ признанія правъ личности, отъ индивидуализма, къ борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ; Лермонтовъ отъ признанія мѣщанства жизни самой по себѣ пришелъ къ яркому признанію правъ личности: разными путями они сошлись на ненависти къ мѣщанству и на провозглашеніи принципа эстетическаго и соціологическаго индивидуализма. Въ этой поляр-

ности Пушкина и Лермонтова—главная сторона ихъ взаимоотношенія.

Однако полярность Пушкина и Лермонтова идетъ глубже тѣхъ путей, которыми шло построеніе ихъ воззрѣній: мы уже видѣли, что полярность эта нисходитъ до послѣднихъ глубинъ духовной сущности обоихъ поэтовъ. Пушкинъ—яркій и цѣльный представитель реалистическаго типа, никогда не чувствовавшій стремленій и порывовъ за предѣлы предѣльнаго; Лермонтовъ—не менѣе характерный представитель *раздвоенности* типовъ реалистическаго и романтическаго; кристальная, эллински-гармоничная личность Пушкина является полярной противоположностью раздвоенной личности типичнаго «іудея»—Лермонтова. Критеріемъ и мѣриломъ всего окружающаго для Пушкина является человѣческая личность, для Лермонтова же личность эта только на груди великаго духа природы получаетъ свое объясненіе. У Пушкина природа живетъ жизнью человѣка, сливается съ нимъ; у Лермонтова природа живетъ своей собственной жизнью, съ которой сливается и жизнь человѣка. Пушкинъ—цѣльность, единство, гармонія; Лермонтовъ—раздвоенность, раздробленность, непримиримость противорѣчій. Пушкинъ—геніальное завершеніе стараго и высшее воплощеніе реалистическаго типа; Лермонтовъ—геніальное начало новаго, хотя только проблесками, намеками (новое иначе выражаться и не можетъ). Тургеневъ, Л. Толстой—вотъ главнѣйшіе наслѣдники Пушкина; Достоевскій, Чеховъ и современные художники мысли и слова—вотъ духовныя дѣти Лермонтова.

Но какова бы ни была полярность нашихъ двухъ величайшихъ поэтовъ, ихъ тѣсная, неразрывная связь всегда будетъ заключаться въ томъ, что оба они знаменуютъ собою гребень волны индивидуализма въ

русской художественной литературѣ. Выше ихъ въ выставленіи *реальной личности* и провозглашеніи ея правъ не пошелъ никто, равно какъ никто не пошелъ дальше ихъ въ отрицательномъ отношеніи къ мѣщанству и въ борьбѣ съ нимъ. Мы видѣли, что Пушкинъ черезъ индивидуализмъ пришелъ къ анти-мѣщанству, а Лермонтовъ отъ анти-мѣщанства поднялся къ индивидуализму; но такимъ образомъ въ результатѣ они оказались стоящими у одной цѣли, несмотря на полярность своихъ путей.

Оба они трагически погибли въ борьбѣ съ мѣщанствомъ, принужденные уйти въ гнетущее одиночество, невыносимое для живого человѣка. Ихъ индивидуализмъ достигъ своего высшаго напряженія какъ разъ въ ту эпоху, когда полное подавленіе индивидуальности было основнымъ пунктомъ государственной системы; ихъ рѣзкое анти-мѣщанство достигло своего апогея какъ разъ въ эпоху оффиціальнаго мѣщанства. И оба они погибли въ своемъ одиночествѣ; погибли, потому что были одинокими представителями разгромленной русской интеллигенціи; погибли, потому что не имѣли корней въ той зарождающейся интеллигенціи тридцатыхъ годовъ, которой принадлежало будущее.

Эпоха оффиціальнаго мѣщанства.

(1825—1855 г.).

I.

Русская интеллигенція двадцатыхъ годовъ была разгромлена; «нѣжный ростокъ русской гражданственности» былъ вырванъ съ корнемъ. На нивѣ русской интеллигенціи остались только отдѣльные колосья; остались, какъ послѣ бурелома въ лѣсу, только одинокія, сиротливо стоящія деревья, обреченныя гибели. Такъ въ одиночествѣ погибли одинъ за другимъ Пушкинъ и Лермонтовъ въ борьбѣ съ окружающимъ духовнымъ мѣщанствомъ. Но живыя силы проснувшейся страны—неисчерпаемы: на смѣну погибшей интеллигенціи двадцатыхъ годовъ пришло новое поколѣніе, и съ интеллигенціи тридцатыхъ годовъ начинается новая эра русской мысли и русской жизни. Творчество этой интеллигенціи заполнило собою содержаніе русской культуры второй четверти XIX-го вѣка, и это, быть можетъ, однѣ изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ глубоко-трагической исторіи русской интеллигенціи.

Прежде чѣмъ приняться за чтеніе этихъ страницъ, намъ надо ближе познакомиться съ тѣмъ факторомъ, который послужилъ причиной гибели предшествующаго поколѣнія интеллигенціи, который способствовалъ гибели и Пушкина и Лермонтова. Намъ надо познакомиться съ тѣмъ *бюрократическимъ мѣ-*

щанствомъ, которое служило почвой мѣщанству духовному и царило въ русской государственной и общественной жизни во всю николаевскую эпоху.

Главной чертой, характеризующей положенiе русской жизни второй четверти XIX-го вѣка, была извѣстная теорiя, удачно названная Пыпинымъ «теорiей оффицiальной народности». Теорiя эта подъ флагомъ «самодержавiя, православiя и народности» провозила контрабандой совершенно другiя понятiя—полное подавленiе личности, провозглашенiе безпредѣльной власти государства, и именно Россiи, такой, какъ она сложилась къ началу эпохи оффицiальной народности; знаменитое изреченiе Бенкендорфа можетъ служить лучшимъ эпиграфомъ ко всей этой теорiи: «le passè de la Russie a été admirable; son present est plus que magnifique; quant a son avenir—il est au delà de tout, ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer» [1]). Этимъ было фиксировано и безпощадно закрѣплено все существующее; прогрессъ объявлялся ненужнымъ и могъ заключаться развѣ только въ частныхъ поправкахъ и улучшенiяхъ; могутъ улучшаться и совершенствоваться люди, исправляясь отъ вольнодумства и легкомыслiя, для чего надъ ними устанавливается строгая дисциплина воспитанiя, цензуры, оффицiальнаго шпiонства. Русскiй народъ признается стоящимъ внѣ всякихъ мѣрокъ и масштабовъ для сравненiя его съ народами Западной Европы; европейскiя добродѣтели для насъ пороки и обратно; высшая и нацiональная наша добродѣтель—покорность, смиренiе, отсутствiе личности, безпрекословное подчиненiе. Индивидуальность должна быть подавлена, просвѣщенiе должно приниматься въ мѣру: гораздо выше просвѣщенiя, инди-

---

[1]) «Прошлое Россiи—изумительно, настоящее—болѣе чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго—оно далеко за предѣлами самаго смѣлаго воображенiя».

видуальности, даже генія, стоитъ добрая нравственность, усердіе и покорность, какъ это мы узнаемъ ниже.

Подробнѣе познакомившись съ этой теоріей оффиціальной народности, мы убѣждаемся, что въ основаніи ея лежитъ крайній *этическій и соціологическій анти-индивидуализмъ;* реальная личность признается средствомъ и только средствомъ, и, подавляя человѣческую индивидуальность, теорія эта, никѣмъ на то не призванная, выдвигаетъ на первый планъ индивидуальность народа. Надо однако замѣтить, что, подавляя личность, эта теорія отнюдь не приноситъ пользы и «абстрактному человѣку»: эта государственная, бюрократическая теорія съ одинаковой ненавистью относится и къ личности и къ обществу, и къ реальной индивидуальности, и къ Человѣку съ большой буквы. Человѣка и гражданина эта теорія стремилась обуздать, особенно послѣ 14-го декабря 1825 года; вслѣдствіе этого и каждой отдѣльной личности предписано было дышать и думать только такъ, какъ это указано циркулярно. Для теоріи оффиціальной народности характерно сугубо мѣщанское стремленіе поставить всѣхъ въ одну шеренгу, выкрасить въ общій сѣрый цвѣтъ, обстричь подъ одинаковый уровень; поэтому для теоріи этой не столько характеренъ ея рѣзкій анти-индивидуализмъ, сколько узкое и плоское мѣщанство. Основываясь на этомъ и слегка перефразируя названіе теоріи оффиціальной народности, мы будемъ говорить *о теоріи, системѣ и эпохѣ оффиціальнаго мѣщанства.*

Іоанномъ Предтечей системы оффиціальнаго мѣщанства былъ несомнѣнно Павелъ I, о которомъ однако намъ незачѣмъ распространяться; его вѣрнымъ приспѣшникомъ и усерднымъ помощникомъ былъ Аракчеевъ, создавшій въ 20-хъ годахъ великолѣпный прологъ къ наступившей затѣмъ эпохѣ.

Этотъ Аракчеевъ, любившій, «чтобы всякая штука (будь то даже реальная личность) была смѣрена, взвѣшена, припечатана казенною или его собственною гербовою печатью, поставлена въ шеренгу, и чтобы подъ всякимъ львомъ было четкою писарскою рукою подписано: се левъ, а не собака»—какъ его мѣтко характеризуетъ Михайловскій,—этотъ Аракчеевъ въ небольшомъ районѣ, ввѣренномъ его руководительству, свершилъ то, что во второй четверти XIX вѣка было свершено надъ всей Россіей въ ея цѣломъ. Великолѣпный очеркъ изъ «Исторіи одного города» Салтыкова ярче характеризуетъ Аракчеева (Угрюмъ-Бурчеевъ), чѣмъ цѣлые тома историческихъ изслѣдованій. По независящимъ отъ него условіямъ историкъ долженъ былъ умолчать о временахъ поаракчеевскихъ и ограничился только упоминаніемъ о преемникѣ Угрюмъ-Бурчеева, маіорѣ Перехватъ-Залихватскомъ, то-есть объ императорѣ Николаѣ I, который «въѣхалъ въ Глуповъ на бѣломъ конѣ, сжегъ гимназію и упразднилъ науки». «О семъ умолчу»— кратко замѣчаетъ историкъ. Умолчимъ о семъ и мы, но съ тѣмъ большей подробностью остановимся на самой системѣ.

II.

Для характеристики этой системы приведемъ прежде всего нѣсколько примѣровъ и иллюстрацій, отчасти новыхъ, отчасти отмѣченныхъ раньше.

Въ концѣ 1826 г. стяжавшій печальную извѣстность Бенкендорфъ обращается къ Пушкину, сообщая, что «Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества» (30 сент. 1826 г.). Пушкинъ—и теорія педагогики! Общаго мало, но въ то время—время зарожденія теоріи оффиціальнаго мѣщанства—начали

проводить въ жизнь начало обезличенія; воспринявшій и усвоившій эту теорію писатель Кукольникъ съ гордостью восклицаетъ: «прикажутъ—и завтра же буду акушеромъ!» («Записки» М. Глинки). Въ своихъ безсмертныхъ «Помпадурахъ и помпадуршахъ» чиновникъ особыхъ порученій Щедринъ такъ варьируетъ эту же тему: «сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ—я буду цензоромъ... Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе»... И это далеко не шаржъ. Такимъ образомъ и Пушкинъ по приказанію начальства долженъ былъ сдѣлаться педагогомъ. Онъ написалъ тогда записку «О народномъ воспитаніи»—насквозь проникнутую благонамѣреннымъ духомъ; весьма интересна резолюція, положенная на нее, и отвѣтъ Бенкендорфа Пушкину: «принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія... Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно»... Вотъ начала, на которыхъ стала строиться теорія оффиціальнаго мѣщанства: геній, индивидуальность—излишни; одно усердіе—все превозмогаетъ.

Понятно само собой, какъ высоко могла стоять наука въ то время, когда усердіе предпочиталось просвѣщенію. Въ началѣ 30-хъ годовъ попечитель Московскаго университета (Голицынъ) «долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій *поочереди* долженъ былъ его замѣнять, такъ что о. Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рихтеру—толковать безсѣменное зачатіе» (Герценъ; «Былое и думы», Лондонъ 1861 г., т. I, 134).

Конечно, до этого дѣло не доходило, но интересна уже и самая тенденція государственнаго мужа насадить своеобразный «порядокъ» въ ввѣренномъ его попеченію университетѣ. Пѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые профессора были достойны своего попечителя; такъ, тотъ же Герценъ разсказываетъ о нѣкоемъ профессорѣ минералогіи Ловецкомъ, который разъ навсегда создалъ (очевидно для «порядка») формулярные списки всѣхъ минераловъ по одному и тому же шаблону, такъ что «характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно: *кристаллизація* — не кристаллизуется; *употребленіе* — никуда не употребляется» (Ibid.; I, 163). Такая наука недалеко ушла отъ губернской статистики той же эпохи (середина 30-хъ годовъ) и знаменитыхъ сообщеній изъ города Кая: «утопшихъ—2; причины утопленія неизвѣстны—2; итого—4», или подъ рубрикой о нравственности городскихъ жителей: «жидовъ въ городѣ Каѣ не находилось» (Ibid; I, 328). Несмотря на такія заполненія статистическихъ таблицъ, все-таки порядокъ былъ соблюденъ, форма торжествовала; стоило ли заботиться о содержаніи?

Начиная съ 1826-го года, государственная опека надъ индивидуальностью принимаетъ регулярный характеръ, безъ всякихъ послабленій и упущеній. И до того часто было трудно дышать, гоненія живой мысли разными Красовскими, Фотіями и Голицыными достигали часто крайняго предѣла; но тогда все это было чуть-ли не случайнымъ, по крайней мѣрѣ не было возведено въ систему; тогда могъ существовать почти конституціонный «Духъ журналовъ» (до 1819 г.) вмѣстѣ съ гоненіемъ на невиннѣйшіе стишонки какого-нибудь Олина. Теперь дѣло мѣняется. Дѣлаются нѣкоторыя частныя облегченія—такъ, напримѣръ, «чугунный» цензурный уставъ 1826 г. (выработанный Шишковымъ) замѣняется болѣе мяг-

кимъ уставомъ 1828 года; но зато теперь уже не будетъ никакихъ упущеній и послабленій, давленіе будетъ производиться во всѣхъ областяхъ регулярно и неукоснительно; оно распространится на частную жизнь всѣхъ и каждаго. Все, рѣшительно все будетъ урегулировано, занумеровано, одѣто въ узкій мундиръ, подчинено опредѣленному общему шаблону, убивающему всякое проявленіе индивидуальности.

«Мундиръ, одинъ мундиръ!»—это можно поставить эпиграфомъ къ теоріи оффиціальнаго мѣщанства и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, потому что дѣйствительно только одна бюрократія и военщина считалась достойной образованнаго человѣка, только въ государственной службѣ была истина: мундиръ стягивалъ все, всему была предписана своя форма. Мелкій, но характерный фактъ: тѣ немногія лица, которыя почему-либо не удостоились чести носить мундира, придумывали штатское платье совершенно одинаковаго образца, такъ что, по словамъ Герцена, «если бы показать эти батальоны одинаковыхъ сюртуковъ, плотно застегнутыхъ, щеголей на Невскомъ проспектѣ, англичанинъ принялъ бы ихъ за отрядъ полисменовъ». Мундиръ и однообразіе—это страсть мѣщанства у власти,—прибавляетъ къ этому Герценъ; неудивительно поэтому, что на мундиръ, погончики и петлички обращалось такое усиленное вниманіе; понятно, что вопросъ этотъ рѣшался путемъ циркуляровъ, докладовъ и канцелярской переписки. Тотъ же Герценъ разсказываетъ про одинъ циркуляръ министра юстиціи, который начинался какъ-то величаво и торжественно: «обративъ въ особенности вниманіе на недостатокъ единства въ шитьѣ и покроѣ нѣкоторыхъ мундировъ гражданскаго вѣдомства, и взявъ въ основаніе...» и т. д., и т. д. Конечно, все это мелочи; но въ нихъ

какъ нельзя лучше отразился весь духъ системы оффиціальнаго мѣщанства.

Мы уже указывали, что давленіе свыше производилось неукоснительно и безъ послабленій по всей линіи науки, литературы, жизни. Нельзя сказать, чтобы въ 40-хъ годахъ это давленіе было сильнѣе, чѣмъ въ концѣ 20-хъ или въ 30-хъ годахъ; оно было довольно равномѣрно—и въ этомъ заключалась его страшная тяжесть: оно не становилось сильнѣе, но это отнимало всякую надежду на то, что въ ближайшемъ будущемъ оно можетъ стать легче. На протяженіи почти четверти вѣка (1825—1848)—все то же давленіе, все тотъ же гнетъ надъ индивидуальностью, все та же опека. Въ самомъ началѣ эры этой системы оффиціальнаго мѣщанства Пушкину приказываютъ сдѣлаться педагогомъ; въ томъ же 1826 году императоръ Николай дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе на экземплярѣ «Бориса Годунова»: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта». Пушкинъ отказался передѣлывать написанное. По поводу этого же произведенія высказало свое компетентное мнѣніе пресловутое «III Отдѣленіе», находившее, что «въ пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго», что все взято у Карамзина (Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи», т. II). III Отдѣленіе въ роли цѣнителя, судьи и опекуна величайшаго изъ русскихъ поэтовъ! Та же опека, то же давленіе и нѣсколько лѣтъ спустя: въ серединѣ 30-хъ годовъ правительство издаетъ «цѣлый томъ церковныхъ фасадъ, высочайше утвержденныхъ». Это все тотъ же «мундиръ», о которомъ шла рѣчь выше; надо было все сравнять, сгладить, отнять всякую личную иниціативу, надо было, какъ говоритъ Герценъ, «вездѣ и во всемъ убить всякій духъ независимости, лич-

ности, фантазіи, воли...» То же самое и въ сороковые годы. Въ 1841 г. при Академіи Наукъ учреждается печальной памяти Второе Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности, съ ординарными академиками Давыдовымъ, Языковымъ, Погодинымъ, митр. Филаретомъ и т. п. Прирожденные клевреты (ихъ тогда уже сформировала система) радовались, что «благодѣтельное Правительство... возстановило опеку надъ угнетеннымъ русскимъ словомъ»... Въ сущности запоздалая радость, такъ какъ благодѣтельное правительство учредило эту опеку еще въ цензурномъ уставѣ 1826 и 1828 г., устанавливая статью о запрещеніи книгъ за дурной съ точки зрѣнія цензора слогъ. Такъ велика была забота объ интересахъ читающей публики!

Полновластно и послѣдовательно царила эта система цѣлую четверть вѣка, неукоснительно стушевывая всѣ рѣзкіе цвѣта, сглаживая всѣ индивидуальности подъ одинъ общій шаблонъ. Насколько удалось сдѣлать это системѣ оффиціальнаго мѣщанства, мы увидимъ ниже; теперь же обратимся къ точкѣ перелома—къ 1848 году, съ которымъ наступили на Руси пятидесятые годы. Настало тяжелое семилѣтіе, но начало его было началомъ конца всей системы. Давленіе сразу и внезапно усилилось настолько, что, очевидно, не могло продолжаться слишкомъ долго; въ безпросвѣтномъ мракѣ чувствовалось приближеніе свѣта, но чтобы дождаться его, надо было пережить семь черныхъ, тяжелыхъ лѣтъ.

III.

Февральская революція 1848 года, потрясшая всю Европу, отразилась и въ Россіи—усугубленіемъ системы оффиціальнаго мѣщанства. «Неистовый Вис-

саріонъ», пылкій и весь отдающійся любимой идеѣ, умиралъ въ началѣ 1848 года, съ вѣрою устремивъ взоры на Западъ; а въ Россіи въ это время начинался терроръ системы. Въ сущности терроръ этотъ былъ глубоко безполезенъ и совершенно излишенъ для самой системы, такъ какъ Россія была въ полнѣйшей безопасности отъ зараженія «дерзкими и буйственными мудрованіями»; небольшая группа интеллигенціи, въ родѣ кружка петрашевцевъ, была настолько безопасна для правительства, что жестокое преслѣдованіе этой группы явилось тоже однимъ изъ безцѣльныхъ проявленій террора эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Въ Россіи все обстояло благополучно; это подтвердилъ торжественный манифестъ отъ 14-го марта 1848 года. Но въ то же время были приняты всѣ мѣры, чтобы немедленно оградиться китайской стѣной отъ Запада; 11-го марта 1848 гола циркуляръ Министерства Народнаго Просвѣщенія предписалъ «пріостановленіе отпусковъ и командировокъ въ чужіе краи» (Сборникъ циркуляровъ; дѣло № 100. 876); недѣлю спустя издается циркуляръ «объ усугубленіи надзора по воспитанію въ учебныхъ заведеніяхъ» (циркуляръ отъ 19 марта 1848 г.; дѣло №№ 98.004 и 100.879). Начинается рядъ циркуляровъ, предупреждающихъ, пресѣкающихъ и сокращающихъ; мы остановимся на нихъ теперь, чтобы потомъ не возвращаться къ этому предмету; циркуляры эти имѣютъ большой интересъ для характеристики эпохи оффиціальнаго мѣщанства.

Укажемъ безъ особыхъ комментаріевъ на небольшіе циркуляры «о наймѣ трехъ педелей для надзора за *вольноприходящими* учениками Кіевской 2-й гимназіи» (циркуляръ отъ 2 ноября 1849 г.): это уже система оффиціально регламентированнаго шпіонства частной жизни россійскихъ гражданъ. Циркуляръ отъ 31 августа 1850 г. (дѣло № 103.927) «объ

усиленіи надзора за студентами Московскаго Университета изъ кавказскихъ уроженцевъ»; почему-то кавказскіе уроженцы оказались особенно опасными. Интересенъ далѣе циркуляръ отъ 6 февраля 1852 года: «инструкція Надзирателю за воспитанниками Харьковскаго Ветеринарнаго Училища». Надзиратель этотъ между прочимъ долженъ смотрѣть, чтобы всѣ студенты (къ слову сказать—«вольноприходящіе») ходили въ воскресные и табельные дни «въ церковь *имъ назначенную, а не другую*» (пунктъ 5-й); надзиратель обязанъ посѣщать «сколь возможно чаще» квартиры студентовъ, наблюдая, чтобы студенты «занимались предметами, относящимися къ ихъ наукѣ», чтобы они «не дѣлали расходовъ, превышающихъ ихъ денежныя средства», чтобы не ходили другъ къ другу въ гости—«развѣ только для совмѣстнаго повторенія лекцій. и то не болѣе трехъ (пунктъ 8-й) Такая регламентація исключительна даже для эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Но все-таки, познакомившись съ нею, мы вполнѣ можемъ понять, какимъ образомъ въ это же время чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Липранди могъ составить проектъ «академіи шпіонства»... Тотъ же Липранди въ 1850 г. предлагалъ свои услуги для обыска всѣхъ частныхъ библіотекъ по всей Россіи (!!). Сообщающій этотъ фактъ Анненковъ прибавляетъ, что само правительство «съ ужасомъ и негодованіемъ» отклонило это предложеніе (Анненковъ, «Литературныя воспоминанія», стр. 515). Ужасъ и негодованіе прибавлены, конечно, для красоты слога, такъ какъ достаточно ознакомиться съ произведеннымъ въ извлеченіи циркуляромъ отъ 6 февр. 1852 г., чтобы убѣдиться въ большомъ сходствѣ мѣръ, предлагавшихся Липранди и принимавшихся въ дѣйствительности. Этотъ «ужасъ и негодованіе» становятся особенно пикантными, когда

мы узнаемъ, что, вопреки свѣдѣніямъ Анненкова, Липранди дѣйствительно былъ посланъ въ 1851 году для обыска частныхъ библіотекъ и книжныхъ лавокъ (см. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т. XV, стр. 196).

Ограничиваемся этими примѣрами, но замѣтимъ еще разъ кстати, что рядъ циркуляровъ 1848—1855 годовъ нельзя считать слѣдствіемъ однихъ только событій 1848 года. Событія этого года дали поводъ къ чрезмѣрному усиленію давно примѣняемой системы, полно и краснорѣчиво выразившейся уже въ знаменитомъ циркулярѣ отъ 30 мая 1847 года, этомъ ясномъ манифестѣ началъ оффиціальной народности. Чтобы покончить съ характерными циркулярами М-ва Нар. Просвѣщенія, мы укажемъ на циркуляръ отъ 30-го іюня 1854 г., интересный для нагляднаго пониманія той безконечной опеки, которая выразилась въ колоссальной централизаціи, ярко проявившейся въ эпоху оффиціальнаго мѣщанства; циркуляръ этотъ разрѣшаетъ священнику въ *Якутскомъ уѣздномъ училищѣ* объяснять ученикамъ церковныя службы — «разъ въ недѣлю», предусмотрительно добавляетъ циркуляръ! Такой регламентаціи, такого отсутствія самодѣятельности въ Россіи не бывало со временъ царствованія императора Павла I-го. Результатъ очевиденъ: полное подавленіе инціативы, индивидуальности и пышный расцвѣтъ бюрократизма, канцелярщины, бумагопроизводства.

Все тонуло подъ грудой входящихъ и исходящихъ, сообщеній, донесеній и циркуляровъ; наконецъ само правительство почувствовало это: нельзя не отмѣтить попытки сокращенія дѣлопроизводства. Конечно, дѣло окончилось ничѣмъ: единственнымъ средствомъ сокращенія переписки было бы установленіе и расширеніе общественной самодѣятельности въ опредѣленныхъ вопросахъ областей, провинцій, губерній и уѣз-

довъ. Но это средство было бы самоубійствомъ всей системы оффиціальнаго мѣщанства; поэтому начали изыскиваться «мѣры къ сокращенію излишней переписки» (циркуляръ отъ 13-го сент. 1851 г.); вопросъ о сокращеніи дѣлопроизводства началъ осматриваться особымъ «учрежденнымъ для того Комитетомъ» (цирк. отъ 24 мая 1851 г.), который нашелъ главную мѣру, выразившуюся въ особомъ законѣ «о введеніи печатныхъ бланковъ для однообразной переписки» (цирк. отъ 21 авг. 1851 г.). Мѣра эта, такъ родственная духу системы оффиціальнаго мѣщанства, конечно, не помогла—и снова началась громаднѣйшая переписка о сокращеніи переписки: достаточно сказать, что съ мая 1851 г. по декабрь 1852 г. однихъ циркулярныхъ предложеній было 20! [1]). И это только въ одномъ М-вѣ Нар. Просвѣщенія! Прибавьте къ этому приблизительно по стольку же въ каждомъ изъ другихъ министерствъ, а кромѣ того въ Кавказскомъ намѣстничествѣ (см. «Высочайшій указъ» 8 января 1849 г., №№ 22900, 23448 и т. д., и т. д.). Интереснымъ позднѣйшимъ отзвукомъ этого бумажнаго потопа и вообще всего дѣлопроизводства была небольшая анонимная брошюрка «Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи», изданная въ 1858 г. и немедленно изъятая изъ продажи; рецензія Добролюбова доставила этой брошюркѣ громадную извѣстность (см. «Современникъ» 1859 г., № 4).

Изученіе циркуляровъ нѣсколько вырисовываетъ общій характеръ эпохи оффиціальнаго мѣщанства; она станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимся къ исторіи цензуры той эпохи. Весьма часто и раньше

---

1) Циркуляры отъ 11, 12, 13, 17 (два), 24 (два) мая, 14, 17 іюня; 20 (три) іюля; 21 авг.; 13 сент.; 22 окт. 1851 г.; 25 февр.; 11 іюня; 22 дек. 1852 г., да еще „Положеніе о сокращеніи“, утвержденное 28 янв. 1852 г.

цензурный гнетъ доходилъ до степеней маловѣроятныхъ, особенно во время quasi-мистическаго обскурантизма Голицына, который

Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушить старался просвѣщенье...

Но въ тѣ времена тупой аракчеевщины многое зависѣло отъ личности цензора, и въ то время какъ какой-нибудь Красовскій, обязанный безсмертіемъ Пушкину, запрещалъ писать о «небесной» красотѣ, «Духъ журналовъ» цѣлыя пять лѣтъ (1815—1820 г.) невозбранно, на глазахъ у всѣхъ проповѣдывалъ конституціонализмъ... Теперь дѣло мѣняется: личность цензора отходитъ на второй планъ, первое мѣсто занимаетъ всеподавляющая система. Мы не будемъ останавливаться на крайне интересныхъ фактахъ изъ исторіи цензуры 1825—1855 гг.; обширныя залежи ихъ читатель найдетъ въ «Дневникѣ» Никитенко, въ воспоминаніяхъ и перепискѣ литературныхъ дѣятелей той эпохи. Общая тенденція отношенія къ литературѣ системы оффиціальнаго мѣщанства достаточно ясно выражается въ пожеланіи графа Уварова, министра народнаго просвѣщенія (!), «чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась»... (1843). И дѣйствительно,

...ужъ коли зло пресѣчь,
Собрать бы книги всѣ, да сжечь...

Правда, до этого дѣло еще не дошло, но все-таки недаромъ Иванъ Кирѣевскій совѣтовалъ въ то время примириться съ мыслью, что русская литература будетъ убита на нѣсколько лѣтъ, впредь до измѣненія режима. Учрежденіе такъ называемаго бутурлинскаго «негласнаго комитета 2-го апр. 1848 г.» фактически убивало всю литературу. Достаточно сказать, что самъ министръ Уваровъ оказался въ подо-

зрѣнія либерализма у этого всевластнаго комитета! Комитету этому были подчинены до двадцати существовавшихъ тогда отдѣльныхъ цензуръ; результаты были въ родѣ слѣдующаго: не пропущено объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги «Исторія Аѳинской республики», ибо заглавіе это было признано революціоннымъ; или: запрещена замѣтка о болѣзни картофеля, такъ какъ въ этомъ можно видѣть хулу противъ Промысла...

Казалось бы, что дальше идти некуда; дѣйствительность доказала противное. Стоитъ вспомнить дѣянія въ области внутренней регламентаціи страны, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вспомнимъ знаменитый циркуляръ М-ва Внутр. Дѣлъ предводителямъ дворянства (1849 г.) о томъ, что «Государю неугодно, чтобъ русскіе дворяне носили бороды... Государь считаетъ, что борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ»... Замедлившіе исполнить предписаніе Аксаковы получили его вторично черезъ полицію, послѣ чего сбрили бороды, хотя и не служили по выборамъ.

IV.

Все было регламентировано и подведено подъ шаблонъ; костюмъ, борода, усы подверглись циркулярнымъ предписаніямъ. Но оказалось возможнымъ идти еще дальше: оказалось возможнымъ циркулярно рѣшать научные вопросы. Вотъ яркій примѣръ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ возникъ вопросъ, — когда исполнится тысячелѣтіе Россіи, въ 1852 или 1862 году? Первое считалъ вѣрнымъ академикъ Кругъ, второе—Погодинъ. Министръ народнаго просвѣщенія обратился съ докладомъ (19 авг. 1852 г.) къ императору Николаю I-му, высказывая, что необходимо «строго держаться лѣтоисчисленія преподобнаго Не-

стора»; Государь Императоръ собственноручно начерталъ на докладѣ; «того мнѣнія и Я, (ибо такъ ученъ былъ въ свою молодость»... На этомъ основаніи рѣшено было считать начало Руси въ 862 г., и такимъ образомъ историческій фактъ былъ установленъ бюрократическимъ распоряженіемъ.

Съ наукой не церемонились. Замѣнившій Уварова новый министръ народнаго просвѣщенія, Ширинскій-Шихматовъ, началъ гоненіе на философію, заявляя, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ», почему и были изъяты изъ преподаванія теорія познанія, метафизика и этика, какъ «несоотвѣтствующія видамъ правительства»; указомъ 26 янв. 1850 г. курсъ философіи и психологіи въ университетахъ ограниченъ логикой и психологіей, преподаваніе коихъ поручено священникамъ (Никитенко, «Дневникъ» I, 517 и сл.). Неудивительно, что въ такія историческія минуты можно было позавидовать «умершимъ во-время», до эпохи оффиціальнаго мѣщанства вообще (1825—1848), и до террора оффиціальнаго мѣщанства въ частности (1848—1855 г.). «Положеніе наше становится нестерпимѣе день ото дня,—писалъ въ 1850 г. Грановскій Герцену:—всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами... Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины... Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время»... Грановскій говоритъ здѣсь, очевидно, не объ однѣхъ вышедшихъ тогда новыхъ программахъ для кадетскихъ корпусовъ, но также и о знаменитой книгѣ извѣстнаго Я. Ро-

стовцева «Наставленіе для преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ» (1848 г.), въ которой встрѣчается и отмѣченное Грановскимъ требованіе представить Христа въ видѣ образца дисциплины; ему же приписывается и рядъ изумительныхъ афоризмовъ, въ родѣ: «*совѣсть* нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ *высшее начальство*»... (Любопытную исторію послѣдняго афоризма читатель найдетъ въ «Запискахъ декабриста» барона А. Е. Розена; стр. 116 по изд. 1907 г.).

Такова была педагогика эпохи оффиціальнаго мѣщанства; на этой почвѣ возросли различные педагоги, въ родѣ «рыцаря трехъ пощечинъ», пригвожденнаго впослѣдствіи Добролюбовымъ къ позорному столбу, проповѣдывавшаго подобныя же истины. «Всякая гражданская обязанность есть не что иное какъ безусловное подчиненіе нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ»... «Воспитаніе и образованіе по формѣ и содержанію не что другое, какъ одно повиновеніе»... «Не разсуждай, а исполняй»—вотъ излюбленные афоризмы этихъ рыцарей трехъ пощечинъ (Миллеръ-Красовскій, «Основные законы воспитанія», 1859 г.; см. отзывъ Добролюбова объ этой книгѣ).

«Не разсуждай, а исполняй»—основная заповѣдь системы оффиціальнаго мѣщанства. Недаромъ самъ императоръ Николай I собственноручно начерталъ на письмѣ къ нему министра Уварова: «должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя». И это по справедливости могло считаться лейтъ мотивомъ всей эпохи оффиціальнаго мѣщанства, которую впослѣдствіи коротко и мѣтко очертилъ Некрасовъ (въ «Медвѣжьей охотѣ»):

Великій вѣкъ—великихъ мѣръ!
„Не разсуждать—повиноваться!“
Девизъ былъ общій...

Неудивительно поэтому, что вся Россія эпохи оффиціальнаго мѣщанства представляла изъ себя, по безсмертному выраженію Михайловскаго, такой изумительный механизмъ въ видѣ нисходящей системы баръ, если смотрѣть сверху, и восходящей системы лакеевъ, если смотрѣть снизу... «Не разсуждай, а исполняй»—вѣдь это спеціально барско-лакейская психологія.

Самыми общими чертами обрисовали мы систему оффиціальнаго мѣщанства; остается спросить, достигла ли цѣли эта стройная и тяжелая система, стремившаяся разъ навсегда убить индивидуальность, обезличить человѣка, втиснуть его въ узкія рамки мѣщанства и въ мундиръ формализма? Отрицательный отвѣтъ очевиденъ. Система могла, конечно, внѣшнимъ образомъ и временно обезличить человѣка, не давая ему возможности двигаться и дышать; система могла создать цѣлое поколѣніе людей, пропитанныхъ идеалами мѣщанства; система могла погубить цѣлое другое поколѣніе «лишнихъ людей»—этихъ лучшихъ людей своего времени. Но—и только... Большаго достигнуть было невозможно, ибо нельзя объять необъятное, нельзя угасить духъ человѣческій, нельзя вытравить личность, нельзя одѣть всѣхъ въ мѣщанскій мундиръ,—и въ этомъ направленіи всѣ попытки системы оффиціальнаго мѣщанства должны были потерпѣть и потерпѣли самое жестокое фіаско.

Во всякомъ случаѣ результаты эпохи оффиціальнаго мѣщанства были громадны, какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ направленіи: прямые тѣ, которые звучали въ униссонъ съ самой системой; обратные результаты тѣ, которые рѣзко противорѣчили ей. Конечно, для насъ особенно важны обратные результаты, намъ важно отмѣтить, что, «перетерпѣвъ судебъ удары», русская интеллигенція не угасла духомъ, но, наоборотъ, окрѣпла и возмужала, рас-

цвѣла пышнымъ цвѣтомъ именно въ эту страшную эпоху второй четверти XIX-го вѣка. Чѣмъ сильнѣе было давленіе мѣщанства, тѣмъ рѣзче было противодѣйствіе индивидуализма: именно въ эту эпоху оффиціальнаго мѣщанства Пушкинъ и Лермонтовъ выставили впередъ принципъ права личности и всю жизнь съ ужасомъ отчаянія боролись съ мѣщанствомъ. Мы увидимъ далѣе, что именно въ эту эпоху Гоголь заклеймилъ навѣки пошлое торжествующее мѣщанство; именно въ эту эпоху сформировалась благородная личность Бѣлинскаго, объявившаго непримиримую войну невыносимому режиму и поставившаго человѣческую личность выше общества, выше человѣчества; именно въ эту эпоху формулируется ученіе славянофиловъ и западниковъ, характерное по своему рѣзкому анти-мѣщанству, по своему этическому и соціологическому индивидуализму. Наконецъ, именно въ эту эпоху формируется характерно анти-мѣщанское міровоззрѣніе Герцена, а безудержный государственный анархизмъ и неистовый соціологическій крайній индивидуализмъ Бакунина является наиболѣе рѣзкимъ отвѣтомъ индивидуализма на теорію и систему эпохи оффиціальнаго мѣщанства.

Таковы приблизительные этапы нашего дальнѣйшаго пути; все это — обратные результаты системы; ея прямые результаты были несравненно менѣе важны, хотя нельзя оспаривать ихъ глубокаго отрицательнаго значенія если не для русской интеллигенціи, то для русскаго общества въ его цѣломъ. Для русской интеллигенціи эпоха оффиціальнаго мѣщанства дала только одинъ отрицательный идейный результатъ: эпоха эта отразилась въ литературѣ апогеемъ мѣщанства въ произведеніяхъ Гончарова, а также способствовала гибели многихъ лучшихъ людей, превратившихся въ лишнихъ людей. Все остальное идейное, прямое вліяніе эпохи оффиціальнаго мѣщанства

на русскую интеллигенцію и русскую литературу было ничтожно; правда, псевдоромантизмъ былъ излюбленнымъ дѣтищемъ этой эпохи, подобно тому, какъ псевдо-классицизмъ былъ фаворитомъ эпохи «роскоши, прохладъ и нѣгъ» XVIII-го столѣтія; но ни того, ни другого не спасло отъ жалкой гибели такое меценатство сильныхъ міра сего. Какой-нибудь Кукольникъ оффиціально признавался геніальнымъ художникомъ, но это не помѣшало ему быть поглощеннымъ забвеніемъ вмѣстѣ съ концомъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Вообще русская интеллигенція реагировала только отрицательно на всѣ проявленія эпохи оффиціальнаго мѣщанства; однако нельзя не указать на отрицательное значеніе этой эпохи для внѣшнихъ формъ жизни русской интеллигенціи и русскаго общества. Бюрократическій строй былъ окончательно закрѣпленъ этой эпохой въ Россіи XIX-го вѣка, и несмотря на упорную борьбу интеллигенціи съ мѣщанствомъ этого строя въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, онъ все же успѣлъ удержаться въ прежней своей силѣ и снова расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ въ послѣдней четверти XIX-го столѣтія.

V.

Обо всемъ этомъ однако рѣчь еще впереди. Теперь намъ предстоитъ вернуться къ самой эпохѣ оффиціальнаго мѣщанства и къ ея выразителямъ въ литературѣ,—къ проповѣднику и глашатаю мѣщанскихъ идеаловъ, Гончарову, и къ ихъ безпощадному сатирику, Гоголю. Но сначала еще нѣсколько словъ о третьемъ писателѣ, ярче всего характеризующемъ собою всю эпоху оффиціальнаго мѣщанства, о писателѣ весьма извѣстномъ и популярномъ, но еще не вошедшемъ, по странной несправедливости судьбы,

въ исторію русской литературы. Писатель этотъ, глубоко интересный плодъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства, не кто иной, какъ знаменитый Козьма Прутковъ.

Козьма Прутковъ выступилъ на литературное поприще (совершенно анонимно) въ расцвѣтъ эпохи и разгаръ террора оффиціальнаго мѣщанства комедіей «Фантазія» и баснями въ «Современникѣ» 1851 г.; черезъ два года онъ выступилъ впервые подъ полнымъ своимъ именемъ, съ тѣми качествами и свойствами, которыя были созданы въ немъ эпохой оффиціальнаго мѣщанства и которыя сдѣлали безсмертнымъ

Имя славное *Пруткова*
Имя громкое *Козьмы* [1]).

Въ настоящее время уже разошелся десятокъ изданій полнаго собранія сочиненій Козьмы Пруткова, его имя стало безсмертнымъ, его афоризмы цитируются въ разговорной рѣчи на ряду съ отрывками изъ его басенъ,—но все-таки главное значеніе Козьмы Пруткова остается совершенно невыясненнымъ. Обыкновенно его признаютъ талантливымъ пародистомъ, противъ чего, однако, горячо возстаетъ самъ Прутковъ въ своемъ знаменитомъ «письмѣ извѣстнаго Козьмы Пруткова къ неизвѣстному фельетонисту С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1854 г., утверждая, что онъ пишетъ не пародіи, а подражанія... Однако ни пародіи, ни подражанія не объясняютъ того ореола безсмертія, который окружаетъ чело Козьмы Пруткова. Не въ подражаніяхъ дѣло, ибо, дѣйствительно, кто не писалъ подражаній? И многіе ли помнятъ

---

[1]) См. «Собр. соч.» Козьмы Пруткова, стих. «Честолюбіе». Замѣтимъ кстати, что мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ литературную генеалогію Козьмы Пруткова, полагая, что всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ выработали этотъ литературный типъ гр. А. Толстой и братья Жемчужниковы.

теперь имена талантливыхъ пародистовъ К. Эврипидина (Конст. Аксаковъ), Конрада Лиліеншвагера, Аполлона Капелькина (Н. Добролюбовъ) и др.? Всѣ они почти забыты, а имя Козьмы Пруткова твердо сохранило свой вѣсъ и свое значеніе. Отчего?.

Дѣло въ томъ, что основной и главный смыслъ произведеній Козьмы Пруткова—общественный; мы уже сказали, что Козьма Прутковъ былъ типичнымъ продуктомъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства—и въ этомъ вся причина его неумирающаго интереса и значенія. Его знаменитое качество—колоссальнѣйшая наивность—помогло ему, ничто же сумняся, фиксировать въ своихъ произведеніяхъ такія черты этой эпохи, которыя на живомъ примѣрѣ позволяютъ намъ судить о той порѣ. Козьма Прутковъ—типичный и неизбѣжный результатъ той эпохи, разрѣзъ пласта, по которому легче всего изучать историческія наслоенія цѣлаго періода русской жизни и литературы.

«Усердіе все превозмогаетъ!»—такъ гласитъ 84-й афоризмъ изъ его «Плодовъ раздумья»—и въ немъ вся теорія эпохи оффиціальнаго мѣщанства; еще Бенкендорфъ высказалъ эту же мысль Пушкину; въ этомъ афоризмѣ также все основаніе литературной дѣятельности Козьмы Пруткова, писавшаго стихи, драмы, мистеріи, проекты, водевили, «историческіе матеріалы», мысли и афоризмы:—усердіе все превозмогаетъ. «Прикажутъ—завтра же буду акушеромъ»,—говорилъ въ эту эпоху Кукольникъ; среда, создавшая такихъ Кукольниковъ, создала и Козьму Пруткова.

Мы видѣли уже всю узость этой эпохи. Личность была подавлена; узость казенщины сказывалась на всѣхъ мѣропріятіяхъ. Самостоятельная мысль объявлялась сумасшествіемъ (вспомнимъ Чаадаева), всякая попытка выйти изъ рамокъ подавлялась неукоснительно. И совершенно своевременной была

знаменитая, часто повторяемая Козьмою Прутковымъ мысль: «никто не обниметъ необъятнаго!» (аф. 3, 44, 67, 104, 160 и др.). Съ какимъ узкимъ, мѣщанскимъ самодовольствомъ повторялся и до сихъ поръ повторяется этотъ афоризмъ всѣми убѣжденными послѣдователями системы оффиціальнаго мѣщанства! Часто приходится слышать эту же мысль отъ представителей умѣренности и аккуратности, но только въ нѣсколько иной формѣ, въ пословицахъ о сверчкѣ и шесткѣ, о плети и обухѣ, о рожнѣ, о воробьѣ и орлѣ... Вообще мѣщанство изобрѣтательно и находчиво пользуется народной мудростью. Козьма Прутковъ выразилъ ту же мысль, но гораздо изящнѣе и сильнѣе: «никто не обниметъ необъятнаго!», или въ другомъ мѣстѣ—менѣе изящно, но еще болѣе сильно: «плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно обнять необъятное!» (аф. 104). Мысль эта чрезвычайно удобна тѣмъ, что, при желаніи, «необъятнымъ» можно считать пространство въ нѣсколько вершковъ; да такъ это и было въ узкую эпоху оффиціальнаго мѣщанства.

«Мундиръ, одинъ мундиръ!»—этотъ эпиграфъ эпохи военщины и бюрократизма нашелъ свой отголосокъ во многихъ глубокихъ мысляхъ Козьмы Пруткова. Военщина сказалась даже въ самой формѣ нѣкоторыхъ его афоризмовъ; по замѣчанію его біографа (Собр. соч., XIV) въ «Плодахъ раздумья», часто слышится военная команда: «бди!»—приказываетъ читателямъ мыслитель:—«козыряй!», «всегда держись на чеку!», «смотри въ корень!» (аф. 5, 42, 129, 150 и др.); въ эпоху военщины и казенщины даже афоризмы звучали какъ команда у такого чуткаго мыслителя, какъ Козьма Прутковъ; къ мундиру, погончикамъ и петличкамъ онъ относился съ полнымъ благоговѣніемъ. «Если хочешь быть красивымъ—поступи въ гусары»,

глубокомысленно совѣтуетъ онъ (аф. 16), и не менѣе глубокомысленно прибавляетъ: «не будь портныхъ, скажи: какъ различилъ бы ты служебныя вѣдомства?» (аф. 18). А вѣдь это дѣло важное; вѣроятно именно для того, чтобы различать служебныя вѣдомства — «человѣкъ, не будучи одѣянъ благодѣтельною природою, получилъ свыше даръ портного искусства» (аф. 17). Неудивительно послѣ всего этого, что нашъ мыслитель съ полнымъ убѣжденіемъ заявляетъ, что чиновничество — одно спасеніе: «только въ государственной службѣ познаешь истину» (аф. 89); бюрократизмъ и государственность — панацея всѣхъ золъ; лучше всего было бы обезличиться окончательно, все предать во власть и на усмотрѣніе начальства — недаромъ Козьма Прутковъ глубокомысленно замѣчаетъ, что какъ было бы хорошо, «если бы дозволено было относить всѣ непріятности на казенный счетъ» (аф. 130). Мысль эта порождена эпохой оффиціальнаго мѣщанства, когда бюрократизмъ достигъ степеней поистинѣ небывалыхъ и пытался подчинить себѣ и всѣхъ и вся — вѣдь только въ государственной службѣ можно познать истину, а такъ какъ усердіе все превозмогаетъ, то «усердный въ службѣ не долженъ бояться своего незнанія; ибо каждое новое дѣло онъ прочтетъ»... (аф. 82). Вы только вникните въ эту блестящую и тонкую логику! Неудивительно, что при такомъ благоговѣніи къ убивающему личность бюрократизму Козьма Прутковъ (уже въ 1863 г.) могъ написать знаменитый проектъ «О введеніи единомыслія въ Россіи»: онъ грустилъ по эпохѣ единомыслія и мундира. Что мундиръ для него стоялъ выше всего — объ этомъ мы уже говорили; чинопочитаніе — страсть эпохи оффиціальнаго мѣщанства. «Небо, усѣянное звѣздами, всегда уподоблю груди заслуженнаго

генерала»—заявляетъ нашъ мыслитель (аф. 112),—и это небу честь не малая.

Всю бездну плоскости и пошлости эпохи оффиціальнаго мѣщанства можно предполагать уже и a priori. Дѣйствительно, что могло въ то время пустить прочные корни? Продажная, полицейская литература и журналистика Булгариныхъ, степенное мѣщанство нарождающагося поколѣнія (которому высказалъ свое благоволеніе Козьма Прутковъ, изрекши, что «степенность есть надежная пружина въ механизмѣ общежитія», аф. 158), приниженная пошлость и сервилизмъ раскаявшихся либераловъ—вотъ что господствовало въ эпоху оффиціальнаго мѣщанства. Если мы къ этой пошлости прибавимъ еще и самомнѣніе—а вѣдь они очень часто находятся вмѣстѣ,—то мы увидимъ, что Козьма Прутковъ явился типичнѣйшимъ представителемъ своей эпохи: чего-чего, а ужъ самомнѣнія и пошлости въ немъ было за десятерыхъ. Какое великолѣпное обращеніе съ читателемъ: «смотри, читай со вниманіемъ!», «вникни въ издаваемое!», «твой доброжелатель Козьма Прутковъ»;—и вмѣстѣ съ этимъ непроницаемымъ самомнѣніемъ, какія «казенныя пошлости!» (Собр. соч., XIII). Казенныя пошлости—и въ то же время непререкаемыя истины: «не все стриги, что растетъ!», или «два человѣка одинаковой комплекціи дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого»... Или «если на клѣткѣ слона прочтешь надпись буйволъ—не вѣрь глазамъ своимъ» и т. п. (аф. 69, 70, 106 и др.). Не вспоминаются ли при этомъ глубокомысленныя философствованія различныхъ доморощенныхъ Кифа Мокіевичей «звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше

въ нее углубишься!.. Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ?» и т. д. Или: «вотъ, напримѣръ, медвѣдь: звѣрь лѣсной, пространный, а хвостъ у него такъ, съ пуговку небольшую; а сорока, вотъ, птица малая, перелетная—а вишь какой хвостище нацѣпила!»... (Гоголь, «Мертвыя души»; Тургеневъ, «Разговоръ на большой дорогѣ») Послѣ знакомства съ Козьмой Прутковымъ вся эта философія получаетъ иной смыслъ и ясное освѣщеніе, такъ какъ становится понятной ея связь съ эпохой оффиціальнаго мѣщанства; философія казенныхъ пошлостей—лучшая характеристика всей эпохи, и если Шекспиромъ этой эпохи былъ Кукольникъ, а ея Пиндаромъ—Бенедиктовъ, то Козьма Прутковъ вполнѣ заслуживалъ бы званія придворнаго философа этой эпохи. Къ тому же онъ въ одномъ лицѣ соединялъ всѣ таланты: своей «Фантазіей» онъ достигъ истинно-шекспировской для эпохи оффиціальнаго мѣщанства высоты; а въ лирикѣ онъ, отгадавъ духъ эпохи, недаромъ соперничалъ со своимъ «сослуживцемъ по министерству финансовъ, г-номъ Бенедиктовымъ»... Своимъ псевдо-романтизмомъ Прутковъ былъ вѣрнымъ сыномъ эпохи.

Быть можетъ, вамъ все это кажется маловажнымъ, читатель; но вы представьте себѣ все самомнѣніе и всю пошлость Козьмы Пруткова воплощенными въ какой-либо власть имѣющей особѣ, съ девизомъ «не разсуждать—повиноваться!», въ какомъ-нибудь маіорѣ Перехватъ-Залихватскомъ, представьте себѣ Козьму Пруткова на тронѣ Николая I-го—и подумайте о возможныхъ результатахъ. А результаты эти налицо: всеобщій крахъ 1855 года, приведшій къ паденію и самой системы оффиціальнаго мѣщанства. Козьма Прутковъ тѣмъ-то и замѣчателенъ, какъ литературный типъ, что, обладая огромной дозой наивности, онъ сочеталъ въ себѣ всѣ основные результаты

системы цѣлой четверти вѣка, и съ той же великолѣпной наивностью и непроницаемымъ самомнѣніемъ выставилъ эти результаты ярко и выпукло въ своихъ «плодахъ раздумья», а отчасти и въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ. «Многіе люди подобны колбасамъ: чѣмъ ихъ начинятъ, то и носятъ въ себѣ» (аф. 98), — это прекрасно примѣнимо къ самому автору изреченія: его начинили духомъ и сущностью эпохи оффиціальнаго мѣщанства — и онъ носилъ въ себѣ это содержаніе и выразилъ его наглядно и ярко своими произведеніями и самымъ своимъ типомъ.

Этимъ мы и закончимъ знакомство съ Козьмою Прутковымъ, хотя произведенія его представляютъ еще неисчерпаемый матеріалъ интересныхъ фактовъ для характеристики эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Укажемъ мимоходомъ на его комедію «Фантазія», поставленную на Александринской сценѣ 8-го января 1851 г., снятую съ репертуара по Высочайшему повелѣнію 9-го января 1851 года, и впервые напечатанную (въ 1884 г.) со всѣми цензорскими помарками и съ примѣчаніями Козьмы Пруткова: это интересная страничка изъ исторіи цензурнаго террора эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Отсылаемъ читателя къ самой комедіи—перечитать ее всегда интересно,—а сами замѣтимъ только въ заключеніе, что не даромъ, какъ видитъ теперь читатель, Козьма Прутковъ пользуется громадной популярностью, что его произведенія—не пустая забава. «Бросая въ воду камешки, — изрекъ однажды Козьма Прутковъ, — смотри на круги ими образуемые; иначе такое бросаніе будетъ пустою забавою» (аф 156). Этотъ великолѣпный «плодъ раздумья» должно всегда имѣть въ виду при чтеніи произведеній самого Козьмы Пруткова: при чтеніи ихъ надо обращать вниманіе на ихъ историческое и

общественное значеніе, иначе такое чтеніе будетъ пустою забавою... Вообще надо «смотрѣть въ корень» при изученіи каждаго явленія; въ данномъ случаѣ, посмотрѣвъ въ корень, мы убѣдились, что значеніе Козьмы Пруткова гораздо серьезнѣе, чѣмъ полагаютъ обыкновенно. Козьма Прутковъ типичный представитель своего времени, онъ живое воплощеніе главныхъ сторонъ системы оффиціальнаго мѣщанства; оттого-то мы и остановились на немъ такъ подробно.

Покончивъ съ характеристикой эпохи оффиціальнаго мѣщанства и ея литературнаго воплощенія, мы переходимъ къ Гоголю и Гончарову, какъ къ двумъ писателямъ, явившимся наиболѣе яркимъ обратнымъ и прямымъ слѣдствіемъ и результатомъ этой эпохи. Мы не хотимъ этимъ сказать, что Гоголь ненавидѣлъ систему оффиціальнаго мѣщанства, а Гончаровъ питалъ къ ней симпатію; быть можетъ, наполовину безсознательно явились они, первый — сатирикомъ мѣщанства, второй—апологетомъ его. Апогей антимѣщанства Гоголя и апогей мѣщанства Гончарова оба были слѣдствіемъ (обратнымъ и прямымъ) эпохи оффиціальнаго мѣщанства, совершенно независимо отъ воли и желанія авторовъ «Мертвыхъ душъ» и «Обломова».

Гоголь.

I.

Мѣщанство идетъ!—идетъ мѣщанство жизни въ русской литературѣ, только-что освободившейся отъ литературнаго мѣщанства; Гоголь вводитъ въ русскую литературу безконечный рядъ мѣщанскихъ типовъ, проходящихъ черезъ неуловимую градацію отъ идеаловъ желудка, растительной жизни, «растительности»—этого перваго этапа на пути къ мѣщанству—до идеаловъ духовнаго мѣщанства. Впослѣдствіи и Гончаровъ противопоставилъ сознанную имъ «растительность» Обломовки несознанному имъ мѣщанству Штольца, но Гоголь первый далъ художественную картину растительныхъ идеаловъ въ безсмертныхъ типахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ и Петра Петровича Пѣтухова.

Растительность—это первый этапъ къ мѣщанству, сказали мы; переходъ между ними—постепененъ и почти незамѣтенъ. Мѣщанство ли въ Тентетниковѣ, этомъ прототипѣ одновременно и Обломова, и племянника Адуева? (ср. VI, 40—41 съ «Обыкновенной исторіей»). Мѣщане ли Собакевичъ, Плюшкинъ и имъ подобные? Отчасти, конечно, да, хотя настолько же они близки и къ растительности: для того, чтобы быть истинными мѣщанами, имъ не хватаетъ узости и безличія; такъ, несмотря на всю свою узость—не полный мѣщанинъ Скупой рыцарь, у котораго узкая страсть является всеобъемлющей,

всесильной, между тѣмъ какъ истинный мѣщанинъ всегда умѣренъ и аккуратенъ, не горячъ и не холоденъ.

Но вотъ уже яркій переходъ къ мѣщанству — ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Тихая и мирная растительная жизнь въ глухой провинціи прерывается смертельной враждой двухъ закадычныхъ друзей и пріятелей; въ жизни этой, положимъ, уже и раньше проблескивали мелкія черточки мѣщанства: Иванъ Ивановичъ, скушавъ дыню, тщательно собиралъ сѣмена въ бумажку съ надписью: «сія дыня съѣдена такого-то числа» и «участвовалъ такой-то»; Иванъ Никифоровичъ, не смотря на свою шарробразность, не былъ вторымъ изданіемъ Пѣтуха, и, какъ полу-мѣщанинъ, твердо памятовалъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, почему и отказался мѣнять свое ружье на откормленную бурую свинью и два мѣшка съ овсомъ. Но это только между прочимъ; главное начинается послѣ этого эпизода, вызвавшаго взаимную перебранку двухъ друзей; два неразлучныхъ друга дѣлаются смертельными врагами изъ-за одного только слова «гусакъ».

«Великая, безконечно великая черта художественнаго генія этотъ гусакъ!» — восклицалъ въ свое время Бѣлинскій (въ статьѣ «Горе отъ ума», 1839 г.), — что впослѣдствіи уравновѣшенный мѣщанинъ Гончаровъ призналъ комизмомъ и ребячествомъ, которое «безъ смѣха нельзя читать» (см. его «Замѣтки о личности Бѣлинскаго»). И однако неистовый Виссаріонъ былъ гораздо болѣе правъ, указывая, что вся безконечная пустота и пошлость мѣщанской жизни, вся безсмысленность ея выразились въ этомъ пустомъ и безсмысленномъ оскорбленіи; и въ то же время въ этомъ проявилось развитіе мѣщанства по направленію отъ растительной жизни. Какъ вы ду-

маете, стали бы старосвѣтскіе помѣщики, или Петръ Петровичъ Пѣтухъ, или, наконецъ, обломовцы—въ теченіе десяти лѣтъ вынимать старые дѣдовскіе карбованцы изъ сундуковъ, судиться въ теченіе десяти лѣтъ изъ-за «гусака»? Въ этомъ уже страсти—узкія, мѣщанскія, но все-таки страсти, несовмѣстимыя съ мирной растительной жизнью; здѣсь впервые въ нашей литературѣ «мѣщанство идетъ», въ художественномъ отраженіи творчества поэта, въ одухотворенныхъ и живыхъ образахъ. И какъ характерно это окончаніе разсказа о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ:—«скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Намъ не было скучно, когда мы всматривались въ растительную жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ; но стоило показаться мѣщанству—и томительная скука, при видѣ безконечной пошлости и плоскости мѣщанской жизни, дѣйствительно овладѣла нами. Невольно вспоминается, что когда, послѣ вспышки общественности и индивидуализма 60-хъ годовъ, мѣщанство снова выступило впередъ на историческую сцену, то одна изъ наиболѣе яркихъ картинъ мѣщанства тоже была закончена авторомъ тоскливымъ восклицаніемъ: «эхъ, господа, что-то скучно!» (Помяловскій, «Молотовъ»).

II.

Мѣщанство идетъ!—И передъ нами проходитъ цѣлая галлерея рѣзко очерченныхъ типовъ и характеровъ, настолько рѣзкихъ и выпуклыхъ, что одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ создалъ даже цѣлую теорію безжизненности этихъ типовъ.

Вотъ Маниловъ—послѣдній могиканъ помѣщичьяго сентиментализма, съ небольшой дозой изрѣдка проявляющейся обломовщины, вѣчно читающій одну

и ту же книгу съ закладкой на 14-ой страницѣ, мечтающій о томъ, какъ бы хорошо было выстроить каменный мостъ черезъ прудъ или провести подземный ходъ отъ дома; человѣкъ, отъ котораго не дождешься никакого живого слова, который скорѣе похожъ на сахарную куклу, чѣмъ на человѣка. Маниловъ—послѣдній могиканъ сентиментализма, послѣдній ударъ приторной чувствительности отмирающей эпохи; отчасти потому онъ и мѣщанинъ съ головы до пятъ. И когда вы подойдете къ этому сентиментальному мѣщанину, то «въ третью же минуту почувствуете скуку смертельную»,—ибо воочію увидите передъ собой апогей засахаренной пошлости и приторной плоскости.

Вотъ дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, какъ представительницы того города, главной и основной чертой котораго является «достигшая до высшей степени пустота»; безсмысленная жизнь, сплетни, безконечные разговоры о какой-нибудь «сконапель истоаръ»; вотъ цѣлый рядъ чиновниковъ, такъ ярко обрисованныхъ Гоголемъ сначала въ «Ревизорѣ», а затѣмъ и въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ»: вообще «весь городъ, со всѣмъ вихремъ сплетней»—воплощеніе самаго типичнаго мѣщанства. Пошлая, мѣщанская жизнь и жалкая мѣщанская смерть: «пустота и безсильная праздность жизни смѣняются мутною, ничего не говорящею смертью»—и васъ невольно охватитъ тоска, даже ужасъ передъ этой «страшной мглой жизни» мѣщанства.

Въ «Ревизорѣ» (1836 г.) ярко и выпукло выставлено мѣщанство чиновничества—и картина получилась дѣйствительно потрясающая. Современные Гоголю «критики»—разные Брамбеусы, Булгарины и т. п.—обрушились на Гоголя за то, что въ его произведеніяхъ, а въ частности въ Ревизорѣ, нѣтъ ни

одного «свѣтлаго лица». Обвиненіе, конечно, наивное, но самый фактъ отмѣченъ вѣрно: дѣйствительно—тягостное впечатлѣніе выносишь отъ знакомства съ этимъ безпросвѣтнымъ мѣщанствомъ, дѣйствительно—потрясающая картина пропитанной мѣщанскимъ бюрократизмомъ жизни Россіи встаетъ передъ нами въ «Ревизорѣ». Эта атмосфера, пропитанная взяточничествомъ, взятки отъ гнилого чернослива и борзыхъ щенковъ до сотенъ и тысячъ рублей, эта круговая порука всѣхъ за каждаго, эти мелочные интересы съ высшимъ идеаломъ—«влѣзть въ генералы», эта всеобщая продажность, сгибаніе въ три погибели передъ высшимъ чиномъ и пр., и пр.,—въ этомъ сказалась вся бюрократическая мѣщанская Россія. И совершенно напрасно пытался впослѣдствіи Гоголь придать какое-то якобы высшее символистическое значеніе «Ревизору» (см. его «Развязка Ревизора», 1846 г.), сознавая, что отъ этой пьесы всякій выноситъ какое-то «тягостное чувство», «чудовищно-мрачное впечатлѣніе»; это тягостное чувство при видѣ пошлой и плоской мѣщанской жизни не исчезнетъ, если мы наивно сопоставимъ ревизора съ совѣстью, а чиновниковъ—со страстями человѣка... Тягостное чувство при видѣ мѣщанской жизни—совершенно достаточный результатъ одного изъ величайшихъ произведеній автора, достигшаго апогея анти-мѣщанства.

Еще болѣе подробно, чѣмъ въ «Ревизорѣ», Гоголь оттѣнилъ мѣщанство бюрократизма въ «Шинели» (1842 г.), повѣсти, отъ которой Достоевскій выводилъ всю послѣднюю русскую литературу («всѣ мы вышли изъ Шинели»), имѣя въ виду главнымъ образомъ, конечно, то мѣсто, когда жалкій Акакій Акакіевичъ умоляетъ чиновниковъ: «оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?»—и чуткое ухо слышитъ въ этихъ словахъ другія—«я братъ твой»... Дѣй-

ствительно, здѣсь вы предчувствуете будущаго Достоевскаго съ его надрывомъ любви къ человѣку, къ личности; но для насъ пока важна другая сторона типа Акакія Акакіевича и творчества Гоголя, это—сторона безпредѣльнаго мѣщанства, въ изображеніи котораго талантъ Гоголя достигъ своей вершины. Передъ нами мѣщанинъ, чиновникъ, вся жизнь котораго заключена въ канцеляріи, все наслажденіе котораго—въ перепискѣ бумагъ; ни одной мысли, ни одной страсти, ни одного чувства, кромѣ этого. Для него не существуетъ ничего, кромѣ канцеляріи, кромѣ ровныхъ строкъ переписанныхъ бумагъ; даже написавшись за день всласть, «онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра?» Вы скажете, что это, утрировка типа, но всѣ типы Гоголя такая же утрировка, и въ этой выпуклости ихъ—ихъ главное значеніе. И прежде чѣмъ мы увидимъ въ Акакіи Акакіевичѣ человѣка (а увидимъ мы это только въ «Бѣдныхъ людяхъ» Достоевскаго), мы видимъ въ немъ чиновника, жизнь, загубленную канцеляріей и бумагой, общее слѣдствіе бюрократическаго мѣщанства дореформенной Россіи. Акакій Акакіевичъ—это еще мелкая сошка, первая ступень лѣстницы бюрократизма,—но общій духъ системы отражается на немъ не менѣе ясно, чѣмъ на какомъ-нибудь директорѣ департамента, его превосходительствѣ Иванѣ Петровичѣ («Утро дѣлового человѣка», 1836 г.), весь смыслъ службы котораго заключенъ въ наблюденіи за шириной полей въ дѣловыхъ бумагахъ: «это что значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?». Такое глубокомысленное отношеніе къ службѣ—яркое проявленіе системы оффиціальнаго мѣщанства; здѣсь Акакій Акакіевичъ и Иванъ Петровичъ, стоящіе на столь разныхъ сту-

пеняхъ лѣстницы восходящихъ лакеевъ, вполнѣ сходятся другъ съ другомъ.

Своей вершины анти-мѣщанство Гоголя достигло въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» (1842 г.), изъ котораго нѣсколько типовъ затронуты нами уже выше. Никогда прежде въ русской литературѣ не появлялось такой геніальной, такой удручающей душу картины человѣческой пошлости, узости, мѣщанства. Самъ Гоголь разсказываетъ, что когда онъ читалъ Пушкину «Мертвыя души», то жизнерадостный веселый Пушкинъ «началъ становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски:—Боже, какъ грустна наша Россія!» («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»; VII, 78—92, 1843 г.). Самъ Гоголь объяснялъ это чудовищностью, каррикатурностью своихъ типовъ—объясненіе, достойное не творца «Мертвыхъ душъ», а автора «Переписки», не понимавшаго всей силы, всей глубины правды имъ же созданныхъ типовъ. Возьмемъ наудачу какой-нибудь типъ, хотя бы, напримѣръ, полковника Кошкарева, изъ второго тома «Мертвыхъ душъ»; какъ Гоголь могъ не видѣть, что этотъ полковникъ—яркое олицетвореніе всей системы оффиціальнаго мѣщанства на Руси? Всѣ эти «депо земледѣльческихъ орудій», «главная счетная экспедиція», «контора принятія рапортовъ и донесеній», все это бумагопроизводство, наружный порядокъ вмѣстѣ съ анархіей по существу—вѣдь это сама жизнь, сама правда, сама оффиціальная, дореформенная Россія! На этой почвѣ одинаково понятны и герои «Ревизора», и несчастный Акакій Акакіевичъ, и типы перваго тома «Мертвыхъ душъ»—вся та сплошная пошлость, въ рельефномъ выставленіи которой заключалась главнѣйшая сторона творческаго характера Гоголя:—здѣсь лежитъ причина того, что

именно Гоголемъ достигнута высшая точка въ изображеніи духовнаго мѣщанства. Пушкинъ былъ глубоко правъ, говоря Гоголю, что «еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка» («Переписка»; VII, 78—92). И конечно въ этомъ, а не въ чемъ-нибудь иномъ, заключается причина того гнетущаго чувства, съ какимъ Пушкинъ слушалъ чтеніе «Мертвыхъ душъ», того тяжелаго впечатлѣнія, съ которымъ не разстаешься при чтеніи лучшихъ произведеній Гоголя. Гоголь сознавалъ эту свою черту и такое дѣйствіе произведеній: «пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей,— говоритъ онъ: — испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія... что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ» (Ibid.). Этотъ душный погребъ—мѣщанство во всѣхъ его проявленіяхъ, выставленное съ громадной силой Гоголемъ къ позорному столбу; въ этомъ яркомъ выставленіи узости, плоскости и пошлости мѣщанства— всѣ права Гоголя на званіе великаго писателя, достигнувшаго въ своихъ произведеніяхъ апогея анти-мѣщанства, умѣвшаго «крѣпкою силою неумолимаго рѣзца» выставить «выпукло и ярко» всю безконечность пошлости мѣщанства,—«всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога» (V, 132).

Вотъ онъ, тотъ «страхъ жизни», та «мгла жизни», которые, начиная съ Державина, все сильнѣе и сильнѣе звучали въ русской литературѣ и жизни, пока не достигли высшей своей точки въ безнадежномъ, но все-таки относительномъ пессимизмѣ Лермонтова,

и въ безсознательной тоскѣ передъ мѣщанствомъ жизни у Гоголя! Тоска эта, при полномъ неумѣніи связать пошлость окружающей жизни съ общественной жизнью Россіи, привела Гоголя ко второму періоду его дѣятельности, къ «Перепискѣ».

III.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ это отмѣтилъ впервые еще Чернышевскій, что въ творчествѣ и жизни Гоголя не было никакого рѣзкаго перелома; особенно ясно сказывается это при изученіи его писемъ. Пошлость Гоголь ненавидѣлъ до самаго конца своей жизни одинаковой силой ненависти; но его приводила въ отчаяніе полная невозможность успѣшной борьбы съ ней и быстрой побѣды надъ ней. Конечно, онъ прекрасно сознавалъ, что сочиненія его именно и являются рѣзкой борьбой съ пошлостью, съ мѣщанствомъ, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе становился онъ недоволенъ результатами этой борьбы. Ему хотѣлось чего-то великаго, рѣшающаго борьбу однимъ ударомъ; всѣ свои лучшія сочиненія онъ сталъ считать съ этой точки зрѣнія чѣмъ-то мелкимъ, незначительнымъ; онъ сталъ стараться захватить суть пошлости глубже, посмотрѣть въ корень, поразить источники мѣщанства въ самой общественной жизни Россіи, отсѣчь однимъ ударомъ голову гидрѣ мѣщанства. Но попытки эти были выше силъ Гоголя, и онъ палъ подъ тяжестью добровольно взятаго (на себя) груза.

«Неумолимый рѣзецъ» Гоголя «выпукло и ярко» обрисовывалъ всю пошлость мѣщанской жизни, и это было его страшнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ мѣщанствомъ; но самъ онъ не сознавалъ всей силы своего оружія этого остро отточеннаго неумолимаго

рѣзца. Онъ бросилъ рѣзецъ и промѣнялъ его на перо публициста и на кисть портретиста нравственныхъ и физическихъ красавцевъ и красавицъ. Но что это было за царапающее бумагу перо, что за приторная кисть! Желая однимъ ударомъ покончить съ мѣщанствомъ, Гоголь впалъ въ жесточайшее духовное мѣщанство—и это было началомъ его конца.

Публицистомъ онъ выступилъ въ своей знаменитой «Перепискѣ». Намъ нѣтъ надобности подробно останавливаться на всемъ мѣщанствѣ этого произведенія, долженствовавшаго, по мнѣнію Гоголя, спасти Россію. Какъ публицистъ (самъ Гоголь считалъ себя въ «Перепискѣ» не публицистомъ, а чуть ли не пророкомъ Божіимъ), онъ совершенно не понялъ, въ чемъ коренятся тѣ общественные и государственные ростки мѣщанства, которые онъ хотѣлъ съ одного взмаха вырвать съ корнемъ. Правда, и Гоголь и его корреспонденты чувствовали, что въ самой системѣ, въ самой эпохѣ есть какое-то неуловимое зло, но имъ было неясно, въ чемъ оно состоитъ, гдѣ его причины. «Грустно и даже горестно видѣть вблизи состояніе Россіи, но, впрочемъ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить», —пишетъ Гоголю пресловутая «губернаторша», Россети-Смирнова; «всѣ падаютъ духомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго,—пишетъ ему графиня Уварова:—каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ, о сохраненіи собственной пользы, точно какъ на полѣ сраженія послѣ потерянной битвы». Дѣйствительно, система оффиціальнаго мѣщанства приводила ко всеобщей нравственной анархіи, и это сознавалъ даже самъ авторъ «Переписки», чувствуя что-то неладное въ государственномъ механизмѣ: «образовался другой, незаконный ходъ дѣйствій мимо законовъ государства и уже обратился почти въ законный, такъ что законы остаются только для вида» —пишетъ самъ Гоголь. Гдѣ же причины

этого зла, являющагося, быть можетъ, одной изъ первопричинъ мѣщанства частной жизни? Причина— въ секретаряхъ и въ совѣтникахъ губернскаго правленія...

Этотъ невѣроятный отвѣтъ Гоголя слишкомъ общеизвѣстенъ, и можно безъ обиняковъ сказать, что едва ли Гоголь понималъ общественные вопросы лучше, чѣмъ тотъ его купецъ, который весь вылился въ классической фразѣ: «тутъ съ этимъ соединено и буджетъ и реакцыя, а иначе выйдетъ павпуризмъ»... И дѣйствительно, что другое, какъ не эта фраза вспомнится читателю, когда онъ услышитъ отъ Гоголя, что табель о рангахъ есть мудрое изобрѣтеніе самого Господа Бога, что взяточничество чиновниковъ происходитъ отъ мотовства ихъ женъ, что все зло въ государственномъ организмѣ Россіи—отъ секретарей, что вырвать все это зло съ корнемъ очень нетрудно—стоитъ только, чтобы совѣтники губернскаго правленія были честные люди...

Упавъ такъ низко, Гоголь становится сознательнымъ проповѣдникомъ и апологетомъ системы оффиціальнаго мѣщанства. Онъ изумляется премудрому внутреннему устройству Россіи, преклоняется передъ бюрократическихъ мундиромъ, видитъ въ немъ единственное спасеніе всѣхъ и каждаго: «кто даже и не въ службѣ, тотъ долженъ теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность какъ утопающій хватается за доску, безъ чего не спастись никому»... Онъ пророчествуетъ далѣе, что Россія—любимое дитя Бога, что черезъ десятокъ лѣтъ Европа пріѣдетъ къ намъ не за пенькой и саломъ, а за мудростью (какъ-разъ черезъ десять лѣтъ послѣ этихъ словъ былъ Крымскій погромъ). Онъ раздѣляетъ взятки на «стыдныя» и «нестыдныя» и обращается съ воззваніемъ къ полиціи, убѣждая прекратить взятки и поборы (см., напр., VIII, 130—1; VI, 95; VII, 119;

VII, 99, 176; оправданія и объясненія Гоголя— см. VIII, 20 и сл.). Во всемъ этомъ, конечно, много благонамѣренной наивности, той наивности, которая убѣждена, что «стоитъ только захотѣть» (какъ впослѣдствіи выражался Л. Толстой) и сразу перемѣнится весь строй жизни. Любезные сограждане, перестанемъ быти злыми,—взывала Екатерина II,—и наступитъ вѣкъ златой. Далеко ли ушелъ Гоголь (а впослѣдствіи и Л. Толстой) отъ этого призыва къ самосовершенствованію, какъ къ панацеѣ отъ всѣхъ золъ?

Однако наивность—наивностью, а непониманіе и невѣжество своимъ чередомъ. У Гоголя они были тѣмъ болѣе пошлыми, тѣмъ болѣе мѣщанскими, что пропитаны были духомъ пророчества, религіозною вѣрою въ свои слова. Самомнѣніе и верхоглядство и раньше проскальзывало у Гоголя: то онъ берется за профессуру, не имѣя и самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по своему предмету; то собирается «хватить среднюю исторію въ восемь томовъ», то помѣчаетъ подъ заголовкомъ отрывка своей работы «Т. I, кн. I, гл. I», не имѣя даже второй главы; то онъ «медлитъ изданіемъ первыхъ томовъ», не имѣя ни строчки написанной, и т. п., и т. п. (см., напр., IX, 128, 217, 263 и др.). Въ «Перепискѣ» эти черты достигли у Гоголя болѣзненно-уродливыхъ размѣровъ, осложнившись вѣрою въ свой мессіанизмъ. «Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего!»— на такой почвѣ самомнѣніе дало богатые плоды. Гоголь проситъ своихъ соотечественниковъ прочитать «Переписку» нѣсколько разъ, а также купить нѣсколько экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые купить не могутъ... Онъ ко всѣмъ и каждому обращается съ властнымъ совѣтомъ—къ генералъ-губернаторамъ, къ поэтамъ, къ «занимающимъ важныя мѣста», наконецъ, даже къ ученымъ (о томъ,

какъ надо «проповѣдывать науку»!). Тонъ совѣтовъ—пророческій, непогрѣшимый, тонъ мнѣнія—безаппелляціонный: «очнитесь! куриная слѣпота на глазахъ вашихъ!»; «выводы твои гниль—они сдѣланы безъ Бога»; «только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль»... На ряду съ этимъ—совѣты «дѣлать такъ, какъ думаю я», исполнять его волю «такимъ именно образомъ, какъ я хочу», «раскусить хорошенько» его мнѣніе. Такъ отсѣкалъ Гоголь голову гидрѣ пошлости и мѣщанства...

Насколько самъ онъ въ это время завязъ въ мѣщанствѣ, лучше всего показываетъ изумительное письмо Гоголя: «Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи». Равновѣсіе бюджета—поучаетъ Гоголь—цѣль супружеской жизни и гарантія семейнаго счастія; поэтому всѣ деньги надо раздѣлить «на семь почти равныхъ кучъ», причемъ въ первой кучѣ будутъ деньги на квартиру, во второй—деньги на столъ, въ третьей—на экипажъ и лошадей, въ четвертой—на гардеробъ, въ пятой кучѣ—карманныя деньги, въ шестой—деньги на чрезвычайныя издержки («покупка новаго экипажа и даже (!) вспомоществованіе кому-нибудь изъ вашихъ родственниковъ»), наконецъ «седьмая куча—Богу», на церковь и бѣдныхъ... Недурно и это... Дальше—еще лучше... «Сдѣлайте такъ, чтобы эти семь кучъ пребывали у васъ несмѣшанными, какъ бы семь отдѣльныхъ министерствъ»—все это нужно для того, чтобы завести порядокъ въ домѣ; и въ такомъ учрежденіи бюрократическихъ порядковъ въ семьѣ Гоголь видитъ основу прочнаго счастья. Наконецъ онъ достигаетъ апогея мѣщанства, апогея филистерства и пошлости, заявляя: «даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному, вы не

можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на то кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницей картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрогиваться до другихъ кучъ»,—въ этомъ случаѣ Гоголь разрѣшаетъ просить о помощи знакомыхъ (VII, 134)... Можетъ ли духовное мѣщанство идти дальше этого — не знаемъ; но приведенное выше мѣсто — единственное въ своемъ родѣ во всей русской литературѣ.

IV.

Итакъ, перо публициста привело Гоголя въ трясину самаго пошлаго мѣщанства. Онъ и самъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ признать это. «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее»,—пишетъ онъ Жуковскому; онъ понялъ, наконецъ, что публицистика, проповѣдь—не его дѣло: «искусство и безъ того ужъ поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни» (см. письма къ Жуковскому 6/III 1847 г., 29/XII—10/I 1847—8 г. и др.). Такимъ образомъ Гоголь возвращается къ творчеству, но не отказывается отъ своей идеи срубить голову гидрѣ мѣщанства орудіемъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ его «неумолимый рѣзецъ»; такимъ орудіемъ онъ выбираетъ дряблую кисть псевдо-романтическаго портретиста. Появляются на свѣтъ Божій Улинька, Костанжогло, Муразовъ и прочіе эпическіе и лирическіе герои...

Еще въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» Гоголь обѣщалъ вывести впослѣдствіи на сцену героя,

«одареннаго божескими доблестями», русскую дѣвушку, «какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ», и вообще обѣщалъ нарисовать «несмѣтное богатство русскаго духа» (V, 224). И раньше Гоголь былъ грѣшенъ тенденціей къ «ультра-романтизму»: если у него попадается красавица, то ужъ вѣрно неописуемая; таковъ нехудожественный образъ панночки въ «Тарасѣ Бульбѣ» (извиняемый, впрочемъ, эпическимъ тономъ повѣствованія); таково напыщенное описаніе красавицы Аннунціаты, въ которомъ Гоголь такъ печально состязается съ Марлинскимъ. Теперь, во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», эти задатки развились и дали плодъ сторицею. Гоголю казалось очень простымъ нарисовать своихъ блещущихъ всѣми добродѣтелями героевъ по закону контраста съ типами мѣщанъ перваго тома «Мертвыхъ душъ»; на дѣлѣ это оказалось далеко не столь простымъ и легкимъ, и кончилось тѣмъ, что Гоголь чуть-ли не впалъ въ марлиновщину, такъ какъ только у Марлинскаго можно найти подобную нехудожественность.

Красота Улиньки—несравненна, такого очертанія лица «нельзя было отыскать нигдѣ»; помѣщикъ Платоновъ изумляетъ необыкновенной красотой, это «Ахиллесъ и Парисъ вмѣстѣ»; добродѣтельный кулакъ Костанжогло, придя въ торжественное состояніе духа, сіяетъ какъ царь: «какъ бы лучи исходили изъ его лица»; всѣ дѣти въ школѣ любятъ своего учителя, Александра Петровича, гораздо сильнѣе, чѣмъ своихъ родителей. «нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему»... Не говоримъ уже о лирическихъ изліяніяхъ Гоголя, нехудожественность которыхъ превышаетъ всякую мѣру. Лиризмъ

былъ, впрочемъ, всегда слабой стороной дарованія Гоголя, хотя самъ онъ (такъ же какъ и Бѣлинскій) полагалъ, что лирическая сила имѣется у него въ изобиліи (VIII, 28). Тамъ, гдѣ Гоголь, особенно въ первыхъ своихъ разсказахъ, просто и безхитростно описываетъ природу, у него иногда и прорывается лирическое чувство (напр., описаніе украинской ночи, отчасти описаніе степи въ «Тарасѣ Бульбѣ»). Уже описаніе сада Плюшкина нѣсколько искусственно, все же остальное—холодная и напыщенная реторика, шумиха фразъ, примѣромъ которой можетъ служить пресловутое описаніе Днѣпра, построенное по всѣмъ правиламъ теоріи словесности. («Чуденъ Днѣпръ»...). Неудачныя лирическія изліянія въ «Мертвыхъ душахъ» общеизвѣстны; лучшую же характеристику понятія Гоголя о лиризмѣ можетъ дать его восхищеніе одами, ибо для него «ода есть высочайшее, величественнѣйшее, полнѣйшее и стройнѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ созданій». (XII, 10). Это говорилось въ 1846 г.! Величайшій изъ русскихъ реалистовъ отдавалъ такимъ образомъ дань литературному мѣщанству псевдо-романтизма и псевдо-классицизма.

Въ разсудочномъ, холодномъ творчествѣ Гоголя лиризма не было и быть не могло. «Поэзія, прости Господи, должна быть глуповата», говорилъ Пушкинъ (см. его письма, VII, п. 170), и этимъ парадоксомъ вѣрно отмѣтилъ черту собственнаго творчества: онъ писалъ не умомъ, а чувствомъ, творилъ воображеніемъ, а не соображеніемъ. Гоголь — наоборотъ. «Я никогда не писалъ портрета въ смыслѣ простой копіи, — пишетъ онъ: — я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія» (VIII, 32, IX, 192), и въ этомъ основная черта его творчества. Вотъ почему Гоголь всегда создавалъ типы, а не характеры, суммировалъ

(соображеніемъ) отличительныя и родственныя свойства цѣлой группы характеровъ. Въ этомъ-то и причина рѣзкой выпуклости его типовъ, позволившая одному изъ критиковъ создать теорію не-реальности, безжизненности этихъ типовъ (см. В. Розановъ, «Легенда о великомъ инквизиторѣ»); теорія эта, конечно, была бы вѣрна, если бы реализмъ былъ простымъ фотографированіемъ. Интересно замѣтить, что самъ Гоголь, въ предисловіи ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ душъ», извиняется передъ читателемъ, что типы его — не фотографія! Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ эти типы чудовищами и карикатурами; его изумило, что «Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка!» (VII, 85). И Пушкинъ, конечно, былъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ Гоголь, понимая, что не въ фотографичности жизненность и что типъ не фотографія.

Но вотъ Гоголь пожелалъ однимъ ударомъ поразить пошлость мѣщанства, нарисовать не «карикатуры», а идеальныхъ людей... Здѣсь-то и стерегла его ненавидимая имъ пошлость, ибо дѣйствительно за всю свою жизнь не создалъ Гоголь ничего пошлѣе своихъ «одаренныхъ божескими доблестями» героевъ въ родѣ Костанжогло. Этотъ добродѣтельный кулакъ ненавидитъ мѣщанство, разражается филиппикой противъ растлѣвающаго вліянія городовъ, произноситъ панегирикъ деревнѣ, гдѣ «человѣкъ идетъ рядомъ съ природой»; точно идти рядомъ съ природой значитъ заниматься въ деревнѣ кулачествомъ! И не видитъ Гоголь того, что, заставляя Костанжогло бесѣдовать съ такимъ неподдѣльнымъ удовольствіемъ съ выжигой и мѣщаниномъ Чичиковымъ, онъ тѣмъ самымъ и на своего картоннаго героя налагаетъ неизгладимую печать. Устами Чичикова Гоголь выражаетъ и свое мнѣніе, что Костан-

жогло—умнѣйшій въ Россіи человѣкъ. Но есть еще нѣкій добродѣтельный откупщикъ Муразовъ, который ровно въ десять разъ умнѣе Костанжогло, ибо капиталъ его равенъ сорока милліонамъ, въ то время, какъ у Костанжогло только милліона четыре (VI, 101; XII, 105)...

Пасторальная кисть привела такимъ образомъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и публицистическое перо: оба они завлекли Гоголя въ болото безпросвѣтнаго мѣщанства; и безсильный сломить пошлость однимъ ударомъ, самъ сломавшій свой „неумолимый рѣзецъ“, Гоголь остался безоружнымъ передъ грозной гидрой мѣщанства. Онъ пытался бороться, онъ искалъ спасенія въ индивидуализмѣ, въ религіи,—но и тамъ стерегла его та же пошлость,то же мѣщанство, одѣтое въ поповскую рясу и задрапированное въ тогу индивидуализма.

V.

Крайняя индивидуалистическая теорія самосовершенствованія и аскетизмъ на религіозной почвѣ не спасли Гоголя отъ болота мѣщанства. „Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище душою, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище“ (VII, 75, ср. 140—1),—такова теорія самосовершенствованія у Гоголя, именно *теорія*, положенная во главу угла міровоззрѣнія, а не только этическій принципъ. О теоріи этой мы будемъ подробно говорить въ главѣ, посвященной „эпохѣ общественнаго мѣщанства“, восьмидесятымъ годамъ XIX-го вѣка; но уже и на примѣрѣ Гоголя можно видѣть, что крайній индивидуализмъ этой теоріи переходитъ въ свою противоположность и въ духовное мѣщанство, что здѣсь, какъ и повсюду,

крайности сходятся. Отъ этической нормы „человѣкъ—цѣль“ теорія *само*совершенствованія незамѣтно переходитъ къ принципу „я—цѣль“; изъ чисто этическаго принципа теорія самосовершенствованія дѣлаетъ общественную программу, и вотъ отчего теорія эта почти неизбѣжно сопровождается теоріей постепеновства и малыхъ дѣлъ (см. у Гоголя VII, 92—94; VIII, 47).

Все неприкрытое мѣщанство этой теоріи у Гоголя вскрывается ярче всего въ непосланномъ письмѣ Гоголя къ Бѣлинскому, въ блѣдной попыткѣ отвѣта на дышащее жизнью, страстью и негодованіемъ письмо великаго критика земли русской.

Теорію самосовершенствованія Гоголь основывалъ на религіозной почвѣ, на почвѣ историческаго христіанства. Здѣсь надо прежде всего подчеркнуть, что „черствый“ и разсудочный Гоголь *никогда не былъ мистикомъ*, никогда не стремился и не проникалъ онъ „за предѣлы предѣльнаго“; недаромъ Гоголь на религіозной почвѣ такъ сошелся съ Жуковскимъ, піэтизмъ котораго носилъ такой раціоналистическій характеръ. Разница въ томъ, что піэтизмъ Жуковскаго былъ меланхоличенъ, мягокъ, окрашенъ въ полу-свѣтлые, сѣроватые тона, а аскетизмъ Гоголя былъ тяжелымъ, мрачнымъ настроеніемъ, не дававшимъ надежды на просвѣтъ. Для Жуковскаго смерть есть радостное возвращеніе погибшаго „гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ“, для Гоголя—смерть есть Страшный Судъ и геенна огненная, уготованная діаволу и аггеламъ его... И въ этомъ темномъ страхѣ смерти передъ „загробнымъ величіемъ“, быть можетъ, и проскальзываетъ нотка мистицизма; быть можетъ, зерно мистицизма оплодотворилось бы въ Гоголѣ и дало плодъ, если бы не его грубое, упрощенное пониманіе „загробнаго величія“, таинства жизни и смерти, вообще всего христіанства. Невѣ-

жественный деревенскій попъ, догматикъ и раціоналистъ о. Матвѣй, такъ гибельно вліявшій на Гоголя, только безпощадно заглушилъ въ душѣ его тотъ ростокъ мистицизма, который при иныхъ условіяхъ могъ сдѣлать изъ Гоголя глубокаго мистика, а не того мрачнаго піетиста-ханжу, какимъ онъ оказался въ дѣйствительности. И тутъ мѣщанство было удѣломъ Гоголя...

Такъ трагически погибъ въ борьбѣ съ мѣщанствомъ его величайшій сатирикъ. „Неумолимымъ рѣзцомъ" онъ безпощадно поражалъ пошлость мѣщанства во всю первую половину своей дѣятельности, но эти громадныя побѣды надъ мѣщанствомъ самому ему казались слишкомъ мелочными, ему хотѣлось покончить борьбу однимъ ударомъ. Это привело прежде всего къ жалкому мѣщанству второго тома „Мертвыхъ душъ", а затѣмъ къ безпросвѣтному мѣщанству „Переписки", гдѣ Гоголь думалъ поразить наголову это же самое мѣщанство перомъ публициста или, какъ онъ самъ себя называетъ, вселенскаго учителя. Вмѣстѣ съ этимъ мѣщанство въ индивидуализмѣ, мѣщанство въ религіи—повсюду, къ чему только ни прикоснется Гоголь. Изъ безсознательнаго сатирика эпохи оффиціальнаго мѣщанства онъ сталъ сознательнымъ апологетомъ ея, и трагедія Гоголя въ томъ, что, погибая въ сѣтяхъ мѣщанства, онъ до конца жизни ненавидѣлъ его, углублялъ свою ненависть: быть можетъ, и религіозный переломъ Гоголя, его quasi-мистицизмъ былъ только слѣдствіемъ признанія нуменальнаго значенія за мѣщанствомъ жизни, этическимъ мѣщанствомъ...

Какъ бы то ни было, но, сломавъ свой „неумолимый рѣзецъ", оставшись безоружнымъ передъ мѣщанствомъ, Гоголь погибъ. Мѣщанство одержало новую и наиболѣе блестящую побѣду. Мы видѣли, что литературное мѣщанство было побѣждено безъ осо-

баго труда: Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ нанесли ему рядъ ошеломляющихъ ударовъ, отъ которыхъ оно не воскресло. Пришелъ реализмъ. Но вмѣстѣ съ нимъ и

Adventavit asinus
Pulcher et fortissimus,—

пришло въ русскую литературу и въ русскую жизнь могучее и сильное мѣщанство этическое. Въ борьбѣ съ этимъ мѣщанствомъ жизни погибли одинъ за другимъ Пушкинъ и Лермонтовъ, погибли, но не были побѣждены, погибли побѣдителями. Судьба Гоголя была неизмѣримо трагичнѣе: онъ погибъ побѣжденный, взятый въ плѣнъ этимъ этическимъ мѣщанствомъ, мѣщанствомъ жизни, съ которымъ онъ рѣзче всѣхъ боролся и въ жизни и въ литературѣ. Мѣщанство побѣдило, и написанныя въ эпоху гибели Гоголя произведенія Гончарова были ликующей пѣснью торжествующаго мѣщанства...

Гончаровъ.

I.

Гончаровъ—самое яркое воплощенiе духовнаго мѣщанства въ русской литературѣ. Безсознательный апологетъ эпохи оффицiальнаго мѣщанства, сознательный проповѣдникъ мѣщанскихъ идеаловъ, онъ въ трехъ своихъ романахъ далъ евангелiе мѣщанства, онъ закрѣпилъ и утвердилъ то, что Гоголь стремился разрушить. Онъ соединилъ въ себѣ острое оружiе отточеннаго реализма съ апологiей тупого мѣщанства, онъ изъ картоннаго гоголевскаго Костанжогло попробовалъ сдѣлать идеальнаго живого мѣщанина Штольца; и если онъ въ этомъ потерпѣлъ фiаско, то лишь потому, что пѣснь торжествующаго мѣщанства была въ то же время лебединой его пѣснью: пока Гоголь погибалъ, безоружный, въ неравной борьбѣ, русская интеллигенцiя 30-хъ и 40-хъ годовъ приступомъ взяла цитадель мѣщанства, подвела подкопъ подъ систему оффицiальнаго мѣщанства и громовой взрывъ шестидесятыхъ годовъ раздался какъ-разъ въ то время, когда Гончаровъ представилъ русскому обществу своего Штольца во образѣ идеала человѣка и мѣщанина...

Гончаровъ смѣло можетъ быть названъ проповѣдникомъ мѣщанскихъ идеаловъ, глашатаемъ мѣщанской морали, идеологомъ мѣщанства, несмотря на всю свою пресловутую „объективность“, а отчасти

и благодаря ей. Дѣйствительно, онъ относится ко всѣмъ своимъ героямъ „объективно“, т. е., по его же собственному толкованію, безпристрастно и безстрастно, sine ira [I, 66 [1]], но это, какъ увидимъ ниже, отнюдь не исключаетъ его ярко выраженной симпатіи ко всему мѣщанскому и не мѣшаетъ даже проводить свои чисто субъективные взгляды. Всѣ его излюбленные герои—Адуевъ, Штольцъ, Тушинъ—сугубые мѣщане; духомъ торжествующаго мѣщанства проникнуты насквозь всѣ произведенія Гончарова.

„Обыкновенная исторія“—первый романъ Гончарова—появилась на самомъ рубежѣ тяжелаго семилѣтія, въ началѣ террора системы оффиціальнаго мѣщанства, въ 1847 г. Гончарову было тогда уже подъ сорокъ лѣтъ; лучшіе годы своей жизни онъ прожилъ подъ ферулою убивающей личность системы, и, самъ того не сознавая, вполнѣ усвоилъ принципы и идеалы оффиціальнаго мѣщанства. Какъ писатель, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ острымъ оружіемъ реализма, онъ понялъ, что только владѣя этимъ оружіемъ, мѣщанство можетъ стать опаснымъ; болѣе того, въ своемъ романѣ онъ задался цѣлью осмѣять умирающій псевдо-романтизмъ, а свои мѣщанскіе идеалы выставить съ оружіемъ реализма въ рукахъ противъ осмѣянныхъ романтическихъ идеаловъ. Насколько ловко задуманнымъ и безупречно выполненнымъ оказался этотъ планъ, видно изъ того, что на удочку Гончарова попался даже Бѣлинскій. Въ ненависти противъ отмирающаго романтизма Бѣлинскій шелъ еще дальше Гончарова; но Бѣлинскій ненавидѣлъ въ псевдо-романтизмѣ его мѣщанство, а что могъ ненавидѣть въ немъ Гончаровъ? Онъ обратилъ вниманіе на тѣ черты племянника-Адуева, которыя вовсе не были характерны для романтика

[1]) Цитаты и ссылки по изданію 1899 г.

вообще—во всякомъ случаѣ для романтика 40-хъ годовъ; онъ забылъ, что со времени трагической кончины Владимира Ленскаго уже не мало воды утекло, и нарисовалъ фигуру сентиментальнаго романтика.

Передъ нами сентиментальный романтикъ, наивный, чуть глуповатый и не вылощенный: вѣдь онъ вскормленъ и воспитанъ глухой деревней, а не monsieur Abbè; въ первый періодъ своей жизни, до знакомства съ „безпощаднымъ анализомъ" дядюшки Адуева, онъ совершенно родственъ Владимиру Ленскому (ср. „Обыкн. Ист."; гл. I, гл. II и „Евг. Он."; гл. II, стр. VIII и сл.) Позднѣе онъ приближается къ Онѣгину и Печорину: послѣ исторіи съ Наденькой онъ начинаетъ „байронствовать", по выраженію его дяди; онъ разочарованъ, онъ презираетъ женщинъ, онъ не вѣритъ въ любовь и пр., и пр. Но этотъ „демонизмъ" въ немъ чисто внѣшній, для натуры Адуева-Ленскаго совершенно безпочвенный. Адуевъ перенимаетъ только внѣшніе пріемы (исторія съ Лизой): принимаетъ живописныя позы, устремляетъ въ даль грустно задумчивый взоръ, говоритъ, что время любви для него миновало... Кажется, еще двѣ-три черты и ему совершенно удастся закутаться въ тогу демонизма—но нѣтъ; время печоринства миновало безвозвратно, и въ этомъ случаѣ обмѣщанившійся Мефистофель дѣйствительно выглядываетъ изъ-за „безпощаднаго анализа" дяди Адуева: онъ совершенно вѣрно высмѣиваетъ въ племянникѣ обычную черту печоринства—ставитъ себя выше толпы, на что Адуевъ-Ленскій не имѣетъ ни права, ни основанія. Впрочемъ, это онъ и самъ сознаетъ, почему начинаетъ ненавидѣть не только людей, но и себя (II, 146), а это уже шагъ впередъ; еще одинъ шагъ—и изъ Адуева-младшаго, послѣ этого кризиса, могъ выработаться типичный человѣкъ 40-хъ годовъ,—

но на это у Гончарова не хватило связи съ общей жизнью историческаго момента, и онъ сдѣлалъ изъ племянника экземпляръ № 2 дяди Адуева. На придуманность окончанія указалъ еще Бѣлинскій, называя эпилогъ романа „неудачнымъ и испорченнымъ"; въ этомъ сказалось характерное для Гончарова непониманіе эпохи, неумѣніе вникнуть въ общественныя теченія и настроенія.

Но не въ племянникѣ-Адуевѣ главное дѣло; хотя онъ и занимаетъ первый планъ, но совершенно подавляется стоящей на второмъ планѣ фигурою дяди— положительнымъ типомъ романа. Племянникъ-Адуевъ съ первой же встрѣчи съ дядей выставленъ съ такой нелѣпой стороны, что, пожалуй, не трудно почувствовать симпатіи къ умному и „дѣловому" дядѣ. На эту удочку попался Бѣлинскій, въ своемъ негодованіи противъ романтизма не замѣтившій отталкивающаго мѣщанства всей фигуры Адуева-старшаго, котораго онъ находитъ „исполненнымъ ума и здраваго смысла".

II.

Дядя-Адуевъ дѣйствительно человѣкъ дѣловой: „надо дѣло дѣлать"—любимая его фраза (II, 8). Теперь эта фраза вызываетъ въ насъ улыбку, такъ какъ сейчасъ же приводитъ на память профессора изъ „Дяди Вани" Чехова,—эту „сухую воблу" и мѣщанина во профессорствѣ, съ той же фразой на устахъ. Конечно, быть можетъ, что смѣшное теперь было вполнѣ серьезнымъ болѣе полувѣка назадъ; по крайней мѣрѣ самъ Гончаровъ относится къ Адуеву-старшему весьма почтительно, его мѣщанскую банальщину онъ склоненъ считать безпощаднымъ анализомъ" (I, 166), въ то время какъ дядюшка

сплошь да рядомъ изрекаетъ то трюизмы, то мѣщанскую мораль. Съ точки зрѣнія Гончарова дядя Адуевъ является представителемъ труда и „живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ“ (это живое дѣло заключается въ фабрикѣ дяди-Адуева); въ немъ мы якобы имѣемъ „твердое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія“. Весьма почтенное сознаніе; но что мы видимъ на дѣлѣ? Передъ нами ясно и рельефно — какъ и всегда у Гончарова—вырисовывается чиновникъ, кулакъ и мѣщанинъ, считающій свой департаментъ и бумаги — истиннымъ дѣломъ, сѣкущій своихъ фабричныхъ и проповѣдующій плоскую мѣщанскую мораль. Это яркій представитель оффиціальнаго мѣщанства въ частной, домашней жизни. Основное его качество—безстрастіе, почти неизбѣжное слѣдствіе мѣщанской плоскости чувства; въ лицѣ его замѣчалась „сдержанность, т.-е. умѣнье владѣть собой“ (I, 120), и самъ онъ разсуждаетъ объ этомъ своемъ качествѣ съ настоящимъ самодовольствомъ мѣщанина: „велика фигура—человѣкъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! — изрекаетъ онъ:—мало ли какіе есть темпараменты? Восторги, экзальтація: тутъ человѣкъ всего менѣе похожъ на человѣка и хвастаться нечѣмъ. Надо спросить, умѣетъ ли онъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человѣкъ“...

Таковъ первый членъ его мѣщанскаго символа вѣры, который онъ излагаетъ, чтобы облить холодной водой „глупую восторженность“ племянника. Второй членъ этого символа вѣры—узкій и холодный мѣщанскій эгоизмъ; общеніе съ людьми онъ понимаетъ только какъ дѣловыя отношенія по службѣ: по вечерамъ—карты въ обществѣ солидныхъ людей, изрѣдка—дѣловой обѣдъ въ обществѣ непремѣнно почему-либо нужномъ: „что же даромъ-то кормить?“ Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ на жизнь и людей дядя-

Адуевъ одинокъ въ жизни: одиночество — частый спутникъ мѣщанскаго эгоизма. У Адуева-старшаго нѣтъ друзей, нѣтъ близкаго человѣка, онъ „никогда не сближался ни съ кѣмъ до такой степени, чтобы жалѣть“; по его мнѣнію, „надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому что до нихъ никому нѣтъ надобности“. Сухой и черствый, дядя-Адуевъ представляетъ изъ себя лучшій экземпляръ разновидности эгоиста-мѣщанина.

Взгляды этого мѣщанина на жизнь — самые чиновничьи, самые мѣщанскіе. Выше всего въ жизни онъ ставитъ, разумѣется, комфортъ (I, 150); жизнь для него — это деньги и служебное положеніе, „карьера и фортуна“, а кромѣ этого все остальное ничто — недаромъ съ его точки зрѣнія жизнь есть озеро, полное грязи и тины. И рѣшительно на все такой же мѣщанскій взглядъ: талантъ для него есть капиталъ, приносящій проценты; чѣмъ больше проценты, тѣмъ талантливѣе человѣкъ (I, 156); бѣдность — порокъ, вызывающій омерзѣніе: „ѣсть, говоритъ, нечего, — передразниваетъ онъ воображаемаго бѣдняка: — я говоритъ, женатъ, у меня, говоритъ, ужъ трое дѣтей, помогите, не могу прокормиться, я бѣденъ“, — и кладетъ свою резолюцію: „бѣденъ! какая мерзость!“ Въ случаѣ надобности дядюшка-Адуевъ готовъ пустить въ ходъ благородную мораль: „жениться по разсчету — это низко“, — но не преминетъ сейчасъ же добавить мораль мѣщанскую: „но жениться безъ разсчета — это глупо“. Такъ онъ и женится не по разсчету, но и не безъ разсчета; любовь для него — миѳъ, и недаромъ племянникъ говоритъ, что въ жилахъ дядюшки „течетъ молоко, а не кровь“. Жизнь для него ясна, размѣренна и опредѣленна; въ ней нѣтъ ни счастья, ни борьбы, ни волненій, а есть „просто жизнь, раздѣляющаяся поровну (замѣтьте себѣ, непремѣнно *поровну!* — тоже

характерный признакъ для размѣреннаго мѣщанина) на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и проч... на все это надо смотрѣть просто".

Довольно всего этого, чтобы составить себѣ полное понятіе объ Адуевѣ-старшемъ; пропустимъ даже то, что онъ своимъ мѣщанствомъ загубилъ свою жену: и безъ этого добавочнаго штриха передъ нами стоитъ во всей своей красѣ типичная фигура мѣщанина, мѣщанина съ головы до пятъ, мѣщанина до малѣйшихъ деталей внѣшней и внутренней жизни. „Это какая-то деревянная жизнь, — скажемъ мы вмѣстѣ съ романтикомъ Адуевымъ-младшимъ:—прозябаніе, а не жизнь! прозябать безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!"

Интересно отмѣтить, что въ эпилогѣ Гончаровъ также испортилъ фигуру дяди, какъ и племянника: изъ послѣдняго онъ не сумѣлъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія связи съ общей жизнью историческаго момента, сдѣлать типичнаго человѣка 40-хъ годовъ; перваго же онъ зачѣмъ-то счелъ нужнымъ въ концѣ романа смягчить, заставить хоть отчасти принести повинную въ своемъ мѣщанствѣ, въ своей деревянности. Дядя-Адуевъ на порогѣ полученія чина тайнаго совѣтника выходитъ въ отставку, собирается ѣхать въ Италію, и даже восклицаетъ: „полно жить этой деревянной жизнью!" Наконецъ-то сознался! Все это весьма утѣшительно и похвально, но, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно; уже поздно изъявлять желаніе „жить не одной головой"; поздно считать себя способнымъ къ жертвѣ — слишкомъ поздно, и хотя весьма добродѣтельно, но настолько же и маловѣроятно. Самый типъ теряетъ отъ этого въ выдержанности, такъ какъ въ читателѣ успѣваетъ уже слишкомъ прочно вкорениться впечатлѣніе безпросвѣтнаго

мѣщанства Петра Ивановича Адуева, перваго положительнаго типа Гончарова.

Познакомившись съ дядей-Адуевымъ, вы невольно вспоминаете, что когда-то встрѣчались съ нимъ уже и раньше, и не только съ однимъ Адуевымъ-старшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ его племянникомъ. Дѣйствительно, они существовали еще за пятьдесятъ лѣтъ до появленія „Обыкновенной Исторіи", и являлись тогда подъ именами Леонида и Эраста, „чувствительнаго и холоднаго"—изъ разсказа такого названія Карамзина. Вспомните этотъ разсказъ и мѣщанскую философію Леонида, который „стоялъ на томъ, что благоразумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ" („надо дѣло дѣлать", слышали мы отъ Адуева), который сыпалъ сентенціями совершенно во вкусѣ дяди-Адуева, въ родѣ: „служба есть у насъ вѣрнѣйшій путь къ уваженію, а чины ходячая монета", и т. п., который, наконецъ, женился совершенно какъ дядя-Адуевъ, „чтобы избавить себя отъ хозяйственныхъ хлопотъ: женщина нужна для порядка въ домѣ",—вспомните все это, и вы убѣдитесь, что еще сто лѣтъ тому назадъ (разсказъ Карамзина написанъ въ 1803 г.) и почти за полъ-вѣка до „Обыкновенной Исторіи" существовалъ точный прототипъ Петра Ивановича Адуева. Отсюда слѣдуетъ, что Адуевъ-старшій не есть всецѣло результатъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства; такіе типы существовали и раньше, хотя, конечно, эпоха оффиціальнаго мѣщанства создала удобную почву для пышнаго расцвѣта сотенъ и тысячъ такихъ Адуевыхъ. Но вотъ что создала эпоха оффиціальнаго мѣщанства: она создала возможность считать такого Адуева положительнымъ типомъ, въ чемъ былъ твердо убѣжденъ Гончаровъ, въ чемъ повиненъ даже Бѣлинскій (впрочемъ только по ошибкѣ).

При всей пошлости и плоскости Адуева-старшаго

типъ этотъ однако весьма широко захваченъ; если его имя не сдѣлалось такимъ же нарицательнымъ, какъ имя Обломова, то только потому, что на свою лѣнь и бездѣятельность мы уже давно обратили вниманіе, а на свое мѣщанство—весьма и весьма недавно. А между тѣмъ, какъ типъ, Адуевъ-старшій нисколько не уступаетъ въ общности Обломову, и вполнѣ заслуживалъ бы новаго словообразованія *«адуевщина»*, какъ символа сухого и плоскаго мѣщанства эпохи величія бюрократіи и мундира, подобно тому какъ «обломовщина» является синонимомъ апатіи, бездѣятельности и вообще растительной жизни. Эта апатія, эта пассивность и растительная жизнь—тоже особая разновидность мѣщанства; Гончаровъ коснулся ихъ въ своемъ второмъ романѣ.

III.

«Обломовъ» появился въ 1858 г., но время его написанія—именно эпоха 1848—1855 г.; въ этомъ романѣ для насъ интересны два типа, изъ которыхъ опять одинъ якобы отрицательный, другой положительный; мы поговоримъ о нихъ ниже, а пока укажемъ на сильное, если не потрясающее, впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ. Русское общество только-что начинало пробуждаться отъ тяжелаго кошмара эпохи оффиціальнаго мѣщанства, когда предъ нимъ нарисовали ярко и рельефно фигуру Обломова, находящагося въ хронической спячкѣ. Широта захвата и общность типа была такъ велика, что каждый россійскій гражданинъ, особенно умѣренно-либеральнаго оттѣнка на дѣлѣ, хотя и безпощадный радикалъ на словахъ, могъ признать свои основныя черты въ этомъ типѣ; почти все русское «культурное» общество, за очень немногими исключеніями,

сознало свое родство съ Обломовымъ; типъ этотъ сталъ символическимъ, Обломовка превратилась въ Россію. Все это сейчасъ же отмѣтилъ Добролюбовъ въ своей знаменитой статьѣ «Что такое обломовщина»? (1859 г.).

Съ того времени прошло болѣе полу-вѣка и мы теперь въ состояніи отнестись менѣе экспансиво и болѣе безпристрастно къ Обломову и обломовщинѣ— издали виднѣе. И прежде всего надо спросить себя: законно ли расширеніе границъ Обломовки до предѣловъ Россіи? Дѣйствительно, аналогія очень соблазнительная! Представьте себѣ страну, въ которой «правильно и невозмутимо совершается годовой кругъ», въ которой «все тихо, все сонно», «ни страшныхъ бурь, ни разрушеній не слыхать въ томъ краю», и даже грозы бываютъ точно по календарю: «и число, и сила ударовъ, кажется, всякій годъ одни и тѣ же, точно какъ будто изъ казны отпускалась на годъ на весь край извѣстная мѣра электричества»... Все это очень похоже на Россію, мирно прозябающую въ до-севастопольскомъ снѣ, видимо благоденствующую, но разъѣдаемую скрытымъ недугомъ системы оффиціальнаго мѣщанства. Но все-таки Обломовка—не вся Россія; слишкомъ узкими штрихами обрисована Обломовка, только на одну сторону вопроса обратилъ вниманіе Гончаровъ.

То же самое можно сказать и про Обломова, которому Добролюбовъ придалъ слишкомъ широкое значеніе. Дѣйствительно, что такое Обломовъ? Его можно охарактеризовать двумя словами: растительная жизнь. Это первый этапъ на пути мѣщанства, но далеко еще не все мѣщанство въ своей полнотѣ. Въ немъ соединено много мѣщанскихъ чертъ съ чертами мало свойственными мѣщанству. Основная мѣщанская черта растительной жизни Обломова—пассивность, переходящая въ апатію: трудно и скучно даже двигаться,

ходить; естественное, нормальное состояніе Обломова—леженье. Эта же пассивность переходитъ и въ безстрастіе Обломова, не чиновничье безстрастіе Адуева-старшаго, но безстрастіе растительной жизни: никакихъ страстей, никакихъ волненій; когда любовь нарушаетъ такой мирный образъ жизни, то Обломовъ можетъ только воскликнуть: «Господи! Зачѣмъ она любитъ меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились?.. И что это за жизнь, все волненія да тревоги!» Идеалъ этой растительной жизни—мирное житіе, сытость и бездѣлье: «жилъ бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ» («Обыкн. Ист.»; I, 100); прожить по этой трафареткѣ—значитъ исполнить свое назначеніе.

Эта трафаретность, эта инертность и пассивность характеризуютъ полную безличность растительной жизни, какъ перваго этапа мѣщанства; слабѣе выражены (однако выражены) плоскость чувства и узость ума. Кромѣ того въ Обломовѣ иногда просыпается сознаніе, что уже совершенно недоступно чиновнику Адуеву; но какъ-разъ въ этомъ и все горе Обломова. Горе это онъ заглушаетъ «жалкими словами», которыя онъ такой мастеръ говорить, но это ему не всегда удается: въ немъ тщетно что-то пробивается изъ-подъ коры растительной жизни, и если горе его не отъ ума, то оно, конечно, отъ сознанія. Отъ мѣщанства Обломова отдѣляетъ кромѣ того широта размаха помѣщичьей жизни. «Помѣщичья распущенность, признаться сказать, намъ по душѣ,—отмѣчаетъ обще-русскую черту Герценъ:—въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада» («Былое и Думы»). «Нашей душѣ несвойственна эта среда,—еще ранѣе говорилъ Герценъ въ своемъ романѣ «Кто виноватъ», о той же мѣщанской средѣ Запада:—она не можетъ утолять

жажды такимъ жиденькимъ винцомъ: она или гораздо выше этой жизни, или гораздо ниже—но въ обоихъ случаяхъ шире". Все это отъ слова и до слова примѣнимо къ Обломову.

Итакъ, Обломовъ стоитъ на рубежѣ между растительностью и мѣщанствомъ; за это и казнитъ его умѣренный и аккуратный авторъ, постоянно допекая его своимъ Штольцемъ, какъ лучшимъ образцомъ добродѣтельнаго мѣщанства. Чтобы окончить съ Обломовымъ, отмѣтимъ еще, что Добролюбовъ захотѣлъ увидѣть въ немъ типичнаго представителя лишнихъ людей, находя въ немъ печоринскій и рудинскій элементы и безплодное стремленіе къ дѣятельности. Добролюбовъ правъ только отчасти, и совершенно неправъ въ своемъ смѣшеніи мѣщанъ и лишнихъ людей. Дѣйствительно, и лишніе люди и мѣщане имѣютъ много общихъ чертъ, но мы увидимъ также, что они имѣютъ не менѣе ясныя раздѣлительныя черты. Обломову до лишнихъ людей какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ стоитъ на рубежѣ растительной жизни и мѣщанства; если бы ему удалось благополучно перейти этотъ первый этапъ, то всѣ его шансы къ тому, чтобы стать полнымъ и образцовымъ мѣщаниномъ, положительнымъ типомъ Гончарова, уменьшенной копіей добродѣтельнаго героя Штольца. Интересно, что Гончаровъ относится къ Обломову двойственно: насколько Обломовъ еще не успѣлъ сдѣлаться мѣщаниномъ, настолько авторъ относится къ нему отрицательно, вполнѣ презирая его растительную жизнь; насколько Обломовъ мѣщанинъ, настолько симпатизируетъ ему Гончаровъ, въ которомъ многіе (и самъ онъ) не безъ основанія отмѣчали обломовскія черты (см. IV, 262 и сл.; V, 65 и 81 и т. п.). Къ Штольцу же Гончаровъ относится съ совершеннымъ почтеніемъ; въ этомъ лицѣ онъ полнѣе всего выразилъ свои симпатіи и идеалы.

IV.

Штольцъ—отчасти продолженіе, отчасти переработка и дополненіе нашего знакомаго—дяди-Адуева; Штольцъ—вѣрный и истинный сынъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства; на немъ легче всего прослѣдить, какъ кроила людей по своему шаблону эта убивающая личность эпоха. Передъ нами—ни холодный, ни горячій, ровный, средній человѣкъ; умѣренность и аккуратность ему такъ же свойственны, какъ вывѣренному хронометру; онъ въ мѣру либераленъ, въ мѣру консервативенъ; онъ человѣкъ дѣловой, также какъ и его старшій родственникъ Петръ Ивановичъ Адуевъ. Впрочемъ, мы предоставимъ характеризовать Штольца самому Гончарову,

Для Гончарова Штольцъ—«представитель труда, знанія, энергіи—словомъ, силы», также какъ и Адуевъ-старшій былъ представителемъ «живого дѣла». Подобно Адуеву, Штольцъ сдержанъ, размѣренъ и точенъ, какъ часовой механизмъ: «движеній лишнихъ у него не было. Если онъ сидѣлъ, то сидѣлъ покойно, если же дѣйствовалъ, то употреблялъ столько мимики, сколько было нужно» (!); внутренній его міръ построенъ по такому же образцу: «кажется, и печалями и радостями онъ управлялъ, какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ». Стремленіе эпохи оффиціальнаго мѣщанства обратить всѣхъ гражданъ въ механизмы достигло въ Штольцѣ самыхъ блистательныхъ результатовъ.

Мѣщанскіе идеалы Штольца недалеко ушли отъ растительныхъ идеаловъ Обломова; по мнѣнію Штольца—«нормальное назначеніе человѣка прожить четыре времени года, т.-е. четыре возраста, безъ скачковъ, и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно...

Ровное и медленное горѣніе огня лучше бурныхъ пожаровъ, какая бы поэзія ни пылала въ нихъ». Само собою разумѣется, что такая точка зрѣнія на жизнь не оставляетъ мѣста мучительнымъ сомнѣніямъ, болѣзненнымъ надрывамъ: все такъ ясно, понятно, потому что все такъ узко и плоско. „Не видали, чтобы онъ (Штольцъ) задумывался надъ чѣмъ-нибудь болѣзненно и мучительно»—конечно нѣтъ, такъ какъ для мѣщанина въ его аккуратно размѣренной жизненной программѣ нѣтъ мѣста для мучительныхъ запросовъ; такой мѣщанинъ—и Штольцъ первый изъ нихъ—не столько человѣкъ, сколько приходо-расходная книга; онъ и физически и нравственно живетъ по бюджету, „стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ, никогда недремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца»; это какая-то ходячая двойная бухгалтерія, подводящая балансъ и стремящаяся къ «равновѣсію практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа». Не удивляйтесь: у мѣщанина могутъ быть тонкія потребности духа. Послѣ хорошаго обѣда мѣщанинъ любитъ послушать хорошую музыку; иногда онъ цѣнитель стараго фарфора, картинъ, иногда онъ нумизматъ—но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ. Вотъ вѣдь и дядюшка Адуевъ «знаетъ наизусть не одного Пушкина... любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ», что не мѣшаетъ однако ему быть мѣщаниномъ съ головы до пятъ.

До сихъ поръ мы видѣли, что Штольцъ является какъ бы вторымъ обновленнымъ, дополненнымъ и усовершенствованнымъ изданіемъ Петра Ивановича Адуева, но, конечно, между ними есть и существенная разница. Вѣдь какъ-никакъ, а между ними лежитъ болѣе десятилѣтія, и мѣщанство Штольца поневолѣ пріобрѣло новый болѣе современный оттѣ-

нокъ. Прежде всего Штольцъ гораздо отполированнѣе своего собрата по мѣщанству, гораздо „благовоспитаннѣе“, гораздо сдержаннѣе нѣсколько грубоватаго дядюшки; какъ онъ мѣщански сдержанъ даже въ тотъ моментъ, когда всякій другой на его мѣстѣ вѣроятно хоть нѣсколько вышелъ бы изъ нормы! Штольцъ объясняется въ любви Ольгѣ: какъ комично вмѣсто „ангелъ мой“ говоритъ онъ любимой дѣвушкѣ „ангелъ — позвольте сказать — мой“! Конечно, это мелочь, но какъ великолѣпно эта мелочь характеризуетъ излюбленнаго гончаровскаго героя! Даже у дядюшки Адуева мы не найдемъ такого перла умѣренности и сдержанности. Но разница между мѣщанствомъ Штольца и Адуева идетъ и дальше: Штольцъ — прогрессистъ, Штольцъ — либералъ, конечно, въ мѣру; онъ уже не сѣчетъ своихъ фабричныхъ, а разсуждаетъ на ту тему, что-де для народа весьма полезна грамотность, ибо грамотный мужикъ будетъ читать о томъ, какъ пахать — конечно, помѣщику еще и выгода! И только?—и только... Но какъ бы ни были узки воззрѣнія Штольца, онъ все-таки гораздо лучше вооруженъ, чѣмъ Адуевъ; у него взглядъ зорче, смотритъ онъ дальше. Онъ задается даже вопросомъ о цѣли своей жизни, о цѣли жизни вообще; онъ твердо знаетъ, что жить надо „для самаго труда, больше ни для чего. Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни“. Трудъ какъ цѣль жизни—это, конечно, полная антитеза Обломову съ его лежачими, растительными идеалами; но какое безпросвѣтное духовное мѣщанство заключено въ идеалахъ Штольца! Впослѣдствіи и у Чехова, и у Горькаго встрѣтится эта же самая мысль („Три сестры“ и „Ѳома Гордѣевъ“), что въ работѣ, въ трудѣ — смыслъ человѣческой жизни; но у Чехова его страдающіе страхомъ жизни герои хватаются за трудъ только какъ за анестези-

рующее средство, а у Горькаго въ концѣ концовъ рѣшительно осуждается мысль, что трудъ можетъ быть цѣлью жизни: „это невѣрно, что въ трудахъ оправданіе!“ У Штольца же ни на одну секунду не является раздумья, что трудъ можетъ быть только средствомъ, что трудъ является только формой въ которую можетъ быть втиснуто любое содержаніе.

Итакъ, отъ Адуева къ Штольцу мѣщанство подверглось эволюціи: изъ консервативно-чиновничьяго, безхитростно-эгоистичнаго, практическаго, оно стало превращаться въ теоретическое, умѣренно-гуманное и либеральное; въ немъ больше сознанія, оно нѣсколько шире по формамъ, сохраняя прежнее содержаніе. Точно воздушный шаръ поднялся нѣсколько выше: газъ расширился, оставаясь въ прежней массѣ, хотя и сталъ рѣже, проницаемѣе. И мѣщанство Штольца стало гораздо проницаемѣе для вѣяній времени, сравнительно съ тупымъ, деревяннымъ мѣщанствомъ чиновника-фабриканта. Но ни проницаемость эта, ни ростъ сознанія не могли довести Штольца до тѣхъ границъ, до тѣхъ вопросовъ, съ которыхъ начинается разложеніе духовнаго мѣщанства „Проклятые вопросы“ отскакиваютъ отъ него какъ горохъ отъ стѣны, а когда жизнь погружаетъ его въ нихъ съ головой, то они стекаютъ съ него, какъ съ гуся вода, и онъ выходитъ изъ нихъ попрежнему сухимъ мѣщаниномъ.

Вотъ характерный случай. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливаго прозябанія со Штольцемъ, жена его, Ольга, начинаетъ скучать: „вдругъ какъ будто найдетъ на меня что-нибудь, какая-то хандра,— жалуется она мужу:—мнѣ жизнь покажется... какъ будто не все въ ней есть“. Ольга сама не понимаетъ, что это съ нею творится, а Гончаровъ, конечно, не позволяетъ ей догадаться, что хандра ея есть неизбѣжная реакція живого человѣка противъ мертвя-

щей суши духовнаго мѣщанства, что дѣйствительно (а не „какъ будто“) въ ея жизни „не все есть“, что она жила все время жалкой, половинной жизнью. Но теперь съ ея глазъ спадаетъ завѣса; она смотритъ на свою жизнь, вспоминаетъ прошлое, заглядываетъ въ будущее—и съ ужасомъ спрашиваетъ сама себя: „что же это? ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все... все...“ Ольга задыхается въ болотѣ духовнаго мѣщанства. Неужели вся ея жизнь пройдетъ въ этой затхлой атмосферѣ умѣренности и размѣренности, какъ-разъ въ то время, когда отмираетъ система оффиціальнаго мѣщанства, когда новая жизнь закипаетъ вокругъ? А все это пройдетъ мимо нея: добродѣтельнаго мѣщанина Штольца величайшія соціальныя движенія могутъ занимать только теоретически; онъ не прочь поговорить о нихъ въ свободную минуту, развить теорію постепеновства, утѣшить Ольгу чѣмъ-нибудь въ родѣ замѣчательнаго изреченія самого Гончарова, что, молъ, „крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно“... Удовлетворится ли Ольга этой противорѣчащей всякой логикѣ теоріей о *постепенности крутыхъ* поворотовъ (!)? Во всякомъ случаѣ сама Ольга стоитъ еще на точкѣ поворота; она еще стыдится своихъ недоумѣній и вопросовъ: „что-жъ это... счастье... вся жизнь...—говоритъ она:—всѣ эти радости, горе... природа... все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна“...

Что же можетъ отвѣтить на все это мѣщанинъ Штольцъ? Отвѣтъ его можно предвидѣть заранѣе; это тотъ самый отвѣтъ, который мѣщанство всегда давало на всѣ „проклятые вопросы“ жизни: оно зажимало уши, закрывало глаза и старалось увѣрить

себя, что лишь слѣпые, глухіе и безумные могутъ сомнѣваться въ томъ, что въ мѣщанской жизни все обстоитъ благополучно. Поэтому прежде всего Ольгѣ... надо полечиться: „кажется, надо опять купаться въ морѣ .. Можетъ быть, въ тебѣ проговаривается еще нервическое разстройство: тогда докторъ, а не я, рѣшитъ что съ тобой"... Если же купаніе въ морѣ не разрѣшитъ „проклятыхъ вопросовъ", то единственное спасеніе — сдаться имъ на капитуляцію: „мы не Титаны съ тобой, — говоритъ Штольцъ Ольгѣ,—мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы"...

Таково специфически мѣщанское разрѣшеніе проклятыхъ вопросовъ; и такимъ разрѣшеніемъ характеристика духовнаго мѣщанина получаетъ послѣднюю черту, послѣдній ударъ рѣзца. Здѣсь пѣснь торжествующаго мѣщанства звучитъ fortissime, упраздняя навѣкъ всѣ запросы, лежащіе за кругозоромъ мѣщанства, фиксируя какъ необходимое всѣ мѣщанскіе идеалы, всѣ воззрѣнія мѣщанства на жизнь и на человѣка. Въ типѣ Штольца Гончаровъ достигъ высшей точки мѣщанства и тѣмъ рельефнѣе оттѣнилъ мѣщанство своего героя, чѣмъ болѣе желалъ нарисовать типъ положительный; это желаніе привело къ безжизненности типа, къ тому, что изъ-за него (по собственному признанію Гончарова) „слишкомъ голо выглядываетъ идея", идея превознести и препрославить духовное мѣщанство, сдѣлать его единственно возможной идеологіей достойнаго и добродѣтельнаго человѣка... Но на этомъ fortissime пѣсни торжествующаго мѣщанства голосъ Гончарова сорвался.

Надо замѣтить, что Штольцъ является внѣшне однимъ изъ наименѣе антипатичныхъ героевъ мѣщанства, —по крайней мѣрѣ Гончаровъ сдѣлалъ все

возможное для того, чтобы пріукрасить своего любимца. Онъ далъ ему, или по крайней мѣрѣ пытался дать, нѣкоторыя свойства и качества несомнѣнно положительныя, напримѣръ, силу, энергію, активность,—но эти качества направлены Штольцемъ на узкую и однобокую цѣль: онъ можетъ учетверить свои капиталы, повысить втрое доходность имѣнія, настойчиво стремиться къ знанію—такъ какъ знаніе дастъ ему деньги и комфортъ. Всѣми этими качествами обладалъ въ еще большей степени Алексѣй Степанычъ Молчалинъ; изъ одного этого примѣра можно было бы убѣдиться, что положительныя качества, направленныя на отрицательную цѣль, приводятъ человѣка къ весьма плачевнымъ результатамъ. Мѣщанскіе идеалы Штольца заглушили собой возможныя положительныя стороны его характера; внѣ своей мѣщанской цѣли Штольцъ пассивенъ и безсиленъ; это нагляднѣе всего проявилось въ эпизодѣ съ Ольгой: Штольцъ предлагаетъ ей смириться передъ жизнью, сознать свое безсиліе, „мы не Титаны“... Но вѣдь и не нужно быть титаномъ для борьбы съ житейской пошлостью, достаточно только не быть мѣщаниномъ. Этого не можетъ понять alter ego Гончарова, Штольцъ; эпоха оффиціальнаго мѣщанства воспитала его въ своихъ узкихъ рамкахъ, и онъ теперь передъ жизнью способенъ только „не разсуждать — повиноваться“. Передъ нами необходимое слѣдствіе и очевидный результатъ угнетавшей личность эпохи — эпохи оффиціальнаго мѣщанства второй четверти XIX-го вѣка.

V.

Въ Адуевѣ и Штольцѣ ясно выразилось, какихъ размѣровъ достигло мѣщанство въ русской лите-

ратурѣ эпохи 1825—1855 гг. Мы могли бы ими покончить наше знакомство съ мѣщанскими типами романовъ Гончарова; но есть еще одинъ типъ въ послѣднемъ романѣ Гончарова, въ „Обрывѣ“. Романъ этотъ появился въ 1869 г., но писался въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ; мы скажемъ только два слова объ общемъ фонѣ романа и о типѣ мѣщанина, нисходящаго родственника Адуевыхъ и Штольцевъ.

На общемъ фонѣ романа выдѣляются интересныя фигуры бабушки, Мароиньки, Козлова, Крицкой; вся жизнь провинціальнаго города служитъ этимъ фономъ. Здѣсь все та же растительная жизнь, что и у обломовцевъ. Бабушка также любитъ задать пиръ горой, также довольствуется „жизненной мудростью“, точно купленной на вѣсъ; однако отъ обломовцевъ бабушка отличается своей дѣятельностью: она весь день въ работѣ; она не терпитъ „лежебокъ“. Она согласна съ Адуевымъ и со Штольцемъ, что „надо дѣло дѣлать“ и что „трудъ — цѣль жизни“; вѣдь она сама „вѣкъ свой дѣлала дѣло, и если не было, такъ выдумывала его“.

Въ лицѣ бабушки мы имѣемъ постепенный переходъ отъ растительной жизни къ мѣщанству; въ этомъ отношеніи она стоитъ между Обломовымъ и Штольцемъ, являясь какъ бы „среднимъ пропорціональнымъ“ между ними.

Не въ бабушкѣ теперь, впрочемъ, дѣло; интереснѣе отмѣтить, какъ все, къ чему ни прикасается Гончаровъ, немедленно принимаетъ окраску самаго сугубаго мѣщанства. Такъ, напримѣръ, даже изъ типа ужаснаго нигилиста Марка Волохова, долженствовавшаго по замыслу автора служить нравоучительнымъ примѣромъ, къ какимъ пагубнымъ результатамъ приводитъ протестъ противъ мѣщанства, даже изъ этого типа Гончаровъ ухитрился сдѣлать чистокровнаго мѣщанина. Нашъ умѣренный и аккуратный

авторъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы нарисовать по закону контраста съ благоприличнымъ мѣщанствомъ діаметрально противоположный типъ нигилиста; и чѣмъ невѣроятнѣе и комичнѣе вышелъ послѣдній типъ, тѣмъ яснѣе мѣщанскія потуги добродѣтельнаго автора. Онъ заставляетъ своего Волохова закуривать сигары вырваннымъ изъ книги листомъ, прыгать по принципу черезъ заборы и въ окна, когда свободенъ проходъ въ ворота и дверь: этимъ выражается его свобода отъ „правилъ“ и „долга“, столь любезныхъ мѣщанскому сердцу Гончарова. Онъ не сообразилъ, что его ужасный нигилистъ вышелъ такимъ же узкимъ мѣщаниномъ, какъ и самые мѣщанскіе его герои, ибо развѣ это по существу не узкая мѣщанская мораль, по которой порядочный человѣкъ только тотъ, кто лазитъ черезъ заборы? Перефразируя слова Герцена, можно сказать, что отрицаніе шаблона во что бы то ни стало—тоже шаблонъ своего рода. Правда, Волоховъ не до конца отрицаетъ шаблонъ, ибо какъ-разъ конецъ-то его самый шаблонный: ужасный нигилистъ вдругъ проникается раскаяніемъ и просится на Кавказъ въ юнкера! Въ этомъ неожиданномъ пассажѣ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отразилось все безсиліе мѣщанина автора построить типъ не мѣщанскій: не съ того, такъ съ другого конца у него все-таки получится мѣщанинъ...

Волоховъ — бука, назначеніе котораго пугать всѣхъ добродѣтельныхъ мѣщанъ; на лбу у него роковыя слова; вотъ до чего можетъ довести отрицаніе духовнаго мѣщанства!

Смотрите,—вотъ примѣръ для васъ:
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами!..

Полная противоположность ему—Тушинъ, пай-дитюшо, съ котораго всѣ могутъ брать примѣръ. Подобно Петру Ивановичу Адуеву и Андрею Ивано-

вичу Штольцу (почему-то всѣ излюбленные мѣщанскіе герои Гончарова непремѣнно шаблонные „Ивановичи“), Иванъ Ивановичъ Тушинъ тоже „дѣловой человѣкъ“, человѣкъ „новаго дѣла“ (X, 275; I, 74—75). Въ чемъ это новое дѣло, Гончаровъ не объясняетъ, но не трудно видѣть, что это новое дѣло—очень старое дѣло, которымъ занимались и Адуевъ, и Штольцъ. „Тушинъ давно уже хозяйничаетъ у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости“—ужъ очень это не ново; это возводитъ насъ черезъ Штольца къ Костанжогло, у котораго вѣдь тоже можно научиться „мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣтать имущество не мечтательное, а существенное“... Другое новое дѣло Тушина заключается въ томъ, что онъ завелъ въ своемъ имѣніи „что-то въ родѣ исправительной полиціи (!) для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ“; это тоже очень старо, такъ какъ роднитъ Тушина съ Гоголевскимъ полковникомъ Кошкаревымъ, который тоже учредилъ въ своемъ имѣніи „Комитетъ сельскихъ дѣлъ“. Во всемъ остальномъ Тушинъ тотъ же Штольцъ подъ нѣсколько инымъ соусомъ, это „то же—иначе“ приготовленное. Въ немъ мы опять встрѣчаемся „съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ“, находимъ „ненарушимую правильность взгляда“, видимъ „равновѣсіе силы ума съ суммой тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли“; мы узнаемъ, что въ Тушинѣ кроется „безсознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности“, что въ немъ „ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ“. Однимъ словомъ—плоскость совершеннѣйшая. И когда мы слышимъ, что Тушинъ „былъ „человѣкъ“, какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и про-

ницательная Вѣра“, то невольно думаемъ, что умная и проницательная Вѣра сама была полу-мѣщанкой (это тоже можно было бы безъ труда доказать), и что только потому она могла дать широкое, всеобъемлющее званіе „человѣка“ par excellence плоскому духовному мѣщанину, жалкой помѣси Костанжогло, Кошкарева и Штольца.

Адуевъ, Штольцъ, Тушинъ—это заключительное трезвучіе пѣсни торжествующаго мѣщанства. И что это былъ бы за ужасъ, если бы Гончаровъ оказался правъ, если бы въ Штольцахъ и Тушиныхъ лежала вся будущность Россіи! (X, 275).

Мы познакомились теперь съ главными героями-мѣщанами Гончарова и надѣемся избѣжать упрека въ замалчиваніи психологической стороны развитія этихъ типовъ; дѣйствительно, насъ интересуютъ только общія причины расцвѣта мѣщанства въ русской литературѣ, и мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ тотъ, напримѣръ, фактъ, что самъ Гончаровъ отчасти объясняетъ нѣкоторыя съ нашей точки зрѣнія мѣщанскія черты и свойства Штольца его воспитаніемъ и условіями его жизни. На эту частность мы не обращаемъ вниманія; мы ясно видимъ, что здѣсь дѣло вовсе не въ Штольцѣ, а въ самомъ Гончаровѣ: мѣщанинъ-авторъ воплощалъ въ своихъ типахъ свои мѣщанскіе идеалы, въ свою очередь явившіеся слѣдствіемъ системы и эпохи оффиціальнаго мѣщанства.

Постараемся избѣжать довольно частой ошибки—смѣшиванія автора съ типами его произведеній, яркимъ примѣромъ чего было въ свое время отношеніе Писарева къ Евгенію Онѣгину и къ Пушкину. Имѣемъ ли мы право говорить о мѣщанствѣ Гончарова? Дѣйствительно ли онъ является проповѣдникомъ мѣщанскихъ идеаловъ, дѣйствительно ли въ Адуевѣ, Штольцѣ и Тушинѣ воплощены его взгляды,

его стремленія? Чтобы выяснить все это, обратимся теперь уже не къ героямъ Гончарова, а непосредственно къ нему самому; у насъ вѣдь есть такой богатый матеріалъ, какъ его дневникъ-письма 1852—1854 гг., вышедшія подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“ и веденныя въ продолженіе почти трехлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія. Интересно посмотрѣть на человѣка въ такой мало обычной для него обстановкѣ: чего же отъ него ждать, если онъ и здѣсь окажется мѣщаниномъ? А Гончаровъ оказывается таковымъ и въ этомъ экстраординарномъ случаѣ!

VI.

Представьте себѣ, что чиновникъ Адуевъ былъ бы посланъ въ кругосвѣтное путешествіе по казенной надобности; посадите его на „Фрегатъ Палладу“, давайте ему литературный талантъ Гончарова—и вы получите ту „адуевщину“, которая сказалась въ письмахъ и дневникѣ нашего автора. Васъ не удивитъ тогда, что Гончаровъ-Адуевъ задачей прогресса считаетъ комфортъ и глубокомысленно замѣчаетъ: „вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза“ (V, 345; ср. I, 150); задача цивилизаціи—„вогнать“ ананасъ на сѣверѣ въ пятакъ, и въ этомъ отношеніи „прогрессъ сдѣлалъ уже много побѣдъ“. Комфортъ—богъ Адуева: пріѣхавъ на почти необитаемые острова Бонинъ-Сима, Адуевъ не хочетъ съѣзжать на берегъ—ибо какъ тамъ обѣдать? вѣдь тамъ ни стульевъ, ни столовъ!“ Отношеніе Адуева къ природѣ не трудно предугадать заранѣе: очевидно, что Адуевъ не обладаетъ ни единой каплей чувства единенія съ природой, лиризмъ у него отсутствуетъ совершинно: недаромъ за три года путешествія и плаванія по казенной надобности вы найдете у него всего три-четыре десятка страницъ, посвященныхъ описанію природы.

Согласитесь, что это очень характерно. Человѣкъ

поѣхалъ вокругъ свѣта, но природа его мало интересуетъ: вѣдь въ природѣ царитъ такой безпорядокъ! То ли дѣло, напримѣръ, зайти въ Ботаническій садъ гдѣ-нибудь въ Африкѣ, въ Капштадтѣ и сразу осмотрѣть все разсаженное въ порядкѣ: „что за наслажденіе этотъ садъ!..—восхищается Адуевъ:—все разсажено въ порядкѣ, посемейно"... Или вотъ, напримѣръ, тропическій лѣсъ въ Анжерѣ: „тутъ пальмы, какъ по обдуманному плану перемѣшаны съ кустами... какая оригинальная красота! Она (пальма) граціозно наклонилась; листья, какъ длинные, правильными рядами расчесанные волосы... Все кажется убрано заботливою рукою человѣка"... Правда, тутъ же Адуеву захотѣлось и „поэтическаго безпорядка", т.-е. опять-таки безпорядка правильнаго и прилизаннаго. И повсюду все размѣренное, аккуратное, подведенное подъ одинъ шаблонъ радуетъ сердце чиновника эпохи оффиціальнаго мѣщанства: то онъ обращаетъ свое вниманіе на дерево, которое „точно щеголевато острижено", то любуется садомъ, въ которомъ растенія расположены „какъ картины въ галлереѣ", то съ любовью описываетъ, какъ „дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ" и т. п., и т. п. Конечно, все это можетъ быть красивымъ, но находить красоту *только* въ этомъ одномъ—въ высокой степени характерно для Адуева-Гончарова.

Быть можетъ, однако, еще характернѣе его отношеніе къ морю, къ этой капризной стихіи, которую никакъ не втиснешь въ границы умѣренности и аккуратности; деревья можно хоть щеголевато подстричь или разсадить какъ картины въ галлереѣ, на радость мѣщанскому сердцу, а съ моремъ этого не сдѣлаешь... Нашъ чиновникъ, плавающій по казенной надобности, относится къ морю весьма благодушно, даже съ любовью, если море тихо, если

правильная, размѣренная зыбь чуть колышетъ корабль; но лишь только начинается хотя бы небольшое волненіе, Адуевъ приходитъ въ скверное настроеніе духа и видитъ вокругъ себя только „уродливые бугры съ пѣной и брызгами“. Въ Индійскомъ океанѣ „Фрегатъ Палладу“ встрѣтилъ такой штормъ, котораго Адуевъ еще ни разу не видалъ; однако онъ спокойно сидѣлъ на своемъ комфортабельномъ, уютномъ и тепломъ мѣстѣ въ каютѣ и не шелъ на палубу. „Штормъ былъ классическій, во всей формѣ,— повѣствуетъ Адуевъ:—въ теченіе вечера приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его; но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи“... Наконецъ нашего мѣщанина чуть не силою вытащили на палубу. „Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.— Какова картина?—спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ. —Безобразіе, безпорядокъ!— отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и бѣлье“. Что сказать послѣ этого? Въ добрыя старые времена примѣромъ „высокаго“, „du sublime“ считалось знаменитое „qu'il mourût!“ отца трехъ Горацiевъ; но это адуевско-гончаровское „безобразіе, безпорядокъ!“ не съ равнымъ ли правомъ можетъ считаться примѣромъ „sublime“ въ мѣщанствѣ? „Выше“ этого мѣщанство никогда ничего не создавало...

Я не путешествовалъ, я плавалъ «по казенной надобности»,—сознался впослѣдствіи, «черезъ двадцать лѣтъ» самъ Гончаровъ, и никогда въ жизни онъ не сказалъ ничего болѣе справедливаго. Своимъ дневникомъ и письмами изъ путешествія онъ доказалъ, что между нимъ и его мѣщанскими героями можно съ увѣренностью поставить знакъ равенства, что самъ онъ такой же мѣщанинъ, какъ Адуевъ,

Штольцъ и Тушинъ вмѣстѣ взятые. Письма и путевыя впечатлѣнія Гончарова по своему значенію діаметрально противоположны «Письмамъ русскаго путешественника» Карамзина: тѣ были началомъ борьбы съ литературнымъ мѣщанствомъ, эти—наоборотъ фиксированіемъ въ художественномъ словѣ идеаловъ духовнаго мѣщанства. Гончаровъ, сказали мы, это идеологъ духовнаго мѣщанства, его романы—это пѣснь торжествующаго мѣщанства, сломившаго такихъ титановъ мысли и чувства, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь.

Гончаровъ какъ будто предчувствовалъ, что впослѣдствіи его типы будутъ объяснены его же собственной личностью. Это его возмущало. Надо довольствоваться тѣмъ, что далъ авторъ своими типами, говоритъ Гончаровъ, и негодуетъ, что этимъ не удовлетворятся критики и историки литературы: «начнутъ добираться, каковъ былъ самъ дѣятель, разбираютъ связь писателя или художника съ его произведеніями, согласенъ ли его характеръ, нравственныя свойства съ тѣмъ, что имъ выражено, и почему, и какъ?» (II, 232; «Нарушеніе воли»). Мы уже имѣли случай указать, что это взглядъ глубоко невѣрный, узкій, мѣщанскій, стремящійся насильственно изолировать художника отъ человѣка, сдѣлать изъ перваго какую-то схему, абстракцію; нисколько не удивительно, что такого взгляда держался именно Гончаровъ. А между тѣмъ о различныхъ особенностяхъ его мирной, бюрократической жизни слѣдовало бы упомянуть, такъ какъ вторая половина жизни Гончарова—это естественнѣйшее и потрясающее по силѣ продолженіе и окончаніе испорченнаго Гончаровымъ конца «Обыкновенной исторіи». Въ борьбѣ съ мѣщанствомъ жизни трагически погибли Пушкинъ и Лермонтовъ, еще трагичнѣе ихъ—Гоголь, но трагедія ихъ смерти—ничто передъ пои-

стинѣ потрясающимъ зрѣлищемъ смерти Гончарова. «Нормальное назначеніе человѣка прожить четыре времени года, т.-е. четыре возраста, безъ скачковъ, и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно»...—такъ когда-то пророчески предсказалъ себѣ свою жизнь Гончаровъ устами Штольца; и онъ прожилъ «нормально» до глубокой старости. Его конецъ - медленное, ровное угасаніе, его конецъ—сплошной, несознаваемый имъ ужасъ: достаточно прочесть письма Гончарова и воспоминанія о послѣднихъ годахъ его жизни. Послѣдніе годы жизни Гоголя—это мирное и безболѣзненное угасаніе, по сравненію съ тѣмъ ужасомъ пошлости, который окружаетъ конецъ Гончарова и о которомъ мы не будемъ говорить, не желая нарушить волю величайшаго изъ представителей мѣщанства.

Опубликованный за послѣднее время рядъ писемъ Гончарова къ М. Стасюлевичу (см. IV-ый томъ архива Стасюлевича) бросаетъ однако новый свѣтъ на душевныя переживанія этого вѣрнаго слуги мѣщанства—и мы, чтобы закончить знакомство съ Гончаровымъ, остановимся немного на этомъ рядѣ глубоко интересныхъ для насъ писемъ.

Письма, дѣйствительно, громаднаго интереса. Правда, и раньше мы знали кое-что о личности Гончарова, о его нѣкоторыхъ «странностяхъ», о его болѣзненномъ самолюбіи, о припадкахъ мнительности: и раньше были извѣстны письма его къ Тургеневу, Валуеву, Тройницкому и другимъ. Но такого полнаго выявленія души, какое мы находимъ въ напечатанныхъ въ «Архивѣ» Стасюлевича письмахъ Гончарова,— до сихъ поръ еще не было среди гончаровскихъ матеріаловъ. И врядъ ли въ будущемъ можетъ появиться что-либо существенно новое, существенно дополняющее ту окончательную характеристику Гончарова,

которую можно теперь намѣтить въ основныхъ чертахъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эти новые матеріалы о Гончаровѣ кореннымъ образомъ разрушаютъ взглядъ на него, какъ на самаго крупнаго представителя «мѣщанства» въ русской литературѣ. Мы видѣли выше полное тождество Гончарова съ его мѣщанскими героями—Адуевымъ, Штольцомъ, Тушинымъ; намъ приходилось указывать, что подлинныя переживанія Гончарова, описанныя имъ въ «Фрегатѣ Паллада», могли принадлежать только сухому и плоскому чиновнику Адуеву, который не путешествовалъ, а «плавалъ по казенной надобности». Внѣшность Гончарова и Адуева совпадаетъ до тождества; но что же таится *подъ* этой внѣшностью? И если таится что либо отличное отъ типичнаго духовнаго мѣщанства, то проявилось ли это въ творчествѣ Гончарова-Адуева? Отрицательный отвѣтъ на послѣдній вопросъ несомнѣненъ настолько же, насколько несомнѣнно и то, что «наружный обликъ» души Гончарова (если можно такъ выразиться) не исчерпывалъ собою характера его личности.

«Мѣщанство» мы представляемъ себѣ всегда грубымъ, дубовымъ, пошло-здоровымъ, незнающимъ никакихъ сомнѣній, тревогъ и болѣзней души. Почему? Это лишь привычный шаблонъ, это вовсе не общеобязательно. Отчего не быть мѣщанству и другимъ—хилымъ, нервнымъ, болѣзненнымъ, съ обнаженными нервами? Узость взглядовъ, плоскость души, полная безличность—равно возможны и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Правда, во второмъ случаѣ обнаженные нервы часто дѣлаютъ человѣка болѣзненно чуткимъ, а чуткость эта—условіе рожденія «лица» въ человѣкѣ. Но бываетъ и иначе: больной организмъ вырабатываетъ себѣ «защитный покровъ», который могъ бы стать между нимъ и міромъ. Точно хлипкій

моллюскъ выдѣляетъ изъ себя известь, чтобы создать толстую внѣшнюю оболочку раковины, которая спасала бы его отъ внѣшняго міра. Это—въ двухъ словахъ—судьба и исторія Гончарова.

Можетъ случиться, что подъ этой внѣшней оболочкой «мѣщанства» таится нѣжная, тонкая и глубокая организація; можетъ случиться, что подъ ней скрывается только озлобленное, больное и несчастное мѣщанство же. Послѣдній случай рисуютъ намъ письма Гончарова. Правъ былъ Гончаровъ, когда въ своемъ литературномъ завѣщаніи требовалъ, чтобы никогда не была опубликована его частная переписка: письма его, вскрывающія истинную сущность его души, производятъ безконечно тягостное впечатлѣніе. Ихъ историко-литературное значеніе, ихъ психологическая цѣнность — громадны; ихъ этическій уровень—достоинъ все того же вѣчнаго, «нуменальнаго» Адуева.

Самъ Гончаровъ хотѣлъ видѣть въ себѣ двухъ людей,—и это удобное и обычное объясненіе («Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust»...—и т. д.) вѣроятно соблазнитъ еще нѣкоторыхъ историковъ литературы. Одинъ человѣкъ—внѣшній мѣщанинъ; онъ высказывается въ произведеніяхъ Гончарова. Другой—тонкая, нѣжная, больная душа, высказывающаяся только въ интимныхъ письмахъ. «Письма, за невозможностью писать другое, есть единственный путь, которымъ я разрѣшаюсь своей литературною силою и облегчаю напоръ фантазіи. Это моя другая жизнь—міръ фантазіи, и Вы правы, говоря, что во мнѣ два человѣка и что они часто рѣзко противорѣчатъ другъ другу и что ихъ смѣшивать одного съ другимъ надо осторожно. Иначе оскорбишь напрасно того или другого—и сдѣлаешь промахъ, даже почти преступленіе, съ плеча, ничего не понявши, колотя то, что заслуживало бы только нѣжной, дружеской

руки и всевозможной пощады, даже нѣкотораго баловства. Тогда только эта сила и могла быть направлена въ свое настоящее русло» (письмо отъ 7/19 іюня 1868 г.). Два человѣка, двѣ жизни—все это глубоко невѣрно; изъ писемъ, какъ и изъ произведеній Гончарова, передъ нами встаетъ глубоко цѣльный человѣкъ, только прячущійся то и дѣло въ свою раковину, человѣкъ съ обнаженными нервами, но нервами реагирующими только на «мѣщанскія» движенія и души, и окружающей среды.

Самъ Гончаровъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ то и дѣло говоритъ о тонкости своихъ нервовъ, о своей «странности» и «впечатлительности». Тонкость нервовъ—да; но что же воспринимаютъ эти тонкіе нервы?

«Природа мнѣ дала тонкіе и чуткіе нервы (откуда и та страшная впечатлительность, и страстность всей натуры): этого никто никогда не понималъ, и тѣ, которые только замѣчали послѣдствія этой впечатлительности и нервной раздражительности—что дѣлали? Совѣстно и грустно мнѣ становится и за нихъ, и за себя когда я прослѣжу нѣкоторыя явленія моей жизни. Меня дразнили, принимая или за полубѣшенную собаку, или за полудикаго человѣка, гнали, травили, какъ звѣря, думая, Богъ знаетъ что, и не умѣя рѣшить что я такое! Притворщикъ, актеръ или съумашедшій, или изъ меня, и на словахъ, и на письмахъ, и въ поступкахъ, бьется только и играетъ разнообразно сверкая, сила фантазіи, ума, чувствъ, просясь во что-нибудь, въ форму: въ статую, картину, драму, романъ и что бьется это все изъ самой почвы, можетъ быть, довольно богатой, что это требуетъ вниманія нѣсколько заботливой руки, дружества, а не вражды! А между тѣмъ, друзья являлись мнѣ врагами и... Понятно, что я ничего не дѣлалъ, не писалъ, а мучился внутренно, въ ужасѣ самъ отъ

того, что не умѣю этого объяснить и растолковать!» (письмо отъ 13/25 іюня 1868 г.). Кто гналъ, кто травилъ, кто оскорблялъ Гончарова? — Никто; но *только такія* впечатлѣнія отъ міра воспринимались его обнаженными нервами, — и именно отъ такихъ впечатлѣній прятался онъ въ свою мѣщанскую скорлупу.

Конечно, всѣ эти впечатлѣнія — впечатлѣнія явно больного человѣка, страдающаго ясно выраженной маніей преслѣдованія. Но почему же и мѣщанину не страдать этой болѣзнью? И Гончаровъ дѣйствительно, страдаетъ ею. Кто-то вѣчно за нимъ шпіонитъ, вѣчно за нимъ слѣдитъ: это эмиссары И. С. Тургенева, которому надо выкрасть и вывѣдать содержаніе новаго романа Гончарова... «Всѣ они (такъ же какъ и Тургеневъ въ Баденѣ) сильно приступали ко мнѣ — «прочти да прочти», причемъ зорко слѣдили за мной, слушали мой разговоръ, немного даже разиня ротъ, чего то отъ меня добиваясь, навязывая мнѣ еще какую-то слушательницу, знакомую Тургенева, которая даже хотѣла пріѣхать въ Булонь купаться (и тоже слушать меня). М-me Ѳеоктистова все ѣздила подъ сурдиной въ Карлсруэ — словомъ, чортъ ихъ знаетъ, что они дѣлали и чортъ бы побралъ всю эту компанію — зачѣмъ-то за мной пристально слѣдившую!» (письмо отъ 7 іюля 1868 г.). Или: «въ Парижѣ готовятся разныя затѣи. Ужъ около меня сильно юлилъ гарсонъ, узнавая, куда да какъ я отправлюсь и проч., и проч., и очень смутился, когда я вдругъ спросилъ его: кто его обо мнѣ спрашивалъ?» (письмо отъ 1/13 августа 1868 г.). Около него «закидывается сѣть», чтобы «задушить» его: всѣ сговорились помѣшать ему окончить романъ («Обрывъ»); это дьявольскія козни, ибо въ романѣ своемъ онъ хочетъ славы и величія Россіи; шпіоны (отъ Тургенева) кишатъ кругомъ, — и уже «чужая

рука» (т.-е. рука Тургенева) уже выудила кое-что, и «чужой языкъ» уже «слизалъ сливки» съ завѣтнаго романа Гончарова. «Я подозрѣваю, что такіе-то господа въ прошломъ году поглядывали въ Маріенбадѣ, пишу ли я свою задачу: одинъ изъ нихъ проговорился объ этомъ, и потомъ, безъ моего вѣдома, распустили нынѣшней весной слухъ въ газетахъ, что у меня ужъ и кончено все. Что все это значитъ? Отъ чего это гоненіе и отъ кого вражда и за что? А Вы знаете, чего я хотѣлъ въ своемъ сочиненіи, какія честныя мысли, добрыя намѣренія руководили мной, и какъ много теплой любви (это уже позволительно и самому мнѣ замѣтить) къ людямъ и къ своей странѣ разлито въ этомъ моемъ фантастическомъ уголкѣ Россіи, въ его обитателяхъ и т. д. Въ концѣ—у меня молитвы героя кончаются апоѳеозомъ религіознымъ и патріотическимъ. И вдругъ, не только безучастіе, а какой то злой смѣхъ, глухая вражда вмѣсто ласки и участія—еще до появленія труда привѣтствуютъ меня!» (письмо отъ 1 іюля 1868 г.).

Такъ внѣшній міръ дѣйствуетъ на «тонкіе нервы» Гончарова. Дальше можно и не продолжать. Конечно: всѣ его обманываютъ, всѣ его оскорбляютъ, всѣ надъ нимъ смѣются, всѣ его подозрѣваютъ, всѣ его ненавидятъ. Отъ этого—гнетущая хандра, которая заставляетъ его думать о самоубійствѣ, его мрачная иронія надъ самимъ собой и надъ жизнью.—Все это, несомнѣнно,—его душевная болѣзнь. Но не ясно ли, что именно въ душевной болѣзни, когда истончаются и обнажаются нервы человѣка, не ясно ли, что именно *въ направленіи* этой болѣзни скажется весь душевный міръ человѣка, вся сущность его души? И что можетъ быть «мѣщанственнѣе» той сущности, которая обнажилась передъ нами въ интимной перепискѣ Гончарова?

И вотъ этому больному мѣщанину нужна скорлупа, куда бы могъ онъ спрятаться отъ міра. Характерны въ этомъ отношеніи его поиски *абсолютной тишины*, необходимой для его творчества, и не только для творчества—для всей жизни. „Знаете, чего я ищу и почти не нахожу ни въ какомъ углу міра: это простой тишины, но такой, какъ могила! Нѣтъ нигдѣ: вотъ здѣсь съ улицы (къ счастью нечасто) доходитъ стукъ колесъ, въ зелени птицы трещатъ. А главный мой врагъ это—фортепіано. Въ домѣ его нѣтъ, а черезъ улицу кто-то бренчитъ. А мнѣ нужно совсѣмъ уйти въ себя, въ свой міръ и чтобъ ни одинъ звукъ не вторгался въ область моей фантазіи! Но гдѣ найдешь эту тишину. На что тиха моя Петербургская Обломовка, съ зеленымъ дворомъ и садомъ, а и тамъ надъ головой моей ходитъ, точно слонъ, лакей молодого хозяина и по причинѣ низенькихъ потолковъ кажется, что онъ ходитъ будто у меня на головѣ" (письмо отъ 18 іюня 1868 г.). И еще не одинъ разъ повторяетъ Гончаровъ: „я ищу идеала безусловной, почти *могильной тишины*". И, не находя нигдѣ въ мірѣ „могильной тишины", Гончаровъ ищетъ другихъ средствъ для огражденія своихъ обнаженныхъ нервовъ; онъ строитъ свою скорлупу *внѣшняго мѣщанства*, которая является тѣсно и глубоко связанной по существу съ его внутреннимъ міромъ, съ сущностью его души...

Нѣтъ необходимости останавливаться на проявленіяхъ въ письмахъ этого внѣшняго мѣщанства Гончарова: оно слишкомъ хорошо извѣстно по всему тому, что мы и раньше знали о Гончаровѣ. Хотя кое-что здѣсь очень характерно. Такъ, въ письмахъ, наполненныхъ планами творчества, разсказами о новыхъ главахъ „Обрыва", восторженными восклицаніями о томъ значеніи, какое будетъ имѣть этотъ романъ, — курьезнымъ лейтъ-мотивомъ проходитъ

фракъ, который заботитъ Гончарова не менѣе романа и о которомъ онъ подробно пишетъ съ десятокъ разъ... Характерно во внѣшнемъ мѣщанствѣ Гончарова и и то, какъ самъ онъ понимаетъ свое творчество. „Напоръ фантазіи", разгаръ своего творчества онъ объясняетъ „раздраженіемъ отъ водъ"...—онъ жилъ тогда въ Киссингенѣ. „Какъ бы только отъ водъ и послѣ послѣ водъ не прошло раздраженіе!" Иногда это творчество связано съ „раздраженіемъ геморроя"; иногда Гончаровъ требуетъ для писанія романа „легкаго раздраженія, т.-е. пріятнаго волненія"... Характерны и многія сужденія „внѣшняго мѣщанина", такъ полно проявляющаго свою внутреннюю сущность; но все это мелочи, на которыхъ не стоитъ останавливаться, уяснивъ себѣ главное и существенное въ этой серіи интимныхъ писемъ.

Эти интереснѣйшія и цѣннѣйшія для историка литературы и для психолога письма производятъ въ своей совокупности тягостнѣйшее впечатлѣніе,—особенно къ концу переписки, къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ. Здѣсь передъ нами — жалкій, больной старикъ, побѣжденный жизнью и тускло умирающій. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Гончаровъ писалъ о себѣ: „Человѣкъ я, что называется, конченный. Вотъ умудрился на старости устроить себѣ жизнь, полную тоски и отчаянія — конечно, не я одинъ: усердно помогали и другіе!" И не разъ въ грустныхъ запискахъ и письмахъ говорилъ онъ о себѣ тяжелыя слова, называя себя „гнуснымъ, никому не нужнымъ кривымъ старикомъ", который „дожилъ до невозможности, все по милости трезвой, скромной жизни... За то и наказанъ"... Нельзя безъ волненія читать эти тяжелыя письма, но нельзя не вспомнить тутъ о Штольцѣ, устами котораго молодой Гончаровъ радужно рисовалъ себѣ свою жизнь и старость. „Нормальное назначеніе

человѣка прожить четыре времени года, т.-е. четыре возраста, безъ скачковъ, и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно"... И весь ужасъ этой жизни и этой смерти— въ трагедіи двойного мѣщанства, внутренняго и внѣшняго, въ ихъ стремленіи замкнуться отъ міра въ узкой скорлупѣ одинокой личности.

Письма Гончарова не только не нарушаютъ прежняго представленія о немъ, какъ о „мѣщанинѣ", но даже углубляютъ и расширяютъ такое представленіе. Но вносятъ они и кое-что новое: они окончательно нарушаютъ обликъ „румянаго, дебелаго" и духовно здороваго Гончарова. Нѣтъ, передъ нами издерганный, нервный, душевно-больной человѣкъ, сутью души котораго, однако, является все то же „мѣщанство". И я думаю, что этотъ обликъ Гончарова можно опредѣлить двумя не противорѣчащими другъ другу словами: *больной мѣщанинъ*.

Но это между прочимъ; мы видѣли, что полное собраніе сочиненій Гончарова, т.-е. то, что самъ же онъ предназначилъ для публики, вполнѣ достаточно для тѣхъ выводовъ, которые нами уже построены выше. Чтобы дополнить ихъ, остановимся еще немного на внѣшней сторонѣ его произведеній и на общемъ значеніи его романовъ.

VII.

Какъ романистъ, Гончаровъ мелокъ. „На глубину я не претендую", — говоритъ онъ самъ про себя (I, 39), но съ недостаточной искренностью, какъ увидимъ сейчасъ. Въ его романахъ главное достоинство—красочное и жизненное изображеніе обыденной жизни; но и въ этомъ изображеніи у него все такъ ясно, такъ просто, понятно, спокойно — и именно

потому, что все не глубоко. Точно слегка задѣта вѣтеркомъ спокойная поверхность воды: вы не увидите здѣсь бурно перекатывающихся волнъ, высоко вздымающихся и глубоко падающихъ валовъ, обнажающихъ чуть не самое дно (Толстой, Достоевскій); передъ нами тихая рябь, расходящіеся на большое пространство круги — и безстрастный, „объективный" авторъ съ записной книжкой въ одной рукѣ и фотографическимъ аппаратомъ въ другой *). Онъ пытается сфотографировать душу человѣка, очевидно полагая вмѣстѣ съ Карамзинымъ, что „описаніе дневныхъ упражненій человѣка есть вѣрнѣйшее изображеніе его сердца" („Натал я боярская дочь"): на языкѣ Гончарова это описаніе дневныхъ упражненій называется психологическимъ анализомъ. На эту „внѣшность" психологическаго анализа Гончарова обратилъ вниманіе еще Писаревъ въ статьѣ „Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ". По этому рецепту Гончаровъ воспроизводитъ безконечно длинные разговоры дѣйствующихъ лицъ, иногда на протяженіи двухъ печатныхъ листовъ (!) — это и есть психологическій анализъ (см., напр., I, 171—191; 245—268; вся первая часть „Обрыва"; затѣмъ IX, 69—80; 127—139; 182—188, X, 19—27, 68—108 и др.). Все это, конечно, не обиліе мысли, а обиліе фразъ; Гончаровъ „объективно" скользитъ по поверхности, не проникая въ глубь. Объективностью своей онъ гордился; „sine ira — заявляетъ онъ — законъ объективнаго творчества" (I, 66); по его мнѣнію, писатель „долженъ обозрѣвать покойнымъ и свѣтлымъ взглядомъ жизнь людей вообще, иначе выразитъ только свое *я*, до котораго

*) Попытка усумниться въ «объективизмѣ» Гончарова въ виду совпаденія его идеаловъ съ идеалами его героевъ — построена на непродуманномъ каламбурѣ и на смѣшеніи понятій, ибо самый «субъективный» авторъ можетъ строго размѣренно и «объективно» описывать свое самое «субъективное». Таковъ былъ и Гончаровъ

никому нѣтъ дѣла“ (II, 45—46). И по ироніи судьбы онъ совершенно невольно выразилъ свое мѣщанское „я“ во всѣхъ своихъ „объективныхъ“ произведеніяхъ. Гончаровъ забылъ завѣтъ Бѣлинскаго, по которому объективность должна заключаться въ безпристрастіи, а не въ безстрастіи; но въ безстрастіи Гончарова именно нѣтъ безпристрастія: онъ безстрастенъ, но въ то же время пристрастенъ къ своимъ мѣщанскимъ героямъ, онъ идеологъ духовнаго мѣщанства.

Съ внѣшней стороны Гончаровъ такой же мѣщанинъ, какъ и по существу; самая его объективность есть не иное что, какъ кристаллизовавшееся въ художественномъ словѣ мѣщанство; рѣчь его течетъ плавно, размѣренно, аккуратно, и онъ вполнѣ на высотѣ своей задачи, пока описываетъ повседневныя „дневныя упражненія человѣка“... Но стоитъ ему хоть немного уклониться отъ описанія обыденныхъ „дневныхъ упражненій“, стоитъ ему попытаться изобразить нѣчто болѣе или менѣе выходящее изъ ряда обыденности, какъ немедленно въ результатѣ получается безвкусіе, незнаніе чувства мѣры, банальщина, шаблонъ,—безразлично, въ описаніи ли картинъ природы или дневныхъ упражненій человѣка. Тогда у него „море синее-пресинее“, тогда „солнечный шаръ злобно мечетъ отвѣсныя стрѣлы“; тогда онъ, описывая закатъ солнца (описаніе почему-то считающееся классическимъ), впадаетъ въ тонъ псевдо-романтизма, пересыпаетъ свой разсказъ напыщенными и холодными метафорами въ стилѣ Марлинскаго и безвкусно заканчиваетъ свой разсказъ стихами Бенедиктова, къ слову сказать, его друга и пріятеля. Тогда въ „Обломовѣ“ Ольга „какъ ангелъ восходитъ на небеса, идетъ на гору“; тогда въ „Обрывѣ“ Волоховъ проповѣдуетъ невѣроятную заборную мораль, Вѣра работаетъ „съ адскимъ проворствомъ“, ею овладѣваетъ „дикая дѣятельность“, она въ пяти

минутъ „передѣлаетъ бездну“. Вѣдь это уже литературный маразмъ, это полное безсиліе аккуратнаго мѣщанина-писателя хоть на минуту выйти изъ рамокъ обыденности.

Еще печальнѣе результаты попытокъ Гончарова выйти изъ мѣщанской плоскости во внутреннемъ значеніи своихъ романовъ, придать имъ тотъ смыслъ и глубину, которыхъ они отнюдь не имѣютъ. „На глубину я не претендую“,—заявилъ однажды самъ Гончаровъ (въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“), но въ той же статьѣ черезъ нѣсколько страницъ забылъ о своемъ заявленіи и попытался проявить свою глубину синтезомъ трехъ своихъ романовъ въ одну громадную трилогію. Эти потуги кровнаго мѣщанина на глубину представляютъ поистинѣ жалостное, трагикомическое зрѣлище. Пытаясь углубить всяческими правдами и неправдами смыслъ своихъ романовъ, Гончаровъ считаетъ Райскаго «проснувшимся Обломовымъ, въ бабушкѣ хочетъ видѣть аллегорію на „великую бабушку—Россію“, разрушенную бесѣдку на днѣ обрыва сравниваетъ съ Севастополемъ; „паденіе“ Вѣры, это—„паденіе Севастополя“ и въ то же время паденіе вообще русской женщины въ періодъ эмансипаціи 60-хъ годовъ... Въ этихъ потугахъ — трагедія безкрылаго мѣщанства, пытающагося подняться на орлиную высоту. Правда, и Толстой, и Достоевскій рисовали иногда жанровыя картины, не претендующія на глубокій смыслъ, но вѣдь хотя

Орламъ случается и ниже куръ спускаться,
Но курамъ никогда до облакъ не подняться...

Въ лицѣ Гончарова этическое мѣщанство выдало само себѣ testimonium paupertatis; побѣдная пѣснь торжествующаго мѣщанства оказалась опереточно-шаблоннымъ произведеніемъ и окончилось жалкимъ пискомъ безсилія...

Мы не хотимъ быть несправедливыми къ Гончарову: онъ—большой талантъ, но до сихъ поръ слишкомъ ужъ преувеличивали его значеніе и мѣсто въ русской литературѣ, увлекаясь осужденіемъ обломовщины Гончаровымъ и смотря сквозь пальцы на его апологію адуевщины. Гончаровъ—талантъ, и историкъ литературы не пройдетъ мимо него, но несправедливо выдвигать его въ первые ряды; въ литературѣ Гончаровъ играетъ приблизительно ту же роль, какъ В. Маковскій въ живописи: оба они талантливые жанристы, но, познакомившись разъ съ ихъ картинами, спѣшишь невольно пройти дальше и отдохнуть на чемъ-нибудь болѣе яркомъ, красочномъ, глубокомъ.

Со вздохомъ облегченія простимся съ Гончаровымъ и мы, выходя изъ затхлой атмосферы духовнаго мѣщанства снова на солнце и на воздухъ. Съ этимъ чувствомъ мы вообще прощаемся съ системой оффиціальнаго мѣщанства для того, чтобы перейти къ борцамъ и побѣдителямъ ея. Духовное мѣщанство, мѣщанство жизни сломило Пушкина и Лермонтова, насмѣялось надъ Гоголемъ и побѣдоносно выступило со своей „декларацієй правъ“ въ произведеніяхъ Гончарова; но оно слишкомъ торопилось торжествовать побѣду. Въ то время, когда трагически гибли одинъ за другимъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, когда Гончаровъ выступалъ увѣреннымъ идеологомъ мѣщанства, когда система оффиціальнаго мѣщанства пыталась окончательно задавить личность—въ борьбу съ мѣщанствомъ во всѣхъ его проявленіяхъ выступили лучшіе русскіе люди, соль нашей интеллигенціи. Люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, западники, славянофилы, Бѣлинскій, Герценъ дали этическому мѣщанству рѣшительную битву—и побѣжденное мѣщанство разсѣялось, было, туманомъ при свѣтлой зарѣ шестидесятыхъ годовъ.

Лишніе люди.

I.

Эпоха оффиціальнаго мѣщанства создала типичныхъ мѣщанъ; она же создала и „лишнихъ людей“, знакомствомъ съ которыми мы закончимъ описаніе фона эпохи 1825—1855 г.г., ибо лишніе люди—прямое слѣдствіе эпохи оффиціальнаго мѣщанства. Лишніе люди появляются въ двадцатыхъ годахъ, въ эпоху аракчеевскаго предисловія къ системѣ оффиціальнаго мѣщанства. Разочарованность, исканіе и протестъ—таковы ихъ главныя черты въ различныхъ сочетаніяхъ; лишними людьми являются и Кавказскій Плѣнникъ, и Алеко, и Чацкій. Если разочарованность и исканіе болѣе всего характеризуютъ Алеко и Плѣнника, то исканіе и протестъ наиболѣе характерны для Чацкаго, въ которомъ Бѣлинскій вполнѣ основательно видѣлъ „энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной рассейской дѣйствительности“... Мы знаемъ, что Чацкій погибъ, но его революціонное значеніе въ борьбѣ съ мѣщанствомъ не погасло вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ 1825 года десятки и сотни Чацкихъ или отправились „доставать для Россіи по три пуда руды въ день“, или остались убивать свой вѣкъ (подобно Чаадаеву) въ атмосферѣ оффиціальнаго мѣщанства. Лишніе люди начинають появляться все чаще и чаще.

Прежде всего явился безвольный, слабый, тоску-

ющій, незнающій куда приложить свои силы Онѣгинъ, пробавляющійся чайльдъ-гарольдствомъ и кутающійся въ демоническую тогу, которая ему была совершенно не къ лицу. „Евгеній Онѣгинъ“—первое произведеніе Пушкина, въ которомъ поэтъ проявилъ всю силу, всю мощь своего реализма; впервые изъ-подъ пера поэта родился на свѣтъ живой, реальный образъ. Это былъ разрывъ съ байроническимъ псевдоромантизмомъ. По внѣшности Онѣгинъ похожъ еще на героевъ Байрона, онъ „москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ“, но онъ совершенно отличенъ отъ нихъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ и качествамъ. Насколько сильны духомъ и волею байроновскіе герои, настолько же слабъ и безволенъ Онѣгинъ; подобно имъ, онъ тоже одинокъ, но они одиноки отъ избытка силы, Онѣгинъ же одинокъ отъ слабости: онъ переросъ мѣщанскую толпу, но не имѣетъ силы вырваться изъ нея, и, слабый въ своемъ одиночествѣ, предпочитаетъ задрапироваться „въ гарольдовъ плащъ“. Въ то время какъ могучихъ героевъ Байрона мучаютъ проклятые вопросы:

Зачѣмъ я существую? Ты зачѣмъ
Несчастенъ самъ? Зачѣмъ всѣ въ мірѣ твари
Несчастны такъ?..

—вопросы, столь трагически развитые впослѣдствіи Достоевскимъ — Онѣгина тревожатъ вопросы въ нѣсколько иномъ стилѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?..

Но несмотря на это нѣсколько комичное сопоставленіе, и Онѣгина въ сущности мучаютъ тѣ же вопросы о цѣли жизни: „чего мнѣ ждать?“ —спрашиваетъ онъ себя. Во всякомъ случаѣ, исканія у него нельзя от-

нять; онъ не могъ ужиться съ „безсмысленнымъ народомъ“, въ мѣщанской средѣ, но въ то же время онъ былъ настолько безволенъ и слабъ, что не могъ разорвать съ этимъ мѣщанствомъ: „шопотъ, хохотня глупцовъ“ и „общественное мнѣнье“ этой же самой мѣщанской толпы сильнѣе для него голоса его собственной совѣсти. Какая ужъ тутъ сила демонизма въ героѣ, трепещущемъ передъ мѣщанской толпой! Самъ Пушкинъ сравнивалъ своего героя съ „Демономъ“—изъ стихотворенія, написаннаго имъ одновременно съ первой главой „Евгенія Онѣгина“ (гл. VIII, строфа XII); но, конечно, въ Онѣгинѣ мы не найдемъ ничего демоническаго. Демонъ Пушкина—не мрачный Люциферъ, а, выражаясь словами Бѣлинскаго, только мелкій чертенокъ; не гордый Master of Spirits Байрона, но мелкій бѣсъ, представитель дьявольской черни, толпы, мѣщанства. Если этотъ чертенокъ—олицетвореніе сомнѣнія, по толкованію самого Пушкина,—овладѣлъ умомъ Онѣгина, то это опять-таки происходило только отъ слабости послѣдняго: онъ не имѣлъ силы идти дальше шаблоннаго отрицанія, отрицанія въ конечномъ счетѣ понятнаго, ненужнаго, наивнаго. Полное отсутствіе силы—характерная черта любимаго героя Пушкина (а потому и самого Пушкина). Ярче всего это сказалось въ отношеніи нашего поэта къ „истинѣ“, такъ ясно оттѣняющемъ основныя черты характера и Байрона, и Пушкина, и Лермонтова, и Онѣгина, и Печорина, и вообще всѣхъ „лишнихъ людей“.

II.

Только орелъ можетъ прямо смотрѣть на солнце, только сильный духомъ можетъ смотрѣть прямо въ глаза истинѣ. Такъ прямо въ глаза смотрѣли ей

могучіе герои Байрона. Каинъ отождествляетъ „правду-истину“ и „правду-справедливость“, категорію логическую и этическую; для него знаніе есть добро и добро есть знаніе; Люциферъ повторяетъ, что

...истина по существу ея
Быть можетъ только благомъ,

а потому смѣло смотритъ ей въ глаза:

А я, что знаю все, я не страшусь
Ни передъ чѣмъ: вотъ истинное знанье!

Конечно, ничего подобнаго мы не найдемъ у Пушкина. Какъ слабый человѣкъ, онъ невольно опускалъ взоры передъ „истиной“, если она оскорбляла поэта, разрушала его иллюзіи. Поэтъ не хочетъ *такой* истины,

...Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ!

Въ этомъ отношеніи поэта къ „истинѣ“ выразилось одновременно и его „индивидуалистическое“ настроеніе, и его дань духовной слабости. Пушкинъ отчасти, подобно Карамзину, предлагалъ поэту устремиться „въ міръ сладкихъ грезъ“ и „обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто достоинъ быть обманутымъ“; а отчасти требовалъ *примата человѣка надъ истиной.* Pereat mundus, fiat justitia—такъ понималъ Пушкинъ приматъ истины, и, конечно, проклиналъ такое подавленіе человѣка абстракціей. Отрицаніе авторитета абсолютной истины, такъ сильно сказавшееся на закатѣ XIX-го вѣка (субъективисты; Ибсенъ, „Дикая утка“; Горькій, „На днѣ“) имѣетъ въ русской литературѣ Пушкина своимъ первымъ представителемъ. Нечего и прибавлять, какъ проклинаетъ Пушкинъ эту истину, этотъ

...правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной.

Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно...

т.-е., иначе говоря, когда онъ служитъ на пользу тупому и плоскому этическому мѣщанству. Эта точка зрѣнія Пушкина характерна не только для него и Онѣгина, но и для большинства лишнихъ людей [1]).

Вслѣдъ за Онѣгинымъ явилась цѣлая толпа москвичей въ гарольдовомъ плащѣ, героевъ псевдоромантизма. На нихъ, конечно, нечего останавливаться. Но вотъ на рубежѣ между тридцатыми и и сороковыми годами появляется Печоринъ, этотъ герой своего времени, лишній человѣкъ со многими новыми характерными чертами. Прежде всего Печоринъ на первый взглядъ—сильный человѣкъ; онъ—сила, сила великая, онъ дѣйствительно „герой" (доказательству „героизма" типовъ Лермонтова посвященъ очеркъ Михайловскаго „Герой безвременья"). Но надо сейчасъ же прибавить, что сила эта находится отчасти въ скрытомъ состояніи, а отчасти она невѣрно направлена. Въ этой невѣрно направленной силѣ—вся слабость Печорина и причина того, что и онъ былъ въ дѣйствительности лишнимъ человѣкомъ; невѣрно направленная сила, отчасти въ состояніи возможности—вотъ самое основное опредѣленіе Печорина и, конечно, самого Лермонтова. Самъ Лермонтовъ прекрасно сознавалъ всю слабость силы своей и своего героя. „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?—пишетъ Печоринъ въ концѣ своего дневника:—а вѣрно она существовала и

[1]) Впослѣдствіи мы увидимъ, что въ этомъ вопросѣ объ истинѣ необходимо различать quaestio facti отъ quaestio juris. о „Евгеніи Онѣгинѣ" и вообще лишнихъ людяхъ см. нашу подробную статью въ книгѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій"; см. тамъ же статью о поэмахъ Пушкина и о Лермонтовѣ.

вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что *я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія*, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ“... (курсивъ нашъ). Лермонтовъ не могъ дать болѣе вѣрнаго опредѣленія и своему герою и себѣ...

Какъ сильный человѣкъ, Печоринъ смотрѣлъ истинѣ безтрепетно въ глаза. Лермонтовъ съ жестокой безпощадностью вскрывалъ передъ самимъ собою жестокую правду жизни, хотя и испытывалъ постоянную тоску. Конечно тоска эта не Weltschmertz, которую хотѣлъ видѣть въ себѣ и своихъ герояхъ Лермонтовъ, но она также и не тотъ Katzenjammer, которымъ объяснялъ себѣ героевъ демонизма Писаревъ: тоска эта — неизбѣжное слѣдствіе сознанія невѣрно направленныхъ и безцѣльно растраченныхъ громадныхъ силъ. Мы знаемъ, что раздвоенность дѣйствій и сознанія характеризуетъ собой Лермонтова; мы видѣли, что двѣ души реалиста и романтика, живутъ въ его груди, что изъ нихъ

Die eine will sich von der andern trennen,
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich au die Welt, mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefühlen hoher Ahnen [1]).

Въ этомъ раздвоеніи — черта, въ высшей степени характерная для идущихъ вслѣдъ за Печоринымъ лишнихъ людей.

III.

До сихъ поръ мы видѣли отдѣльныхъ представителей лишнихъ людей, первыхъ ласточекъ, появляю-

[1]) ... Двѣ души живутъ въ труди моей,
Другъ другу чуждыя—и жаждутъ раздѣленья.
Изъ нихъ одной—мила земля
И здѣсь ей любо, въ этомъ мірѣ,
Другой—небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эфирѣ...

щихся по одиночкѣ. Но ласточка одна не дѣлаетъ весны, два-три „героя своего времени“, лишнихъ человѣка, еще не создали собою типа лишнихъ людей вообще. Однако вскорѣ послѣ Печорина, на исходѣ сороковыхъ годовъ, лишніе люди появляются въ русской литературѣ цѣлыми стаями, особенно въ эпоху террора системы оффиціальнаго мѣщанства, Бельтовъ, Герцена, Эльчаниновъ и Шамиловъ Писемскаго, Агаринъ Некрасова, Лузгинъ, Буеракинъ и вообще „талантливыя натуры“ Салтыкова, наконецъ, всѣ герои лучшихъ разсказовъ Тургенева — лишніе люди, и всѣ они появились въ періодъ 1847 – 1856 гг. Мы познакомимся съ наиболѣе яркими изъ этихъ героевъ и тогда, наконецъ, будемъ въ состояніи сдѣлать нѣкоторый общій выводъ о типѣ лишняго человѣка въ русской жизни и литературѣ второй четверти XIX-го столѣтія.

Сначала остановимся на самыхъ безцвѣтныхъ и ничтожныхъ представителяхъ лишнихъ людей. Вотъ передъ нами „Дневникъ лишняго человѣка“ (Тургеневъ; 1850 г. [1]). Авторъ дневника, помѣщикъ Чулкатуринъ, самъ себя окрестилъ лишнимъ человѣкомъ, и съ его легкой руки названіе это широко распространилось въ литературѣ и жизни (хотя раньше и Бѣлинскій и Герценъ употребляли тотъ же терминъ), „Лишній, лишній... отличное это я придумалъ слово“,—радуется Чулкатуринъ и объясняетъ, что такое лишніе люди: эти люди сверхштатные, которыми обремизилась мать-природа; ихъ свойство — прежде всего безполезность, а затѣмъ — слабость, изъ которой рождается заѣдающая жизнь рефлексія (ею страдали всѣ лишніе люди). Чулкатуринъ вѣрно объясняетъ ея происхожденіе *раздвоенностью* лишняго человѣка, у котораго (также какъ и у его пред-

[1]) Цитаты по изданію Маркса 1898 г.

шественника Чацкаго) вѣчно былъ „умъ съ сердцемъ не въ ладу", и между чувствами и мыслями и ихъ выраженіемъ находилось какое-то непонятное препятствіе, побѣдить которое мѣшала слабость. „Тогда-то поднималась внутри меня страшная тревога",—разсказываетъ Чулкатуринъ:—„я разбиралъ самого себя до послѣдней ниточки, сравнивалъ себя съ другими... толковалъ все въ дурную сторону, язвительно смѣялся надъ своимъ притязаніемъ *быть какъ всѣ*..." А между прочимъ все горе этого лишняго человѣка именно въ томъ-то и состоитъ, что онъ въ высокой степени приближается къ идеалу „быть, какъ всѣ", иначе говоря, къ мѣщанству, выше котораго его ставитъ только сознаніе, ненависть къ мѣщанству и тщетныя попытки выйти, выбится изъ плоскости и безличія; изъ многихъ лишнихъ людей онъ ближе всего стоитъ къ мѣщанству, несмотря на всю свою ненависть къ нему.

Что сдѣлало его такимъ—онъ не знаетъ, но зато хорошо знаемъ мы: мы знаемъ, что Чулкатуринъ родился въ самомъ началѣ эпохи оффиціальнаго мѣщанства, что молодость его совпала съ тяжелымъ давленіемъ системы; что агонія его совпадаетъ съ апогеемъ этой системы; послѣ этого личная жизнь этого лишняго человѣка намъ не интересна: „скромныя удовольствія, смиренныя занятія, умѣренныя желанія", тщетныя попытки вырваться изъ этого заколдованнаго круга, ненужная жизнь... Надо замѣтить только, что въ Чулкатуринѣ есть много чёрточекъ и свойствъ чисто индивидуальныхъ, не характерныхъ вообще для лишняго человѣка; онъ является придавленнымъ не только эпохой, но и самой природой: въ противоположность большинству лишнихъ людей обдѣленъ даже даромъ слова, такъ что свои даже оригинальныя мысли онъ высказываетъ безсвязно и неумѣло. Большинство лишнихъ людей —

„талантливыя натуры“, и въ прямомъ смыслѣ и въ ироническомъ, какъ у Салтыкова; Чулкатуринъ же во всѣхъ отношеніяхъ безталанный лишній человѣкъ; вотъ почему его дневникъ производитъ поистинѣ тяжелое впечатлѣніе, такъ что невольно соглашаешься съ заключительными строками: „Сѣю рукопись читалъ И Содержаніе Онной Нѣ Одобрилъ Пѣтръ Зудотѣшинъ“. Дѣйствительно, одобрять тутъ нечего.

Близкимъ родственникомъ Чулкатурина является Гамлетъ Щигровскаго уѣзда; едва ли это не самъ Чулкатуринъ, выздоровѣвшій, получившій даръ слова. Все та же горькая мѣщанская участь, все та же ненависть къ мѣщанству сплетаются въ немъ роковымъ узломъ. Не будемъ попрежнему принимать во вниманіе нѣкоторыхъ частныхъ, индивидуальныхъ черточекъ характера нашего россійскаго Гамлета: онъ робокъ, самолюбивъ, онъ чудакъ, „оригиналъ“—не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что въ этомъ Гамлетѣ трагически сплетены индивидуализмъ и мѣщанство и онъ самъ сознаетъ это; онъ самъ заявляетъ, что „заѣденъ рефлексіей, и непосредственнаго нѣтъ во мнѣ ничего“,—но дорого бы далъ, чтобы обладать этой непосредственностью. Онъ забитъ средой, заѣденъ ею не хуже, чѣмъ рефлексіей; онъ „смирился“ духомъ и впалъ въ тупую пассивность отчаянія. Мѣщанская безличность была его постоянной спутницей; „я лѣпилъ самого себя, словно мягкій воскъ,—жалуется онъ,—и жалкая моя природа ни малѣйшаго не оказывала сопротивленія“. Но въ то же самое время природа одарила его богаче, чѣмъ Чулкатурина: онъ приближается къ остальнымъ лишнимъ людямъ уже тѣмъ однимъ, что онъ—человѣкъ слова, способный „болтать, болтать—безъ умолку... и все о томъ же“. Правда, для этого амплуа у него не хватило оригинальности, такъ по крайней мѣрѣ жалуется онъ самъ; не удержавшись на фразѣ, онъ

съ головой окунулся въ мѣщанское болото—и застрялъ въ немъ, сознавая при этомъ—здѣсь вся трагедія лишнихъ людей—всю плоскость и узость мѣщанства, понимая, что въ развитіи личности одно спасеніе. Онъ гибнетъ отъ сознанія, что онъ рѣшительно таковъ же, „какъ всѣ", что въ немъ все—книжность, нѣтъ ни капли индивидуальности, „собственнаго запаха",—и что онъ не можетъ выйти изъ этого заколдованнаго круга подавляющаго безличія. „Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна,—обращается онъ къ многочисленнымъ россійскимъ Гамлетамъ и Чулкатуринымъ,—и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь—да своего-то, особеннаго, собственнаго у тебя ничего нѣту!.. Нѣтъ, ты будь глупъ, да по-своему! Запахъ свой имѣй, свой собственный запахъ, вотъ что!" Этой самобытности, индивидуальности, нѣтъ у мѣщанъ, основное свойство которыхъ трафаретность; отъ этой же трафаретности гибнутъ Гамлеты разныхъ уѣздовъ, гибнутъ Чулкатурины, такъ какъ слабость мѣшаетъ имъ избавиться отъ безличности, а безличность усиливаетъ ихъ слабость.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на другихъ, такихъ же мелкихъ лишнихъ людяхъ; всѣ эти Веретьевы, Лузгины, Агарины такъ же сильно ненавидятъ мѣщанство и такъ же безсильно подчиняются ему. „Размѣры насъ душатъ,—жалуется, напримѣръ, Лузгинъ:—природа у насъ широкая, желалъ бы захватить вдоль и поперекъ, а размѣры маленькіе"... Въ этомъ вина отчасти и самихъ лишнихъ людей, но прежде всего и главнымъ образомъ—эпохи, которая тщательно съуживала всякую широту размаха. Одинъ изъ лишнихъ людей, герой тургеневской „Переписки" (1855 г.) отмѣтилъ это „хитросплетеннымъ", но образнымъ и вѣрнымъ сравненіемъ (которымъ вскорѣ воспользовался Добролюбовъ): дождь

падаетъ на землю, но составляется изъ испареній, поднимающихся съ той же земли,—такъ и судьба каждаго изъ насъ не съ неба падаетъ, но сперва образуется около насъ самихъ (VI, 157). Конечно, это примѣнимо не только къ однимъ лишнимъ людямъ, но къ нимъ примѣнимо въ особенности.

Чулкатурины, Веретьевы и имъ подобные Гамлеты различныхъ уѣздовъ Россійской имперіи составляли только низшую и худшую часть группы лишнихъ людей. Конечно, они были неизмѣримо выше представителей добродѣтельнаго мѣщанства и адуевщины, этихъ Тушиныхъ, Штольцевъ и всѣхъ иже съ ними; конечно, въ нихъ были многія характерныя черты лишнихъ людей—анти-мѣщанство, раздвоенность, исканіе, протестъ,—но при всемъ томъ на дѣлѣ они еще безсильно подчиняются ненавистному имъ мѣщанству. Слегка познакомившись съ худшими представителями лишнихъ людей, мы перейдемъ теперь къ знакомству и съ лучшими ихъ представителями—напримѣръ, съ Бельтовымъ и Рудинымъ. Этого знакомства будетъ совершенно достаточно для возможности построенія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ.

IV.

Раздвоенность—главная черта и Бельтова, и Рудина, и другихъ лучшихъ лишнихъ людей. Съ одной стороны—реалистическія тяготѣнія, съ другой—романтическіе порывы; всѣ они поэтому братья по духу лермонтовскаго Печорина, хотя и безъ его демонизма. Эти лишніе люди задыхались въ своемъ стремленіи вырваться, во-первыхъ, изъ мѣщанства, во-вторыхъ—изъ реалистическаго міровоззрѣнія; въ этомъ тщетномъ стремленіи всѣхъ ихъ „рефлексія заѣла“ и непосредственнаго въ нихъ не осталось ничего. Всѣмъ

этимъ онѣ показали свою величайшую слабость, которая составляетъ характерную черту всѣхъ лишнихъ людей.

Вотъ, напримѣръ, Бельтовъ. Жилъ онъ только для того, чтобы «промаячить жизнь»; поэтому онъ за все хватался и все бросалъ на полъ-дорогѣ — юриспруденцію, медицину, живопись. Сдѣлать что-нибудь онъ не можетъ, и самъ называетъ себя «безполезнымъ человѣкомъ». Онъ понимаетъ, что это почти фатально, что надо измѣнить не себя, а условія среды, т.-е. побѣдить въ борьбѣ за индивидуальность; но для этого у него не хватаетъ силъ. «Кандидатовъ на все довольно, — утѣшаетъ себя онъ: — занадобится исторіи — она беретъ ихъ; нѣтъ — ихъ дѣло, какъ промаячить жизнь». И онъ маячитъ жизнь, не принимаясь за дѣло, но гордясь зато, что имѣетъ «трезвый взглядъ, можетъ, безотрадный, грустный, но зато истинный». На это самъ Герценъ устами Père Joseph'а справедливо возражаетъ: «не должно же тотчасъ класть оружіе; достоинство жизни человѣческой въ борьбѣ... награду надо выстрадать», — но этотъ голосъ сильнаго человѣка пропадаетъ для Бельтова втунѣ. Его тоже «рефлексія заѣла», какъ жалуется нѣсколько лѣтъ спустя Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, и этимъ опять возмущается Герценъ, ставя мѣткій діагнозъ устами д-ра Крупова: «думать, когда надобно пить прекрасное вино, что за это завтра судьба подастъ прескверңаго квасу — это своего рода безуміе... это одна изъ моральныхъ эпидемій, наиболѣе развитыхъ въ наше время».

Все это — отрицательныя черты Бельтова; а вотъ и положительныя. Тупой бюрократизмъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства нашелъ въ немъ своего злѣйшаго врага. Бельтовъ поступилъ на службу, но не дослужилъ четырнадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ до пятнадцатилѣтняго юбилея своей службы — онъ не

вынесъ этой затхлой атмосферы, гдѣ чувствовалъ себя отлично его современникъ, дядюшка Адуевъ. Для окружающихъ его чиновниковъ Бельтовъ былъ «протестъ, какое-то обличеніе ихъ жизни, какое-то возраженіе на весь порядокъ ея». Также ненавистно Бельтову и мѣщанство вообще; онъ знаетъ, что лишніе люди (и онъ въ томъ числѣ) не могутъ удовлетвориться узкой и плоской жизнью безличнаго мѣщанства: «всего рѣже выходятъ изъ нихъ тихіе, добрые люди,—говоритъ Герценъ о лишнихъ людяхъ:—ихъ безпокоятъ у домашняго очага ѣдкія мысли»,—конечно, все о томъ же мѣщанствѣ ихъ жизни. Говоря объ этой ненависти Бельтова къ мѣщанству, Герценъ замѣчаетъ что это не индивидуальное свойство Бельтова, а вообще всѣхъ лишнихъ людей: «нашей душѣ несвойственна эта среда (филистерски-нѣмецкая, патріархально-мѣщанская); она не можетъ утолять жажды такимъ жиденькимъ винцомъ: она или гораздо выше этой жизни, или гораздо ниже—но въ обоихъ случаяхъ шире». Мы уже имѣли случай упоминать объ этихъ словахъ.

Итакъ, Бельтовъ типичный лишній человѣкъ, слабый, мятущійся; злѣйшій врагъ мѣщанства—съ мѣщанскими черточками характера; человѣкъ ищущій и ненаходящій. Силы его подавлены тяжелой системой эпохи; онъ одинокъ, онъ не видитъ союзниковъ:—вокругъ все такіе же одинокіе лишніе люди. «Я точно герой нашихъ народныхъ сказокъ,—грустно замѣчаетъ Бѣльтовъ,—ходилъ по всѣмъ распутьямъ и кричалъ—есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?—но живъ человѣкъ не откликался». Въ этихъ словахъ вся трагедія личности эпохи оффиціальнаго мѣщанства: система все задавила, не откликался живъ человѣкъ...

V.

Рудинъ, подобно Бельтову и другимъ лучшимъ лишнимъ людямъ, всю свою жизнь провелъ въ исканіи, въ несознанномъ стремленіи «за предѣлы предѣльнаго». Онъ самъ не знаетъ, за что схватиться. Онъ человѣкъ мятущійся, онъ все начинаетъ и ничего не кончаетъ; у него есть цѣлыя груды первыхъ страницъ предполагаемыхъ сочиненій, но до послѣднихъ страницъ дѣло никогда не доходитъ. То онъ дѣлается учителемъ гимназіи, то входитъ въ компанію съ другимъ лишнимъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать какую-то рѣку судоходной; то занимается агрономіей и т. п.—вѣчная исторія лишнихъ людей! «Выдержки во мнѣ не было, сознается въ концѣ концовъ самъ Рудинъ;—строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда почвы-то подъ ногами нѣту»... Почвы подъ ногами дѣйствительно не было— въ этомъ была вина эпохи и системы оффиціальнаго мѣщанства; но не было и выдержки въ Рудинѣ, хотя это была не вина его, а бѣда его (по выраженію Чернышевскаго). Выдержки не было, ибо была раздвоенность реалистическихъ тяготѣній и романтическихъ порывовъ; была ненависть къ мѣщанству и были налицо мелкія мѣщанскія черточки. Отъ раздвоенности происходила и слабость лишнихъ людей, полное неумѣніе вѣрно направить свои силы, при желаніи во что бы то ни стало пустить ихъ въ дѣйствіе. Въ этой *активной слабости*—еще одна черта, характерная для лишняго человѣка, въ противовѣсъ *пассивной силѣ* мѣщанской толпы.

Рудинъ краснорѣчивъ, увлекаетъ многихъ своими словами, способенъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. „Онъ говорилъ мастерски увлекательно, но не совсѣмъ ясно“—якобы отъ обилія мыслей, а въ дѣй-

ствительности отъ того отсутствія почвы, которое мѣшаетъ Рудину имѣть опредѣленный фундаментъ. Вслѣдствіе этого конечно „слова Рудина такъ и остаются словами и никогда не станутъ поступкомъ", развѣ только случайная вспышка завлечетъ его за предѣлы словъ; тогда онъ можетъ честно и красиво умереть на баррикадѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Но это только вспышка. Вообще же говоря— его тоже „рефлексія заѣла", и въ этой его книжности, въ этомъ отсутствіи непосредственности отчасти сказалось вліяніе системы и эпохи оффиціальнаго мѣщанства. У него есть „проклятая"— привычка „каждое движеніе жизни, и своей, и чужой, пришпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой"; у него часто интеллектъ преобладаетъ надъ инстинктомъ, и, быть можетъ, отчасти вѣрно то замѣчаніе, что Рудина какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова.

Чтобы покончить съ немногими чертами роднящими Рудина съ мѣщанствомъ, скажемъ еще объ его эгоизмѣ, на который совершенно вѣрно указываетъ Мефистофель романа, Пигасовъ. „Скажетъ *я*,— говоритъ онъ про Рудина,—и съ умиленіемъ остановится... *Я*, молъ, *я*"... Онъ чувствуетъ себя выше другихъ людей и конечно, отчасти, имѣетъ на это право, такъ что неудивительно, что свою личность онъ ставитъ центромъ всего. Ничтоже сумняся онъ называетъ себя „геніемъ", но въ то же самое время, выставляя свою личность на первый планъ, онъ жестоко осуждаетъ мѣщанскую узость и эгоизмъ, видящій свѣтъ только въ своемъ окошкѣ. Для него себялюбіе—самоубійство, самолюбіе—источникъ всего великаго; „человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать".

Слабость Рудина ярче всего сказалась въ его

исторіи съ Натальей, мы здѣсь имѣемъ постоянное у Тургенева столкновеніе слабаго мужчины съ сильной женщиной. Вотъ когда сказалось все мѣщанство, все безличіе, вся безхарактерность Рудина. Н. Н. читалъ Асѣ нотаціи изъ кодекса мѣщанской морали. Рудинъ даетъ Натальѣ знаменитый совѣтъ — „покориться“, точь въ точь тотъ же совѣтъ, который въ это самое время гончаровскій Штольцъ давалъ Ольгѣ... У Рудина нѣтъ силъ идти на сознательную борьбу съ людьми, со взглядами эпохи, съ мѣщанской моралью; и онъ остается одинокимъ всю свою безпріютную жизнь. Кстати замѣтить, что одиночество—постоянная черта мѣщанъ-эгоистовъ, въ родѣ дядюшки Адуева; но оно не имѣетъ ничего общаго съ одиночествомъ лишнихъ людей. Мѣщане одиноки отъ эгоизма, лишніе люди — отъ слабости воли; однако основаніе этому общее и лежитъ въ эпохѣ и системѣ оффиціальнаго мѣщанства. Эгоизмъ— прямое дѣтище этой угнетающей и обособляющей личность системы; слабость лишнихъ людей имѣетъ свое основаніе тамъ же. Отсюда ихъ одиночество— одиночество чувства, мысли. Поэтъ той эпохи мѣтко охарактеризовалъ это двумя-тремя строками:

Есть у насъ люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.

Такое одиночество было участью всѣхъ лишнихъ людей, было участью и Рудина.

Несмотря на наличность нѣкоторыхъ чертъ мѣщанства, какъ однако безконечно далеки отъ него Рудины! Свое мѣщанство они искупали самосознаніемъ, они казнили себя—и казнь эта не всегда доставляла имъ мучительную радость горечи. Рудинъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ немъ неразрывнымъ узломъ связано мѣщанство съ индивидуализмомъ,—

и, быть можетъ, въ этомъ сознаніи худшее проклятіе жизни всѣхъ лишнихъ людей. Это роковое сплетеніе индивидуализма съ мѣщанствомъ ясно бросается въ глаза и представляетъ изъ себя ту загадку, которую не могъ разрѣшить товарищъ Рудина, Лежневъ: „ты для меня былъ всегда загадкой,—сознается онъ;— даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ — опять начнешь... даже тогда я тебя не понималъ“. Для насъ теперь эта загадка рѣшена, такъ какъ мы знаемъ, что Рудинъ представлялъ собой нѣчто средне-пропорціональное между „мѣщанствомъ“ и „индивидуализмомъ“. А что въ Рудинѣ есть обѣщающіе задатки индивидуализма, это — несомнѣнно, это высказываетъ и самъ Тургеневъ устами того же Лежнева. Рудинъ — не мелкій человѣкъ, говоритъ Лежневъ, „въ немъ есть энтузіазмъ... Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли — и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ“...

Въ этомъ отношеніи Рудинъ полная противоположность всѣмъ этимъ разсудительнымъ, равнодушнымъ и вялымъ Адуевымъ, Штольцамъ и прочей мѣщанской компаніи. Не-мѣщанинъ Рудинъ умѣетъ остаться нищимъ, въ то время какъ добродѣтельные мѣщане, округляя помаленьку свои капитальцы, то домикъ выстроятъ, то купятъ деревеньку; въ то время какъ эти добродѣтельные мѣщане, пробиваютъ себѣ дорогу къ благамъ міра своей пассивной силой, Рудинъ погибаетъ отъ своей активной слабости. То отсутствіе выдержки, та разбросанность, которыя составляютъ характерную черту лишнихъ людей, являются полной противоположностью выдержкѣ и разсудительности мѣщанства; конечно, если „смотрѣть въ корень“, то не трудно увидѣть,

что пассивная сила мѣщанъ и активная слабость лишнихъ людей коренились обѣ въ системѣ и эпохѣ оффиціальнаго мѣщанства, но одна и та же причина въ двухъ различныхъ средахъ дала различныя слѣдствія. Вотъ почему отсутствіе выдержки, разбросанность такъ характерны для анти-мѣщанства лишнихъ людей, будучи въ то же время слѣдствіемъ системы оффиціальнаго мѣщанства. Когда всѣ пути были заказаны и всѣ дороги перерѣзаны, то человѣку, не желающему примириться съ разсудительнымъ мѣщанствомъ, только и оставалось бросаться во всѣ стороны, искать выхода. Не многіе нашли его; не нашелъ его и Рудинъ, но за это жестоко бросать въ него камнемъ осужденія. Рудинъ, какъ и многіе лишніе люди,—жертва вечерняя тяжелаго хода русской исторической жизни; не надо забывать этого. Вотъ уже третій разъ русскому интеллигенту пришлось играть роль жертвы вечерней: въ первый разъ пострадала интеллигенція XVIII-го вѣка въ борьбѣ за соціальные идеалы; затѣмъ погибли декабристы въ борьбѣ за идеалы политическіе; теперь, какъ слѣдствіе всего этого, гибли лишніе люди, гибли Чацкіе, Онѣгины, Печорины, Бельтовы, Рудины въ гнетущей атмосферѣ эпохи оффиціальнаго мѣщанства.

Конечно, это только внѣшняя сторона истины; внутренняя ея сторона лежитъ неизмѣримо глубже: она лежитъ въ той раздвоенности между реалистическими и романтическими элементами сознанія, которую мы уже видѣли у Лермонтова. Умъ съ сердцемъ не въ ладу не у одного Чацкаго, но и у всѣхъ лишнихъ людей; борьба интеллекта съ инстинктомъ по существу тождественна противорѣчію между реалистическими тяготѣніями и романтическими порывами: это то же самое, выраженное nur mit ein bischen andern Worten. Но раздвоенность

эта никогда не восходила до сознанія лишняго человѣка: онъ всегда смутно чувствовалъ весь безысходный трагизмъ своего положенія, но никогда не могъ формулировать и понять вопроса во всей его сложности и полнотѣ.

VI.

Что же такое въ концѣ концовъ представляютъ изъ себя лишніе люди? Это ни павы, ни вороны крыловской басни: отъ воронъ они отстали, а къ павамъ не пристали; отъ мѣщанскаго берега адуевщины они отчалили, но до берега индивидуализма не доплыли, и остались гдѣ-то между небомъ и землей, безъ руля и безъ вѣтрилъ. Они всегда имѣютъ возможность войти въ болотистую бухту мѣщанства, но съ ужасомъ бѣгутъ „вонъ изъ мирной, тихой пристани, гдѣ только плѣсень зеленая, тина мягкая, да квакающія лягушки,—дальше отъ нихъ туда, гдѣ только волны да небо“ (слова Бѣлинскаго). Однако, помимо своей воли, помимо своего желанія, лишніе люди во многомъ подчиняются вліянію мѣщанства эпохи и усваиваютъ себѣ многія его черты, иные въ большей, иные въ меньшей степени; они являются поэтому чѣмъ-то среднимъ пропорціональнымъ между индивидуализмомъ и мѣщанствомъ. Въ этомъ ихъ вторая раздвоенность, настолько же неразрѣшимая и трагическая, какъ и первая; неразрѣшимая главнымъ образомъ вслѣдствіе слабости лишнихъ людей.

Лишніе люди--слабые люди, одинаково отличающіеся этимъ своимъ качествомъ какъ отъ типичныхъ мѣщанъ, такъ и отъ лучшихъ представителей русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Эти лучшіе люди отличались

активной силой, они боролись за права человѣка и общества, они сознательно шли на страданія, на гибель—и не уступали ни пяди дороги. Мѣщане—это толпа; они не ведутъ, они *идутъ за*, и въ этомъ ихъ страшная *пассивная сила* стада. Лишніе люди пробуютъ вести впередъ, но въ этой ихъ активности сейчасъ же фатально сказывается ихъ слабость: не окончивъ призыва впередъ, они стушевываются въ рядахъ мѣщанской толпы до новой вспышки (вспомните, напримѣръ, исторію Рудина съ Натальей и его совѣтъ „подчиниться"). Эта *активная слабость* лишнихъ людей, о которой мы уже говорили выше, тѣсно связана съ ихъ раздвоенностью, составляющей основную объясняющую черту этого типа.

Каково значеніе, какова роль лишнихъ людей въ исторіи эволюціи русской интеллигенціи? Роль эта была громадна и въ ихъ борьбѣ съ мѣщанствомъ, и въ ихъ борьбѣ за индивидуализмъ. Лишніе люди были передаточной инстанціей въ невольной пропагандѣ среди широкихъ круговъ публики идей главныхъ представителей русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; они образовали новые кадры грядущей разночинной интеллигенціи и безсознательно подготовляли почву для расцвѣта идей такъ называемой „эпохи великихъ реформъ". Въ то время, когда они работали,—а мы видѣли, что лишніе люди густой толпой появилась только въ эпоху террора системы оффиціальнаго мѣщанства,—политическіе и соціальные вопросы были совершенно изъяты изъ употребленія средняго россійскаго обывателя; поэтому и лишнимъ лидямъ пришлось ограничиться вопросами личной морали. „У насъ, русскихъ—заявляетъ одинъ изъ лишнихъ людей у Тургенева,—нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности, и вотъ мы, едва возмужа-

лыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность"...

Иными словами—работа лишнихъ людей не выходила изъ чисто теоретической области; они были людьми слова, за что ихъ неоднократно и осуждали. Но не намъ бросать въ нихъ камнемъ. Надо помнить, что они сѣяли доброе сѣмя въ эпоху всеобщаго разложенія и подавляющаго мѣщанства: слово ихъ было ихъ дѣломъ. Правда, они сами не избѣжали въ многомъ пагубнаго вліянія этого мѣщанства, они были только среднимъ членомъ отношенія между мѣщанствомъ и индивидуализмомъ, но и это было уже не мало въ эпоху полнаго торжества мѣщанства и безличія. Упрекать ихъ въ бездѣятельности — глубоко несправедливо; можно отвѣтить на это словами Герцена: „что такое дѣло?.. По-моему служить связью, центромъ цѣлаго круга людей—огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ и скованномъ". („Былое и Думы").

Эту роль сыграли лишніе люди. Въ эпоху темной власти мѣщанства они первые вступили въ борьбу съ мѣщанствомъ и послужили связующимъ звеномъ лучшихъ завѣтовъ прошлаго русской жизни и сознанія съ наступавшими шестидесятыми годами. Тотъ анти-мѣщанскій взрывъ, которымъ ознаменовались шестидесятые годы,—взрывъ, охватившій всѣ горизонтальные слои и вертикальныя раздѣленія общества, не могъ бы произойти безъ предварительной незамѣтной работы лишнихъ людей. Лишніе люди были тѣмъ ферментомъ разложенія мѣщанскаго уклада и мѣщанскихъ идеаловъ, который въ теченіе цѣлаго десятилѣтія просачивался во всѣ поры торжествующаго мѣщанства и безсознательно способствовалъ его разложенію. Съ этой точки зрѣнія роль лишнихъ людей громадна; они явились искупительной жертвой русской интеллигенціи системѣ и эпохѣ

оффиціальнаго мѣщанства; всѣ они, не сознавая того, полегли костьми за дальнѣйшее развитіе индивидуализма и на рѣшительную погибель мѣщанству. „Даромъ ничего не дается—судьба жертвъ искупительныхъ проситъ“...

Конечно, не ко всѣмъ лишнимъ людямъ примѣнимо все это: мы говоримъ только о наиболѣе яркихъ типахъ, въ родѣ Бельтова, Рудина и имъ подобныхъ. Говоря о нихъ, можно совершенно серьезно употребить ироническую фразу Чернышевскаго: лишніе люди—лучшіе люди. Это дѣйствительно такъ и есть. Лишніе люди—лучшіе люди своего времени, и на нихъ мы легче всего можемъ увидѣть, что дѣлала съ лучшими людьми эпоха оффиціальнаго мѣщанства: прямымъ слѣдствіемъ этой эпохи явились мѣщане, обратнымъ—лишніе люди. Лучшіе люди обращались въ лишнихъ людей подъ давленіемъ убивающей личность эпохи; но эпоха эта не могла убить ихъ ненависти къ мѣщанству, хотя и изломала ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Лишніе люди сдѣлались безсознательными (а иногда и сознательными) проповѣдниками анти-мѣщанства, а потому совершенно понятна ихъ роль, ихъ значеніе въ развитіи индивидуализма въ русской жизни и литературѣ.

Какова была судьба лишнихъ людей? Что съ ними стало въ слѣдующія десятилѣтія? Большинство изъ нихъ легло костьми до наступленія шестидесятыхъ годовъ; оставшіеся же въ живыхъ на полѣ брани не остались на немъ побѣдителями. Ихъ роль была уже сыграна въ самомъ процессѣ борьбы. Вмѣстѣ съ шестидесятыми годами пришелъ разночинецъ, и только немногіе изъ лишнихъ людей пристали къ нему—слишкомъ различны были ихъ міровоззрѣнія. Послѣ 1861 года лишніе люди мало-по-малу обращаются въ „кающихся дворянъ“—и мы еще будемъ имѣть случай прослѣдить за развитіемъ этого типа.

Окончательный выводъ: лишніе люди были лишними не по отношенію къ обществу, а только по отношенію къ самимъ себѣ. Они не сумѣли примирить „реалистическихъ“ и „романтическихъ“ элементовъ своего духа, не сумѣли переплыть отъ „мѣщанства“ къ „индивидуализму“, не сумѣли стать побѣдителями въ борьбѣ за индивидуальность, т.-е. приспособить къ себѣ среду. Поэтому они и были лишними сами для себя. Но для общества ихъ значеніе громадно: они, и только они, помогли высшей части русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ создать новые кадры дѣятелей взамѣнъ погибшихъ въ годъ декабрьской революціи. Поэтому лишніе люди занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи борьбы русской интеллигенціи за права человѣческой личности, за общественность и индивидуализмъ противъ мѣщанства.

Знакомствомъ съ лишними людьми мы закончимъ обзоръ эпохи оффиціальнаго мѣщанства и больше не будемъ къ ней возвращаться. Это не значитъ, чтобы вмѣстѣ съ 1855 годомъ отошла въ вѣчность и система оффиціальнаго мѣщанства; далеко нѣтъ: послѣ короткаго промежутка такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“, система оффиціальнаго мѣщанства снова начинаетъ ма ло-по-малу возвращаться въ русскую жизнь, а съ 1881 года опять воцаряется на новую четверть вѣка. Но это второе царствованіе системы оффиціальнаго мѣщанства не внесло собой ни единаго новаго слова: оно было только повтореніемъ перваго, ибо во вторую четверть XIX-го вѣка система эта исчерпала себя до дна.

Но довольно: пора выйти изъ этого затхлаго подполья на чистый воздухъ.

Тридцатые годы.

I.

На мрачномъ общемъ фонѣ эпохи оффиціальнаго мѣщанства яркими искрами блестѣли лучшіе изъ лишнихъ людей; но они свѣтили только отраженнымъ свѣтомъ.

Съ источникомъ этого свѣта—съ лучшей частью русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—намъ предстоитъ теперь познакомиться. Изъ душнаго подполья мы снова выходимъ на свѣжій воздухъ; мы присутствуемъ при возрожденіи или даже при новомъ зарожденіи русской интеллигенціи, еще сословной по составу, но попрежнему безсословной и внѣклассовой по цѣлямъ и уже вскормившей на своей груди такого великаго представителя интеллигенціи, какимъ былъ разночинецъ Бѣлинскій. Бѣлинскій, Станкевичъ, Бакунинъ, К. Аксаковъ, Герценъ, западники и славянофилы—такова та блестящая страница изъ исторіи русской интеллигенціи, къ прочтенію которой мы приступаемъ. До сихъ поръ мы видѣли въ русской жизни и литературѣ только зародыши индивидуализма, достигшіе полнаго развитія лишь въ художественномъ творчествѣ Пушкина и Лермонтова; теперь мы увидимъ начало индивидуализма и въ русской критической мысли, критической—въ области соціальной, экономической, этической. Правда, это будетъ только начало, но по этому началу можно судить о гигантскомъ шагѣ

впередъ, сдѣланномъ русской интеллигенціей. Пусть это только зародышъ—но правъ былъ Бѣлинскій, говоря, что „русская личность пока эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узость!..“

Тысяча восемьсотъ двадцать пятый годъ—рѣзко раздѣляетъ первую и вторую четверть русской жизни XIX-го вѣка: съ этимъ годомъ соединена гибель почти всей русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ. Гибель декабристовъ была началомъ конца сословности русской интеллигенціи; съ этихъ именно поръ интеллигенція начинаетъ мало-по-малу становиться по составу своему внѣклассовой и безсословной. Появляется „разночинецъ“. Въ годъ гибели декабристовъ, въ годъ полнаго разгрома дворянской по составу русской интеллигенціи, на литературной сценѣ выдвигается впередъ разночинецъ Полевой, начиная изданіе „Московскаго Телеграфа“, перваго русскаго журнала съ тысячами подписчиковъ. Вслѣдъ за нимъ въ ряды русской интеллигенціи входитъ Надеждинъ и, наконецъ, Бѣлинскій, перекидывающій мостъ къ шестидесятымъ годамъ, когда огромной толпой „разночинецъ пришелъ“, когда русская интеллигенція стала въ своемъ цѣломъ безсословна и внѣклассова не только по духу, но и по составу. Разгромъ интеллигенціи двадцатыхъ годовъ нанесъ смертельный ударъ политическому либерализму, попыткѣ синтеза личности и государства, и вторая четверть XIX-го вѣка властно подавляетъ подобные запросы: наступаетъ гнетущая эпоха оффиціальнаго мѣщанства, та эпоха, о которой можно сказать знаменитыми словами кн. Волконскаго, что въ это время въ Россіи не было общества, а было одно народонаселеніе. Въ предыдущей главѣ мы познакомились съ этой эпохой, съ торжествомъ ея системы; мы

увидимъ теперь, что эпоха оффиціальнаго мѣщанства была въ то же время эпохой высшаго и интенсивнѣйшаго развитія русской интеллигенціи, что системѣ оффиціальнаго мѣщанства не удалось подавить личность и обратить въ „народонаселеніе“ русскую интеллигенцію.

Въ 1825 году погибла русская интеллигенція двадцатыхъ годовъ; приблизительно въ это же время допѣвалъ свои послѣднія пѣсни русскій сентиментальный псевдо-романтизмъ Жуковскаго. Вмѣстѣ съ мужавшимъ Пушкинымъ въ русскую литературу входилъ реализмъ, первымъ и яркимъ проявленіемъ котораго былъ „Евгеній Онѣгинъ“ (до конца 1825 года написана половина) и „Борисъ Годуновъ“; но въ то же самое время мало-по-малу зарождалась новая русская интеллигенція, знаменемъ которой сталъ опять романтизмъ, на этотъ разъ *философскій*. Съ этой вспышки философскаго романтизма начинается исторія русской интеллигенціи второй четверти XIX-го вѣка, а предшественницей этой интеллигенціи тридцатыхъ годовъ является небольшая группа „идеалистовъ“ первой четверти этого столѣтія. Двадцатые и тридцатые годы явились крайне важнымъ подготовительнымъ періодомъ развитія тѣхъ направленій русской общественной мысли, вершина которыхъ приходится уже на сороковые годы.

Этотъ подготовительный періодъ является въ то же время и однимъ изъ наиболѣе блестящихъ періодовъ въ исторіи русскаго идейнаго развитія. По крайней мѣрѣ именно въ эпоху тридцатыхъ годовъ, т. е. въ промежутокъ времени съ 1826-го по 1840-ой годъ, русская интеллигенція въ лицѣ Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Станкевича, Бакунина, Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, Огарева и др. передумываетъ и переживаетъ всю многообразную умственную жизнь Запада, начиная съ философскихъ

системъ Шеллинга и Гегеля и кончая соціалистическими идеалами сенъ-симонизма. „Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы, эхо которой отдалось къ намъ черезъ Балтійское море“, писалъ Бѣлинскій еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ („Литературныя мечтанія“), не подозрѣвая, что находится далеко не въ концѣ этого пути—пути усвоенія и переработки западной мысли. Этотъ процессъ усвоенія Бѣлинскій былъ склоненъ судить очень строго: „мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взрастивши, не взлелѣявши, не создавши сами. За насъ трудились другіе, а мы только брали готовое и пользовались имъ: въ этомъ-то и заключается тайна неимовѣрной быстроты нашихъ успѣховъ и причина ихъ неимовѣрной непрочности“... Это—лучшій эпиграфъ ко всей эпохѣ тридцатыхъ годовъ. Конечно, далеко не „обо всемъ“ переспорили и передумали люди тридцатыхъ годовъ къ тому времени, когда Бѣлинскій писалъ эти слова (1834 г.): русской мысли еще предстояло пройти черезъ фазы фихтіанства и гегельянства, т.-е. совершить существенную часть пути своего развитія; съ другой стороны, люди тридцатыхъ годовъ далеко не „только брали готовое“ изъ области западно-европейской мысли: самъ Бѣлинскій подтверждаетъ, что они всѣ эти взятыя мысли „передумывали“, т.-е. претворяли ихъ въ нѣчто собственное, въ плоть отъ плоти и кость отъ костей своихъ. Но въ общемъ Бѣлинскій правъ, указывая на „неимовѣрную быстроту“ умственнаго развитія и на „неимовѣрную непрочность“ его, какъ на характерный признакъ эпохи тридцатыхъ годовъ; дѣйствительно, тридцатые годы характеризуются, съ одной стороны, быстрымъ ростомъ русской мысли, а съ другой—не менѣе быстрой смѣной разныхъ идейныхъ теченій. Ясно, что оба эти явленія находятся

въ тѣсной причинной связи другъ съ другомъ: быстрая смѣна умственныхъ теченій была слѣдствіемъ бурнаго внутренняго развитія людей тридцатыхъ годовъ и, въ свою очередь, становилась однимъ изъ причинныхъ факторовъ дальнѣйшаго идейнаго роста. Нашей задачей и является возстановленіе всего этого причиннаго ряда; возстановить его—значитъ опредѣлить внутреннюю идейную зависимость эпохи тридцатыхъ годовъ отъ предыдущей и ея вліяніе на послѣдующую, значитъ объяснить эволюцію общественной мысли въ самой эпохѣ тридцатыхъ годовъ.

Люди тридцатыхъ годовъ не были піонерами на этомъ пути разработки западно-европейской мысли. Правда, между ними и людьми двадцатыхъ годовъ, представителями теченія декабризма, была непереходимая пропасть; но существовалъ и тотъ мостъ, который соединялъ въ этомъ отношеніи двадцатые и тридцатые годы. Человѣкъ двадцатыхъ годовъ—Пестель, человѣкъ тридцатыхъ годовъ—Станкевичъ; мы намѣренно беремъ высшихъ представителей той и другой эпохи, такъ какъ въ нихъ ярче видна намъ пропасть, раздѣляющая одного отъ другого. Пестель—до мозга костей раціоналистъ, вѣрный ученикъ французскихъ философовъ XVIII столѣтія, послѣдователь теоріи „Общественнаго договора“, воспитанный на Монтескье, Руссо, Вольтерѣ, Гельвеціи, поклонникъ экономическихъ трактатовъ Сэя и политическихъ памфлетовъ Бенжамэна Констана. Станкевичъ—послѣдователь философскаго и литературнаго романтизма, поклонникъ Шеллинга и Шлегеля, одинъ изъ піонеровъ русскаго гегельянства, врагъ французской философіи, одинаково равнодушный и къ экономикѣ и къ политикѣ. Повидимому, это полный контрастъ; и вполнѣ естественно, что ищутъ объясненія возможности этого контраста въ томъ историческомъ фактѣ, который отдѣляетъ Станкевича отъ Пестеля — въ

14-мъ декабря 1825 года. Станкевичъ, какъ типъ—дитя общественной реакціи начала николаевскаго царствованія; отсюда его исключительно „философскіе“ интересы, его отрицательное отношеніе къ „политикѣ“ и т. п. Въ такомъ объясненіи есть нѣкоторая доля истины, но далеко не вся истина; надо обращать вниманіе не только на внѣшнія условія, но и на внутренній складъ жизни человѣка, на его духовную организацію. Иначе мы никогда не поймемъ, почему рядомъ съ Пестелемъ возможенъ, напримѣръ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, почему рядомъ со Станкевичемъ возможенъ Герценъ; а между тѣмъ преемственная связь между Пестелемъ и Герценомъ настолько же несомнѣнна, насколько и преемственная связь между кружками кн. Одоевскаго и Станкевича. Разница только въ томъ—и причина этой разницы лежитъ, дѣйствительно, въ условіяхъ общественной жизни,—что въ тридцатыхъ годахъ первенствовалъ Станкевичъ надъ Герценомъ (беремъ эти имена, какъ обозначеніе типовъ), а въ двадцатыхъ годахъ — Пестель надъ Одоевскимъ. Связь между этими теченіями такова: кружокъ русскихъ шеллингіанцевъ двадцатыхъ годовъ является тѣмъ мостомъ, который соединяетъ меньшинство интеллигенціи этой эпохи съ большинствомъ людей тридцатыхъ годовъ, точно такъ же, какъ кружокъ Герцена и Огарева является нитью, связывающей меньшую часть интеллигенціи тридцатыхъ годовъ съ громаднымъ большинствомъ людей эпохи декабризма.

Изъ всего этого ясно, что люди тридцатыхъ годовъ не блуждали въ пустынѣ и не были піонерами въ разработкѣ научно-философской мысли Запада и въ борьбѣ противъ теорій французскихъ философовъ XVIII вѣка. Такими піонерами были русскіе шеллингіанцы двадцатыхъ годовъ, считавшіе своимъ родоначальникомъ перваго русскаго ученика

Шеллинга — профессора Велланскаго, и группировавшіеся въ двадцатыхъ годахъ вокругъ другого извѣстнаго профессора-шеллингіанца — М. Г. Павлова, такъ ярко очерченнаго въ воспоминаніяхъ Герцена. И прежде чѣмъ перейти къ изученію общественной мысли тридцатыхъ годовъ, необходимо познакомиться съ міровоззрѣніемъ того меньшинства русской интеллигенціи эпохи декабризма, которое первое проложило дорогу къ философскому и литературному романтизму Шеллинга и Шлегеля.

II.

Родоначальникомъ русскаго шеллингіанства былъ профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Д. М. Велланскій. Въ самомъ началѣ XIX вѣка онъ былъ посланъ въ заграничную командировку для „усовершенія" въ физіологіи, патологіи и гигіенѣ; тамъ онъ сталъ послѣдователемъ знаменитой въ то время въ медицинѣ школы Броуна (Джонъ Броунъ, „Elementa medicinae", 1779 г.). Эта школа Броуна впослѣдствіи восприняла основные элементы философіи Шеллинга; руководителями этой школы были доктора Маркусъ и Решлаубъ (въ Бамбергѣ), открыто признавшіе себя учениками Шеллинга и внесшіе въ медицину основные принципы шеллинговой философіи природы. Послѣдователемъ этой школы сдѣлался и Велланскій [1]), и, такимъ образомъ, первое знакомство съ нѣмецкой философіей произошло въ Россіи подъ эгидой медицины... Уже въ 1805 году Велланскій напечаталъ двѣ работы

[1]) Изъ работъ самого Шеллинга Велланскому несомнѣнно были извѣстны (ибо отразились въ его собственныхъ изслѣдованіяхъ) «Ideen zu einer Philosophie der Natur» и статьи, печатавшіяся въ журналахъ Шеллинга «Zeitschrift für speculative Physik» и «Kritische Journal der Philosophie».

философско-медицинскаго характера, а въ 1812 году выпустилъ въ свѣтъ „*Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей физіологіи*". Книга эта получила широкое распространеніе и можетъ, по справедливости, считаться тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строили свое міровоззрѣніе русскіе шеллингіанцы двадцатыхъ годовъ. И Велланскій былъ совершенно правъ, заявляя впослѣдствіи (въ письмѣ къ кн. В. Одоевскому отъ 17-го іюня 1824 г.): „я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ... которыя... образовались и созрѣли въ Шеллингѣ". Выступившій въ двадцатыхъ годахъ съ проповѣдью шеллингіанства профессоръ Павловъ нашелъ уже почву значительно подготовленной.

Не одному Велланскому принадлежитъ, однако, заслуга подготовки почвы для усвоенія идей нѣмецкой философіи. Еще въ „*Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ*" (1805—1807 гг.) извѣстный въ то время московскій профессоръ Буле напечаталъ критическій разборъ „Vorlesungen über die Methode" etc. Шеллинга, а въ „*Сѣверномъ Вѣстникѣ*" 1805 г. было помѣщено „Письмо о критической философіи" профессора философіи Лубкина; любопытно свидѣтельство нѣкоего фонъ-Хорна, тоже московскаго профессора философіи, что къ 1812 году критическая философія уже распространилась въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, уже въ 1813 году въ Харьковѣ было переведено и напечатано „сочиненіе Ивана Фихта" („Sonnenklarer Bericht über das Wesen" etc.; въ переводѣ озаглавлено: „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи"), а вотчимъ Ивана и Петра Карѣевскихъ, А. А. Елагинъ, бывшій сперва послѣдователемъ Канта, въ 1819 г. перевелъ шеллинговскія „Philosophische Briefe über Dogmatismus und Kriticismus". Вообще Кантъ — и это, какъ мы уви-

димъ, характерно для исторіи русской (и не только русской) мысли и двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ—стоялъ на заднемъ планѣ и всегда былъ заслоненъ то Шеллингомъ, то Фихте, то Гегелемъ; не даромъ Иванъ Кирѣевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ двадцатыхъ годовъ утверждалъ, что „читатели Канта относятся къ читателямъ Шеллинга — какъ 5 къ 5000"... Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что среди части молодежи двадцатыхъ годовъ нѣмецкая философія находила пока немногочисленныхъ, но горячихъ приверженцевъ. По свидѣтельству Надеждина, къ 1820-ому году существовали цѣлые рукописные переводы основныхъ работъ Канта, Фихте и Шеллинга; на торжественныхъ университетскихъ актахъ профессора выступали съ рѣчами, посвященными критикѣ или восхваленію нѣмецкой философіи, особенно въ ея приложеніи къ этикѣ (напр., рѣчи проф. Лубкина и Срезневскаго на актахъ Казанскаго университета въ 1815 и 1817 гг.).

Все это ясно показываетъ, что нѣмецкая философія въ Россіи явилась не сразу во всеоружіи, какъ Аѳина изъ головы Зевса, но прошла долгій и послѣдовательный путь развитія. Къ двадцатымъ годамъ—годамъ расцвѣта декабризма—она была еще достояніемъ меньшинства русской интеллигенціи, но все же съ ней уже начинали считаться. Сторонники политическаго либерализма и французской философіи съ пренебреженіемъ отзывались о „безпонятной Кантовой философіи" („Духъ Журналовъ", 1820 г., ч. IV) и недоумѣвали „по какому чудесному обстоятельству Шеллингъ не преподаетъ ученія своего въ домѣ сумасшедшихъ!" („Вѣстн. Евр.", 1817 г, ч. XCV, стр. 259). И въ то же время въ этихъ журналахъ помѣщались статьи о „безпонятной философіи". Правда, статьи эти помѣщались съ редакціонными оговорками въ такомъ, напримѣръ, родѣ: „просимъ

великодушнаго терпѣнія у читателей. Нѣмецкая галиматья и въ русскомъ переводѣ не можетъ не быть галиматьею же“... (ibid); правда въ журналахъ помѣщались иногда цѣлыя пародіи на „Шеллингову философію“, но все же съ этой „галиматьею“ мало-помалу начинали считаться, а въ нѣкоторыхъ кругахъ ея начинали уже и бояться. Знаменитый разгромъ университетовъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I былъ вызванъ развитіемъ именно нѣмецкой философіи: оффиціальный мистицизмъ конца двадцатыхъ годовъ видѣлъ въ критической философіи своего смертельнаго врага. Магницкій, обезсмертившій свое имя этимъ разгромомъ университетовъ, называлъ философію Шеллинга „богопротивной“ и характеризоовалъ ее, какъ „вольнодумство и развратъ“; профессоръ естественнаго права Солнцевъ былъ уволенъ изъ Казанскаго университета за свое „кантіанство“; за это же нѣсколько позднѣе профессоръ Бѣлоусовъ былъ не только уволенъ, но и высланъ на родину подъ надзоръ полиціи; наконецъ, противъ извѣстнаго въ то время профессора философіи Галича было выставлено обвиненіе, формулированное въ слѣдующихъ безсмертныхъ словахъ: онъ де „явно предпочитаетъ“ язычество - христіанству, распутную философію —дѣвственной Невѣстѣ, церкви Христовой, безбожнаго Канта—Христу, а Шеллинга --Духу Святому...

Конечно, не такому изувѣрному обскурантизму Магницкаго и присныхъ его было остановить развитіе идей нѣмецкой философіи среди людей двадцатыхъ годовъ; и неудивительно, что въ самый разгаръ университетскихъ разгромовъ (1821 — 1823 гг.) въ Москвѣ окрѣпъ и сплотился около профессора Павлова тотъ кружокъ русскихъ шеллингіанцевъ, о которомъ у насъ была уже рѣчь на предъидущихъ страницахъ. Въ 1823 г. организовалось одно литератур-

ное общество (вокругъ литератора Раича, еще и теперь не совсѣмъ забытаго, благодаря сравнительно недурнымъ переводамъ „Неистоваго Орланда“ и „Освобожденнаго Іерусалима“); на засѣданіяхъ этого общества читались рефераты по исторіи, литературѣ, философіи—такъ, напримѣръ, кн. В. Ѳ. Одоевскій читалъ свои переводы изъ Окена, А. И. Кошелевъ—переводы изъ Платона, Д. В. Веневитиновъ—статью „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“. (Эта последняя мысль членовъ кружка объ изданіи журнала скора была осуществлена Полевымъ: въ 1825 году появился „Московскій Телеграфъ“, а нѣсколько позднѣе сами „архивные юноши“ попытались издавать „Московскій Вѣстникъ“, о которомъ рѣчь будетъ ниже). Отъ этого Раичевскаго литературнаго общества вскорѣ отдѣлилось философское общество—тотъ самый кружокъ русскихъ шеллингіанцевъ, о которомъ мы говорили выше; главными членами его были кн. Одоевскій, Веневитиновъ, Иванъ и Петръ Кирѣевскіе, Кошелевъ, Шевыревъ, Погодинъ, Соболевскій и др., а нѣсколько позднѣе—Кюхельбекеръ. Изъ нихъ почти всѣ, за исключеніемъ Одоевскаго, Погодина и Кюхельбекера, служили въ это время въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, почему впослѣдствіи и получили съ легкой руки Соболевскаго и Пушкина, прозвище „архивныхъ юношей“ (см. „Евгеній Онѣгинъ“, гл. VII, строфа XLIX). Роль этихъ „архивныхъ юношей“ и вообще шеллингіанцевъ двадцатыхъ годовъ въ исторіи русской литературы довольно значительна хотя бы по одному тому, что они, повидимому, оказали воздѣйствіе на Пушкина въ области развитія его литературныхъ и эстетическихъ взглядовъ, какъ мы это еще увидимъ ниже. Что же касается ихъ философскаго кружка, который былъ ими окрещенъ „Обществомъ любомудрія“, то кружокъ этотъ былъ закрытый, хотя и имѣвшій

и уставъ и протоколы засѣданій (къ сожалѣнію, сожженные Одоевскимъ послѣ 14-го декабря 1825 г.). Въ литературѣ этотъ кружокъ проявилъ себя изданіемъ четырехтомнаго альманаха „Мнемозина" (1824 г.), въ то время оставшагося мало замѣченныхъ въ широкой публикѣ, но имѣющаго въ настоящее время значительную историко-литературную цѣнность. Мы остановимся на этомъ альманахѣ, поскольку въ немъ отразилось міровоззрѣніе русскихъ шеллингіанцевъ эпохи двадцатыхъ годовъ, сотрудниковъ „Мнемозины" и членовъ упомянутаго выше „Общества любомудрія".

III.

«Любомудріе» было направлено, главнымъ образомъ, противъ французской и англійской философіи, противъ раціонализма и эмпиризма во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. «До сихъ поръ Философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна XVIII вѣка; посему-то мы для отличія и называемъ истинныхъ Философовъ — *Любомудрами*»,—заявлялъ кн. Одоевскій въ «Мнемозинѣ». (Кстати замѣтить, что слово «любомудріе» не впервые введено русскими шеллингіанцами, а постоянно встрѣчается въ русской литературѣ XVIII вѣка, особенно въ масонской). Борьба съ «офранцуженными теоріями»—главная задача «Мнемозины». Первая же книжка этого альманаха открывается извѣстнымъ апологомъ кн. Одоевскаго «Старики или островъ Панхаи»: тамъ старички-младенцы складываютъ песчинку къ песчинкѣ, думая соорудить громадное зданіе—это занятіе называется «опытными знаніями»; другіе старики-младенцы размѣриваютъ землю для этой постройки и каждый мѣритъ своимъ аршиномъ—это занятіе носитъ названіе «офранцуженныхъ теорій»...

А рядомъ съ этими «старпками-младенцами» живутъ «вѣчно-юные старцы», «безсмертные юноши» (конечно, это—идеализированные «архивные юноши»): ихъ немного, «большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей», но они пренебрегаютъ мнѣніемъ толпы стариковъ-младенцевъ и стремятся «къ *возвышенному»*... И наши «архивные юноши» поставили задачей «Мнемозины»—«положить предѣлы нашему пристрастію къ Французскимъ Теорикамъ», показать, что «новое ясное солнце, восходя отъ страны древнихъ Тевтоновъ, уже начинаетъ лучами выспренняго умозрѣнія освѣщать безконечную окружность познаній» («Мнемозина», ч. I, стр. 8—10, 182; ч. IV, стр. 233). Это «выспреннее умозрѣніе» было, конечно, шеллингіанство, легшее въ основу и «Мнемозины» и «Общества любомудрія».

«Вы не можете себѣ представить,—писалъ впослѣдствіи Одоевскій во вступленіи къ своимъ «Русскимъ Ночамъ»,—какое дѣйствіе произвела въ свое время шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ»... Мы не имѣемъ возможности остановиться здѣсь на изложеніи философіи Шеллинга, но во всякомъ случаѣ должны указать на тѣ ея стороны, которыя оказали наиболѣе сильное вліяніе на русскихъ шеллингіанцевъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Такихъ сторонъ двѣ: во-первыхъ, философія природы, оказавшая сильное вліяніе еще на Велланскаго, и, во-вторыхъ, философія искусства, особенно повліявшая на позднѣйшихъ русскихъ шеллингіанцевъ, вплоть до Станкевича. Философія природы была по преимуществу «профессорской философіей» среди русскихъ шеллингіанцевъ: начиная съ 1805 года и вплоть до конца тридцатыхъ годовъ ее неутомимо преподавалъ Велланскій въ цѣломъ рядѣ курсовъ и публичныхъ лекцій; въ московскомъ университетѣ ее не менѣе рьяно пропагандировалъ Павловъ (къ

слову сказать, тоже одинъ изъ сотрудниковъ «Мнемозины», помѣстившій тамъ статью «О способахъ изслѣдованія природы»). Иное дѣло философія искусства - она заинтересовала собою не только спеціалистовъ-философовъ, но и всѣхъ «романтиковъ» двадцатыхъ годовъ, не удовлетворявшихся болѣе старыми «французскими теориками» въ родѣ Батте или Лагарпа. Извѣстно отношеніе Шеллинга къ романтизму, его близкая связь съ Тикомъ, обоими Шлегелями и другими главарями литературнаго романтизма. Шеллингъ по справедливости можетъ считаться философскимъ идеологомъ этого замѣчательнаго теченія начала XIX вѣка, не говоря уже о томъ, что его философія есть въ сущности геніальная романтика. Извѣстна также роль, которую играетъ понятіе «художественнаго творчества» въ конструкціи философіи Шеллинга: роль эта—центральная, лежащая во главѣ угла всей системы трансцендентальнаго идеализма.

Міръ есть единый «всеобщій организмъ», индивидъ есть только обведеніе узкимъ кругомъ, концентрація этого организма; «общимъ идеаломъ природы» является созданіе, творчество такого индивидуальнаго организма, въ которомъ были бы гармонично соединены и абсолютное идивидуальное стремленіе и абсолютный законъ природы (т.-е. свобода и необходимость); послѣдовательныя попытки природы достигнуть этого общаго идеала и составляютъ то, что мы называемъ развитіемъ, эволюціей. Это стремленіе къ творчеству есть въ то же время и органическая сила, сила, присущая каждому организму; «стремленіе къ художественному творчеству» свойственно каждому организму, но во всѣхъ организмахъ, это стоящихъ на ступеняхъ развитія ниже человѣка, творчество является результатомъ не свободы, а необходимости (впослѣдствіи скажутъ—инстинкта); только въ человѣкѣ художественное творчество есть

сознательный актъ—и въ этомъ отношеніи человѣкъ подобенъ творящей природѣ. Весь міръ есть божественное художественное твореніе, весь міръ есть живое произведеніе искусства; человѣкъ въ свою очередь творитъ, и его творчество есть завершеніе, высшая ступень творящей силы природы. Не всякій человѣкъ обладаетъ, однако, эстетическимъ чувствомъ, а тѣмъ болѣе далеко не всякій обладаетъ творческой силой; ею обладаютъ крайне немногіе—геніи. Безъ генія нѣтъ искусства, а есть только ремесленничество, геній и искусство—понятія соотносительныя; міръ, какъ художественное произведеніе, завершается твореніемъ генія. (Здѣсь Шеллингъ философски обосновываетъ ту эстетику романтизма, которая была развита въ литературѣ Шлегелемъ). И именно въ художникѣ-геніи имѣется то соединеніе свободы творчества съ необходимостью формъ, которое, какъ мы знаемъ, является общимъ идеаломъ природы; художникъ создаетъ «безконечное, выраженное въ конечной формѣ—красоту». И, какъ высшее проявленіе творческой силы, какъ завершеніе творящей силы природы, произведеніе геніальнаго художника не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя: цѣль его—въ немъ самомъ, и эта самоцѣль художественнаго произведенія является лучшимъ показателемъ высоты и святости искусства. [1]).

Вотъ та шеллингіанская философія искусства, та романтическая эстетика, которая на долгое время—вплоть до сороковыхъ годовъ—стала господствующей среди русской интеллигенціи и вліяніе которой черезъ посредство «архивныхъ юношей» отразилось даже на Пушкинѣ; вотъ та часть философіи Шеллинга, которая заслонила передъ русскими шеллингіанцами

[1]) Schelling. „System des transcendentalen Idealismus", V, § 3 и VI, §§ 1—2; см. еще его „Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie" и „Ueber das Verhältniss der bildenden Kunste zu der Natur".

всѣ другія ея части. Въ „Мнемозинѣ“ мы найдемъ многочисленныя варіаціи на отмѣченныя нами выше положенія романтической теоріи искусства, выраженной въ терминологіи Шеллинга. Кн. Одоевскій неоднократно подчеркиваетъ, что „міръ Изящный—созданіе человѣка—основанъ на тѣхъ же единыхъ, непремѣнныхъ законахъ, по которымъ движется и міръ Вещественный—созданіе Всемогущаго“ („Мнемозина“, ч. I, стр. 64); въ любопытныхъ „Афоризмахъ изъ различныхъ писателей (?), по части современнаго германскаго любомудрія“, помѣщенныхъ во второй части современнаго германскаго любомудрія», помѣщенныхъ во второй части „Мнемозины“, тотъ же Одоевскій излагаетъ даже основныя положенія шеллинговой теоріи познанія, указывая на тождество субъекта и объекта въ абсолютномъ (по терминологіи Одоевскаго — „идея сего совершеннаго единства Отвлеченнаго съ Вещественнымъ есть *Абсолютъ*», см. ч. II, стр. 82, а также стр. 78—79); тутъ рядомъ Кюхельбекеръ описываетъ свои заграничныя путешествія, свои встрѣчи и бесѣды съ Тикомъ и другими нѣмецкими романтиками. И на засѣданіяхъ „Общества любомудровъ“ разрабатывались тѣ же философскія и литературныя темы, обнаруживалось то же знакомство „архивныхъ юношей“ съ „выспреннимъ умозрѣніемъ“ Шеллинга. Такъ, напримѣръ, прочитанный Веневитиновымъ на одномъ изъ засѣданій отрывокъ «Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ“ показываетъ близкое знакомство автора съ „Philosophie und Religion“ Шеллинга [1]); мы могли бы привести цѣлый рядъ подоб-

[1]) Основная мысль статьи Веневитинова вложена имъ въ уста Анаксагора: „итакъ,—говоритъ онъ Платону,—если я понялъ твою мысль, то золотой вѣкъ дѣйствительно существовалъ и снова ожидаетъ смертныхъ“ (Д. Веневитиновъ, собр. соч. изд. 1862 г., стр. 156). Ср. Schellings Sämmtliche Werke, v. VI, p. 57—59 („Philosophie und Religion“) и „Untersuchungen über die menschliche Freiheit“, ibid., v. VII, p. 375—380.

ныхъ сопоставленій, но и безъ нихъ ясно близкое знакомство русскихъ шеллингіанцевъ этой эпохи съ первоисточникомъ воспринятой ими философской системы.

Люди двадцатыхъ годовъ учились много и упорно; они учились и звали учиться другихъ. Кн. Одоевскій въ „Мнемозинѣ“ перечисляетъ мимоходомъ тѣ журналы, которые знакомы ему и его друзьямъ: это— Isis Окена, Kritische Journal der Philosophie Шеллинга и Гегеля, Zeitschrift für spekulative Physik Шеллинга (1800—1802 гг.), Die Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft его же (1805 г. и сл.), Allgemeine Zeitschrift von Deutschen für Deutsche его же (1813 г.) и мн. др. („Мнемозина“, ч. III, стр. 184). Немногіе въ то время были знакомы даже съ самыми названіями этихъ журналовъ; и Одоевскій имѣлъ полное основаніе иронически вопросить журналистовъ, нападавшихъ на „Мнемозину“ и называвшихъ ее „посредственнымъ изданіемъ“ (см. „Сынъ Отечества“, 1824 г., № 38): „названія мною выставленныя Нѣмецкихъ Журналовъ не почитаете ли за individua изъ натуральной исторіи?..“ („Мнемозина“, ч. III, стр. 186). „Учиться бы, учиться“,— заканчиваетъ Одоевскій свой отвѣтъ, и мы увидимъ, что этими же самыми словами вскорѣ начнетъ свою дѣятельность Бѣлинскій.

„Любомудры“ были хорошо знакомы съ философіей Шеллинга — изъ всего предыдущаго это слѣдуетъ съ достаточной очевидностью: но не менѣе очевидно и то, что „тонъ былъ взятъ въ *Мнемозинѣ* слишкомъ высоко“, по вполнѣ вѣрному замѣчанію П. Милюкова. Не одни невѣжественные сотрудники „Сына Отечества“, но и масса читающей публики той эпохи могла, пожалуй, принять какую-нибудь Isis или Zeitschrift за особую породу животныхъ... Широкіе круги русской интеллигенціи были въ это

время увлечены идеей политической борьбы и въ этой области обладали не меньшими знаніями, чѣмъ „любомудры" въ нѣмецкой философіи; декабристы были хорошо знакомы съ французскими энциклопедистами, со Смитомъ и Сэемъ, съ Бентамомъ, Б. Констаномъ, Детю-де-Тарси и съ успѣхомъ пропагандировали идеи этихъ писателей устно и печатно. „Любомудры" же потерпѣли въ своей пропагандѣ жестокое фіаско, такъ какъ значительная часть интеллигенціи той эпохи была увлечена идеалами и идеями декабризма, а для остальной массы читающей публики „выспреннее умозрѣніе" любомудровъ было китайской грамотой. Понадобилось еще полтора десятилѣтія для того, чтобы провести въ широкую публику это „выспреннее умозрѣніе" въ послѣдовательныхъ формахъ шеллингіанства, фихтіанства и гегельянства; впрочемъ, даже въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ публикѣ такъ отзывались о статьяхъ Бѣлинскаго и его друзей въ „Московскомъ Наблюдателѣ": „тамъ такая все гиль, ничего не разберешь. Все о субъектахъ да объектахъ толкуютъ. Философія съ ума свела" (письмо Панаева къ Бѣлинскому отъ 11 окт. 1838 г.). Мы прослѣдимъ сейчасъ за этимъ послѣдовательнымъ развитіемъ русской общественной мысли тридцатыхъ годовъ, но сперва закончимъ наше знакомство съ московскими любомудрами и съ ихъ дѣятельностью въ литературѣ.

IV.

И прежде всего надо отвѣтить на вопросъ: не было ли все-таки въ проповѣди „любомудровъ" какихъ-либо сторонъ, вошедшихъ въ жизнь, вошедшихъ въ литературу, а не оставшихся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? По нашему мнѣнію такой

стороной является эстетическій индивидуализмъ „любомудровъ“, повидимому отразившійся на Пушкинѣ, хотя нѣкоторые современные „пушкинисты“ и оспариваютъ этотъ фактъ. Правда, по настроенію своему Пушкинъ двадцатыхъ годовъ былъ ближе къ декабризму, а къ нѣмецкой философіи относился почти враждебно и, по свидѣтельству Погодина, „декламировалъ противъ философіи“ и подшучивалъ надъ любомудрами, до которыхъ-де стоитъ лишь прикоснуться пальцемъ, чтобы сразу посыпалась всемірная ученость... Но это не могло помѣшать Пушкину получить въ кругу „любомудровъ“ новый толчекъ въ сторону эстетическаго индивидуализма, съ которымъ была такъ созвучна душа Пушкина. Въ другихъ случаяхъ ихъ вліяніе на Пушкина еще болѣе замѣтно. Такъ, напримѣръ, Анненковъ передаетъ, что Веневитиновъ обратилъ вниманіе Пушкина на Гете (Пушкинъ плохо зналъ нѣмецкій языкъ); въ своемъ посланіи „Къ Пушкину“ Веневитиновъ, дѣйствительно, призываетъ Пушкина „доплатить Каменамъ долгъ вдохновенія“ и послѣ Шенье и Байрона воспѣть Гете; очень вѣроятно предположеніе Анненкова, что написанная вскорѣ Пушкинымъ сцена между Мефистофелемъ и Фаустомъ была прямымъ отвѣтомъ на вызовъ Веневитинова. Наконецъ, до сихъ поръ остался, кажется, неотмѣченнымъ любопытный фактъ вліянія на Пушкина „Мнемозины“: тамъ въ статьяхъ стараго товарища Пушкина, Кюхельбекера, впервые были высказаны оригинальные для того времени взгляды на Байрона и Шекспира,—взгляды, которые Пушкинъ буквально повторилъ годомъ позже и которымъ не измѣнялъ впослѣдствіи (см. „Мнемозина“, ч. III, стр. 172—173 и ср. съ письмомъ Пушкина къ Н. Н. Раевскому отъ сентября 1825 г.).

Другой стороной литературной дѣятельности «лю-

бомудровъ»,—стороной такъ или иначе отразившейся на дальнѣйшемъ теченіи русской литературы—была ихъ борьба съ сентиментальнымъ псевдо-романтизмомъ, которому они, романтики въ душѣ, не могли сочувствовать; если и былъ въ это время подлинный романтизмъ въ русской литературѣ, то ужъ конечно не въ произведеніяхъ Жуковскаго или Марлинскаго, а въ интересныхъ попыткахъ кн. В. Одоевскаго. Тѣмъ интереснѣе борьба его и его друзей съ сентиментальнымъ псевдо-романтизмомъ. Въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» («Мнемозина», 1824 г., ч. II, стр. 37—8) В. Кюхельбекеръ говоритъ: «..что же наша романтика?.. Гдѣ найдемъ ее въ большей части своихъ мутныхъ, ничего не опредѣляющихъ, изнѣженныхъ, безцвѣтныхъ произведеніяхъ? У насъ все *мечта* и *призракъ*, все *мнится* и *кажется* и *чудится*, все только *будто бы*, *какъ бы*, *нѣчто*, *что то*... Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Всѣ мы взапуски тоскуемъ о своей погибшей молодости, до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску... Картины вездѣ однѣ и тѣ же: *луна*, которая—разумѣется—*уныла* и *блѣдна*; скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало; ...изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что то невидимое, что-то невѣдомое;... въ особенности же—*туманъ*: туманы надъ водами, туманъ надъ боромъ, туманы надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя...» Все это—остроумный и мѣткій выпадъ противъ Жуковскаго и его школы, противъ крайностей сентиментальнаго псевдо-романтизма. И кн. В. Одоевскій повторяетъ въ слѣдующемъ томѣ «Мнемозины» эти нападки на псевдо-романтизмъ, указывая, что среди русскаго общества нашлись люди, «кои осмѣлились покинуть *уныніе* и *сладострастіе*, разогнать густые *туманы*, забыть о *лунѣ* и заниматься своимъ совер-

шенствованіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова» (Ibid., ч. III, стр. 129). Мы еще увидимъ, какую роль сыграло это самосовершенствованіе въ міровоззрѣніи наслѣдниковъ «любомудровъ»—людей тридцатыхъ годовъ.

Начиная съ 1827-го года, «любомудры» попробовали приняться за изданіе журнала («Московскій Вѣстникъ»). Во главѣ этого журнала стояли Веневитиновъ, братья Кирѣевскіе, Одоевскій, Пушкинъ, Погодинъ, и Шевыревъ, при чемъ фактически главная работа легла на двухъ послѣднихъ; послѣднее обстоятельство и было одной изъ причинъ быстраго паденія журнала, едва просуществовавшаго четыре года. Къ тому же въ началѣ 1827 года умеръ двадцатидвухлѣтній Веневитиновъ, Кирѣевскіе уѣхали за границу, Одоевскій отдался службѣ—и бывшій кружокъ «любомудровъ» распался навсегда.

Роль «любомудровъ» въ исторіи развитія общественной мысли была сыграна и они сошли со сцены, уступивъ свое мѣсто поколѣнію тридцатыхъ годовъ. Но къ такому утвержденію необходимо прибавить значительную поправку. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить тѣ имена, съ которыми мы встрѣтились выше и въ «Обществѣ любомудровъ» и въ «Московскомъ Вѣстникѣ», чтобы сразу увидѣть тѣсную зависимость между умственными теченіями двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Братья Кирѣевскіе, Хомяковъ (сотрудничавшій въ «Московскомъ Вѣстникѣ»), Кошелевъ,—вѣдь это все такъ называемые «старшіе славянофилы»; кн. Одоевскій въ сороковыхъ годахъ былъ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ славянофильству, а Кюхельбекеръ, въ то время уже сосланный декабристъ, не даромъ получилъ впослѣдствіи за свою литературную дѣятельность двадцатыхъ годовъ наименованіе «перваго славянофила». Но не только имена связываютъ «любомудровъ» двадцатыхъ

годовъ со славянофилами; ихъ связываетъ еще и общность міровоззрѣнія: старшіе славянофилы остались вѣрны основнымъ началамъ философіи Шеллинга, и на этой почвѣ одно время расходились даже со славянофилами младшаго поколѣнія, временно увлекшимися гегельянствомъ (эпизодъ съ диссертаціей К. Аксакова въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ). Младшіе славянофилы вскорѣ отреклись отъ Гегеля и хотя никогда не сдѣлались правовѣрными учениками Шеллинга, но все же несомнѣнно, что славянофильство въ общемъ стояло на почвѣ шеллингіанства. Когда въ 1841—2 гг. Шеллингъ началъ читать въ Берлинѣ лекціи, долженствовавшія служить противоядіемъ противъ гегельянства, то московскіе славянофилы радовались этому началу войны съ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ. Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ склонны были даже объяснять вражду между западничествомъ и славянофильствомъ гегельянствомъ перваго и шеллингіанствомъ второго, коренным различіемъ въ міровоззрѣніяхъ шеллингіанцевъ двадцатыхъ годовъ и гегельянцевъ тридцатыхъ [1]). Въ этомъ заключена нѣкоторая доля истины, а потому и значеніе шеллингіанцевъ двадцатыхъ годовъ въ исторіи русскихъ умственныхъ теченій не должно быть преуменьшаемо историками русской общественности. Рядомъ съ декабристами, составлявшими большинство русской интеллигенціи той эпохи, небольшая группа русскихъ шеллингіанцевъ является тѣмъ мостомъ, который соединяетъ двѣ эпохи русской жизни, разъединенныя 1825-мъ годомъ, той нитью, которая связываетъ меньшинство русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ съ большинствомъ русской интеллигенціи послѣдующаго десятилѣтія.

---

[1]) См. Письмо Шевырева къ И. Аксакову (1862 г.); Колюпановъ, «Біографія А. И. Кошелева», т. I, кн. II, стр. 131.

V.

Люди тридцатыхъ годовъ вступали въ жизнь съ совершенно иными впечатлѣніями, чѣмъ предшествовавшее имъ поколѣніе. Одоевскій, Веневитиновъ, Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій въ возрастѣ десяти-пятнадцати лѣтъ были свидѣтелями того духовнаго подъема, который былъ въ Россіи по окончаніи наполеоновскихъ войнъ; Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Огаревъ въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ были свидѣтелями того духовнаго разгрома, который послѣдовалъ послѣ неудачи декабрьскаго возстанія. Правда, Герценъ и Огаревъ иначе реагировали на эти впечатлѣнія, чѣмъ Станкевичъ или Бѣлинскій, но это служитъ только лишнимъ доказательствомъ того положенія, что нельзя выводить міровоззрѣнія эпохи исключительно изъ условій соціальной жизни и среды. Кружокъ Герцена и Огарева явился прямымъ идейнымъ преемникомъ декабризма какъ въ отношеніи политическихъ идеаловъ, такъ и въ отношеніи зависимости отъ французскихъ соціальныхъ теченій, въ то время какъ кружокъ Станкевича продолжалъ изученіе нѣмецкой философской мысли и въ этомъ отношеніи былъ преемственно связанъ съ московскими «любомудрами» двадцатыхъ годовъ. Эти два кружка рѣзко расходились между собою: членамъ кружка Станкевича, по воспоминаніямъ Герцена, «не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное; они считали насъ фрондерами и французами, мы ихъ—сантименталистами и нѣмцами»... Повторилось mutatis mutandis взаимоотношеніе между политиками и философами двадцатыхъ годовъ, съ той разницей, что теперь «сантименталисты и нѣмцы»

заняли господствующее положеніе: у нихъ было громадное преимущество — возможность выступить съ открытой проповѣдью своихъ воззрѣній. Соціальныя условія не породили это философское теченіе тридцатыхъ годовъ, но только создали благопріятную почву для его открытаго развитія. Кружокъ Герцена могъ развиваться только въ подпольѣ и вскорѣ былъ разсѣянъ по лицу земли русской; исторія умственныхъ теченій тридцатыхъ годовъ — это исторія кружка Станкевича.

Станкевичъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Боткинъ, К. Аксаковъ, нѣсколько позднѣе Грановскій и Катковъ, dii minores въ родѣ Клюшникова и Красова — вотъ главные члены кружка, сыгравшаго такую видную роль въ исторіи развитія общественной мысли тридцатыхъ годовъ. Съ теченіемъ времени нѣкоторые (напримѣръ, К. Аксаковъ) отдѣлились отъ этого кружка, другіе, наоборотъ, присоединились къ нему (напр., Боткинъ), но это не мѣшало кружку въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія быть единымъ и цѣлымъ по духу и направленію. Кстати будетъ замѣтить, что никогда этотъ такъ называемый «кружокъ Станкевича» не былъ такимъ сформировавшимся кружкомъ, какимъ было въ свое время «Общество любомудровъ»; кружокъ Станкевича — это только группа друзей и близкихъ знакомыхъ, соединенная не уставомъ и протоколами засѣданій, а исключительно общностью эстетическихъ, этическихъ и идейныхъ интересовъ. Связующимъ центромъ служило то обаяніе личности Станкевича, которое создало ему положеніе главы кружка, несмотря на то, что его познанія не превышали средняго уровня познаній остальныхъ членовъ группы; въ этомъ отношеніи Станкевичъ — полная противоположность слѣдующему послѣ Станкевича главѣ кружка, Бакунину, который невольно подчинялъ

себѣ силой своей отвлеченной мысли, но вовсе не обаяніемъ своей личности. Эти два человѣка стояли во главѣ русской общественной мысли тридцатыхъ годовъ: первая половина этой эпохи (до 1835—6 гг.) отмѣчена вліяніемъ Станкевича, вторая половина—вліяніемъ Бакунина.

«Огромная субстанція»—такъ однажды охарактеризовалъ Станкевича Бѣлинскій; и какъ ни курьезно подобное выраженіе, но оно достаточно ясно показываетъ, какого мнѣнія о Станкевичѣ были его друзья. Какъ и въ чемъ проявила бы себя эта огромная субстанція, мы этого не знаемъ: Станкевичъ, подобно Веневитинову, умеръ молодымъ, на порогѣ вступленія въ дѣйствительную жизнь; послѣ него осталось только десятка четыре стихотвореній (очень слабыхъ), дѣтская трагедія («Василій Шуйскій»), два-три прозаическихъ отрывка.. Литературная цѣнность всего этого крайне невелика, значеніе же для характеристики самого Станкевича—громадно; еще большее значеніе для пониманія теченій тридцатыхъ годовъ имѣетъ переписка Станкевича, изданная вскорѣ послѣ его смерти. Изъ ряда писемъ Станкевича мы видимъ, какъ малопо-малу развивалось въ его кружкѣ изученіе философскихъ вопросовъ и въ какой преемственной связи находилась общественная мысль тридцатыхъ и двадцатыхъ годовъ.

Связь эта была самая непосредственная уже по одному тому, что ближайшимъ учителемъ Станкевича былъ тотъ же профессоръ Павловъ, который десятью годами ранѣе былъ наставникомъ Веневитинова; Станкевичъ жилъ у Павлова съ 1830 до 1833 года, слушая одновременно его лекціи по физикѣ, т.-е., иначе говоря, проходя курсъ шеллингіанства. Въ письмахъ 1833 года у Станкевича попадаются выраженія, указывающія на знакомство съ «любо-

мудрами» (Веневитиновымъ, Кирѣевскимъ, Одоевскимъ), а иногда и на согласіе съ ихъ взглядами; такъ, напримѣръ, по вопросу о поэтическомъ творчествѣ Станкевичъ заявляетъ: «я согласенъ съ Одоевскимъ» (письмо къ Невѣрову отъ 24-го іюля 1833 г.). А согласіе съ Одоевскимъ въ данномъ случаѣ было согласіемъ съ романтической теоріей искусства, съ шеллингіанской эстетикой; точкой соприкосновенія «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ и кружка Станкевича было именно искусство и шеллингіанская точка зрѣнія на него. Эстетика была тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, съ котораго, подъ знакомъ шеллингіанства, началась постройка міровоззрѣнія людей тридцатыхъ годовъ; они пришли затѣмъ къ фихтіанской этикѣ и гегельянской логикѣ — и таким образомъ, «красота», «правда» и «истина» завершали собой полный кругъ развитія общественной мысли тридцатыхъ годовъ. Въ первой стадіи этого развитія отразилось сильное вліяніе Станкевича, шеллингіанская эстетика котораго раздѣлялась и Бѣлинскимъ въ его первыхъ статьяхъ.

«Искусство дѣлается для меня божествомъ, и я твержу одно: дружба (или любовь — послѣдняя родъ, первая лучшій изъ видовъ и священнѣйшій) и искусство. Вотъ міръ, въ которомъ человѣкъ долженъ жить, если не хочетъ стать на ряду съ животными! вотъ благородная сфера, въ которой онъ долженъ поселиться, чтобы быть достойнымъ себя!..» — такъ говоритъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 18-го мая 1833 г.). О любви и ея значеніи у людей тридцатыхъ годовъ мы говорить не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ съ достаточной подробностью разработанъ П. Милюковымъ въ его очеркахъ «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ» и такъ какъ, во-вторыхъ, насъ здѣсь интересуетъ, главнымъ образомъ, исторія умственныхъ теченій этой эпохи;

но нельзя не замѣтить, что вышеприведенная постановка вопроса — главенство чувства и искусства — вполнѣ характеризуетъ собою тридцатые годы и особенно первую ихъ половину. Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 19-го іюня 1833 года) Станкевичъ предлагаетъ своему другу «ограничиться (въ ихъ перепискѣ) чувствомъ и искусствомъ: мы живемъ въ этихъ двухъ мірахъ, до другихъ міровъ намъ съ тобою дѣла нѣтъ»... Въ этихъ словахъ — цѣлая программа русскаго шеллингіанства тридцатыхъ годовъ, отразившаяся и въ литературѣ черезъ посредство статей Бѣлинскаго перваго періода его дѣятельности.

VI.

Итакъ, тридцатые годы начали съ шеллингіанства. Въ томъ самомъ году, когда тихой смертью умиралъ «Московскій Вѣстникъ» — послѣднее литературное дѣтище «любомудровъ» — въ Москвѣ появился Станкевичъ (1830 г.), годомъ раньше — Бѣлинскій, годомъ позже въ университетъ поступилъ К. Аксаковъ; въ 1831 году всѣ они уже были знакомы другъ съ другомъ, и въ тѣсномъ студенческомъ кружкѣ снова началась разработка міровыхъ вопросовъ, началось «передумываніе и перечувствованіе умственной жизни Европы», по знакомымъ намъ уже словамъ Бѣлинскаго. Мы видѣли только-что, что въ началѣ это было скорѣе перечувствованіе,. чѣмъ передумываніе; романтическая эстетика Шеллинга была не столько воспринята, сколько просто принята русскими шеллингіанцами тридцатыхъ годовъ. Однако, уже въ началѣ 1833 года Станкевичъ пишетъ своему другу (Невѣрову) рядъ писемъ философскаго характера, озаглавливая ихъ «Моя метафизика» (два письма написано, третье начато), въ

которыхъ варьируютъ основоположенія не только шеллингіанской эстетики, но и системы трансцендентальнаго идеализма въ ея цѣломъ. Природа есть постоянное саморожденіе, «жизнь природы есть непрерывное творчество», а индивидуумъ есть концентрація общей жизни природы—съ такого повторенія знакомыхъ намъ положеній Шеллинга начинаетъ Станкевичъ эти свои философскія письма. Эта природа и эта жизнь въ цѣломъ есть Разумѣніе: «все (das All) есть жизнь, а жизнь дѣйствуетъ разумно, слѣдовательно сопряжена съ Разумѣніемъ». По законамъ этого Разумѣнія развивается вся жизнь, причемъ «роды существъ составляютъ лѣстницу, по которой жизнь, разумѣющая себя въ цѣломъ, идетъ къ самоуразумѣнію въ недѣлимыхъ». Послѣдней ступенью такой лѣстницы является человѣкъ, въ которомъ «жизнь, разумѣющая себя въ цѣломъ, уразумѣла себя отдѣльно»... «Онъ есть центръ этой жизни въ миніатюрѣ». Какъ видимъ, все это является только перефразировкой приведенныхъ нами выше основныхъ положеній философіи Шеллинга; но любопытно видѣть, къ чему приходитъ въ концѣ концовъ Станкевичъ: онъ приходитъ снова къ провозглашенію примата чувства. Заявивъ, что жизнь есть разумѣніе (познаваніе), дѣйствованіе и чувствованіе, Станкевичъ продолжаетъ: «если жизнь есть разумъ, если жизнь есть воля, то она есть чувство по преимуществу. Вся она держится чувствомъ—въ недѣлимыхъ, начавшихъ сознавать себя отдѣльно, чувство это обнаруживается любовью... Любовь!.. для меня съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни. Жизнь есть любовь»... (Станкевичъ, «Собр. соч.», стр. 148—155; ср. «Переписка», стр. 17—24). О значеніи любви для идеалистовъ тридцатыхъ годовъ мы уже упоминали выше; здѣсь важнѣе подчеркнуть еще разъ тотъ приматъ чувства, который такъ ха-

рактеренъ для всего поколѣнія Станкевича и его друзей.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ всѣхъ этихъ идей кружка явился, какъ извѣстно, Бѣлинскій, о которомъ подробная рѣчь впереди. Соединяя въ себѣ тонкую философскую организацію, (по выраженію о немъ кн. В. Одоевскаго) съ пылкимъ, неистовымъ «чувстомп», съ проницательнымъ критическимъ взглядомъ и съ большой эрудиціей въ области исторіи русской литературы, онъ былъ созданъ для того, чтобы сдѣлаться величайшимъ русскимъ критикомъ. Примать чувства, провозглашавшійся Станкевичемъ, былъ съ тѣмъ большей силой выставленъ Бѣлинскимъ, что послѣдній отъ природы былъ, по собственному выраженію, «дико страстной натурой», за что и заслужилъ отъ своихъ друзей наименованіе неистоваго, «Bessarione furioso». По выраженію Герцена, Бѣлинскій былъ «человѣкомъ экстремы», никогда не останавливавшимся посрединѣ пути рѣшенія проклятыхъ вопросовъ; онъ всегда шелъ напроломъ до крайняго вывода «и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ» («Былое и Думы», гл. XXV). Не даромъ одинъ изъ членовъ кружка Станкевича, Клюшниковъ, охарактеризовалъ Бѣлинскаго шуточнымъ четверостишіемъ:

Аполлонъ мой, Аполлонъ,
Аполлонъ мой Бельведерскій!
Виссарьонъ мой Виссарьонъ,
Виссарьонъ мой вельми дерзкій!

Этому «вельми-дерзкому» и «дико-страстному Bessarione furioso» выпало на долю быть яркимъ выразителемъ умственныхъ теченій тридцатыхъ (и сороковыхъ) годовъ; въ первую половину тридцатыхъ годовъ онъ шелъ рука объ руку со Станкевичемъ, былъ апологетомъ «чувства» и утверждалъ, что чувство и искусство—міръ, въ которомъ долженъ жить

человѣкъ. Въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ» (1834 г.) Бѣлинскій исходилъ изъ той самой романтической теоріи искусства, которая была принята еще «любомудрами» двадцатыхъ годовъ и которая перешла по наслѣдству и въ кружокъ Станкевича. Если мы вспомнимъ приведенныя выше основоположенія шеллингіанской эстетики, то сразу увидимъ родство съ ними утвержденій Бѣлинскаго, что міръ есть проявленіе въ безчисленныхъ формахъ единой абсолютной идеи, что «поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы» (Шеллингъ говорилъ о поэтическомъ творчествѣ, какъ о завершеніи творящей силы природы), что воспроизведеніе этой творящей силы—единая цѣль искусства. Шеллингіанская эстетика всецѣло принималась, какъ видимъ, Бѣлинскимъ; повидимому къ этому времени онъ воспринялъ и ту шеллингіанскую «метафизму», которую Станкевичъ излагалъ въ своихъ письмахъ за полтора года до этого (по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать слѣдующее мѣсто изъ письма Станкевича къ Бѣлинскому отъ 30-го октября 1834 г.: «..не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовлетворить тебя не болѣе старой...»). Несомнѣнно, однако, что, воспринявъ такимъ образомъ шеллингіанство изъ кружка Станкевича, Бѣлинскій хорошо видѣлъ, насколько не хватаетъ всему этому русскомъ шеллингіанству твердой опоры— упорнаго и настойчиваго изученія тѣхъ философскихъ системъ, которыя слишкомъ поверхностно принимались людьми тридцатыхъ годовъ: «Мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взрастивши, не взлелѣявши, не создавши сами», слышали мы уже отъ Бѣлинскаго. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что призывъ къ «ученью», заканчивающій собою «Литературныя мечтанія», былъ направленъ Бѣлинскимъ не только ко всей массѣ

русскаго общества, но и къ тому кружку, членомъ котораго онъ состоялъ. «...Новое поколѣніе,—пишетъ Бѣлинскій,—вмѣсто того чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предается изученію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ»... «Теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!..» И тридцатые годы стали, дѣйствительно, эпохой упорнаго, настойчиваго и кропотливаго изученія тѣхъ источниковъ, въ которыхъ въ то время можно было искать живую воду просвѣщенія.

VII.

Начало положилъ Станкевичъ, принявшійся за упорное изученіе первоисточниковъ нѣмецкой философіи. «Не знаю, достанетъ ли у меня терпѣнія и силъ,—писалъ онъ,—а я займусь ею (философіею). Скучны формы, въ которыя она заключена, но мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, быть можетъ, съ Божьей помощью облегчимъ трудъ его» (отъ 10-го ноября 1835 г.). Эти слова явились програмой дѣйствій Станкевича; немедленно по окончаніи университета онъ снова принимается за Шеллинга, желая изученіемъ философіи очистить путь для научнаго пониманія исторіи, которая привлекательна для Станкевича, какъ «огромная задача философская». Но исторія вскорѣ отошла для него на второй планъ, и Станкевичъ рѣшительно углубляется въ философію Мы вкратцѣ отмѣтимъ главнѣйшіе этапы его развитія, такъ какъ они характерны не только для одного его, но и для исторіи общественной мысли тридцатыхъ годовъ. Станкевичъ началъ, какъ мы сказали, съ детальнаго изученія философіи Шеллинга; недовольный своими поверхностными познаніями, Станкевичъ, по окончаніи университета, бе-

рется за «Систему трансцендентальнаго идеализма» и изучаетъ ее вплотную. Прочтя эту книгу въ сентябрѣ 1834 года, онъ пишетъ: «Я понялъ цѣлое ея строеніе, тѣмъ болѣе, что оно было мнѣ напередъ довольно извѣстно; но плохо понимаю *цементъ*, которымъ связаны различныя части этого зданія, и теперь разбираю его понемногу»... Черезъ мѣсяцъ онъ сообщаетъ, что читаетъ «Систему» Шеллинга во второй разъ: «Теперь я гораздо болѣе понимаю Шеллинга, нежели въ первый разъ,—прибавляетъ Станкевичъ,—хотя и потѣю иногда»... Еще черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ, что Шеллинга «кончилъ и отложилъ надолго, очень надолго...»; однако, не прошло и полугода, какъ онъ сообщаетъ: «Съ Клюшниковымъ мы читаемъ одинъ разъ въ недѣлю Шеллинга... Надобно еще изучить получше Шеллинга»... (письма къ Невѣрову отъ 19-го сентября, 16-го октября, 20-го ноября 1834 г. и 28-го марта 1835 г.). Это кропотливое изученіе философіи Шеллинга привело Станкевича къ сознанію необходимости предварительнаго изученія Канта, который, какъ мы знаемъ, былъ распространенъ среди русской интеллигенціи десятыхъ годовъ, но былъ вытѣсненъ Шеллингомъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи.

«Теперь мы съ Клюшниковымъ принялись за Канта,—пишетъ Станкевичъ въ ноябрѣ 1835 г.;— мы съ нимъ читали Шеллинга, и если не поняли вполнѣ его хода, его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобы возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе — система Канта». И Станкевичъ съ друзьями усердно принялся за изученіе Канта; къ этому времени относится, отмѣтимъ кстати, дружба Станкевича съ Бакунинымъ, котораго Станкевичъ «засадилъ за фи-

лософію» и который «по Канту... выучился по-нѣмецки» («Былое и Думы», гл. XXV). «Пришли мнѣ, другъ, два экземпляра «Критики чистаго разума» Канта, — пишетъ Станкевичъ въ началѣ ноября 1835 года, — одинъ мнѣ, другой Клюшникову. Пожалуйста, поскорѣе! Свою я отослалъ къ Мишелю (Бакунину)». Мѣсяцемъ позже онъ проситъ своего друга прислать ему двухтомную монографію Вейлера «Philosophie der Kant» и жалуется, что у него «нѣтъ человѣка, который бы могъ объяснить мнѣ темное въ Кантѣ» (изъ того же письма можно видѣть, что такимъ «темнымъ» мѣстомъ въ «Критикѣ чистаго разума» былъ для Станкевича отдѣлъ дедукціи категорій). Но система Канта была или слишкомъ трудна, или слишкомъ суха для идеалистовъ тридцатыхъ годовъ; занявшись съ полгода «Критикой чистаго разума», Станкевичъ откровенно признается: «Хочется ее поскорѣй окончить, чтобы заниматься чѣмъ-нибудь болѣе отраднымъ. Эту ступень надо перейти».. (письма къ Невѣрову отъ 4-го, 10-го ноября, 2-го декабря 1835 г. и 16-го марта 1836 г.). Такимъ образомъ, въ исторіи русскаго идейнаго развитія тридцатыхъ годовъ Кантъ сыгралъ только роль промежуточнаго звена между Шеллингомъ и Фихте; отъ Канта спѣшили скорѣе отдѣлаться, чтобы перейти къ системамъ, болѣе отвѣчающимъ характеру и настроенію идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. Только-что окончавъ «Критику чистаго разума» Канта, Станкевичъ и Бакунинъ принимаются за изученіе философіи Фихте: лѣто 1836 г. Бакунинъ проводитъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, «втаскивая» послѣдняго въ «фихтіанскую отвлеченность», по выраженію самого Bessarione furioso; это же лѣто Станкевичъ проводитъ на Кавказѣ и дорогою туда знакомится съ «Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen» Фихте. Субъективный идеализмъ Фихте

перевернулъ вверхъ дномъ всѣ философскія воззрѣнія друзей; чтеніе Фихте «произвело мнѣ такой сумбуръ въ головѣ,—признается Станкевичъ,—возможность котораго я и не подозрѣвалъ». И эта возможность снова заставляетъ Станкевича повторить призывъ Бѣлинскаго къ «ученью»: «Теперь уже нельзя остановиться, теперь—впередъ! Нѣтъ! Знанія! Возможно отчетливаго знанія!» (письмо къ Невѣрову отъ 21-го апрѣля 1836 г.). «Изъ Фихте я уже provижу возможность другой системы», - заканчиваетъ Станкевичъ; и въ этомъ случаѣ онъ предугадалъ ходъ русскаго умственнаго развитія той эпохи, для котораго Фихте, подобно Канту, оказался промежуточной ступенью между Шеллингомъ и Гегелемъ.

Періодъ фихтіанства былъ крайне непродолжительнымъ въ исторіи русской общественной мысли тридцатыхъ годовъ, незначительно было и отраженіе фихтіанства въ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ философіи Шеллинга люди тридцатыхъ годовъ нашли отвѣтъ на свои этическіе запросы, въ философіи Фихте они хотѣли найти рѣшеніе этическихъ проблемъ. Конечно, теорія познанія Фихте произвела нѣкоторый «сумбуръ въ головахъ» такихъ людей, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій; признаніе Станкевича мы слышали, извѣстно подобное же признаніе Бѣлинскаго (въ письмѣ къ Бакунину отъ 21-го ноября 1837 г.); но главное вниманіе друзей было обращено не на фихтіанскую теорію познанія, а на фихтіанскую этику. И въ этомъ кратковременномъ періодѣ фихтіанства люди тридцатыхъ годовъ передумывали, главнымъ образомъ, этическіе вопросы: о «жизни въ духѣ», о такъ называемомъ состояніи «благодати», о «нравственной точкѣ зрѣнія», о «внѣшней жизни» и «жизни абсолютной» и т. п. (Почти вся эта терминологія—изобрѣтеніе Бакунина; она характеризуетъ собою русское фихтіанство). Станкевичъ стоялъ въ

сторонѣ отъ этого фихтіанства: онъ уже собирался въ это время ѣхать въ Берлинъ для изученія философіи Гегеля; Бакунинъ и Бѣлинскій были главными выразителями этого теченія середины тридцатыхъ годовъ. Этотъ періодъ фихтіанства дѣлитъ тридцатые годы на двѣ части: первая половина тридцатыхъ годовъ ознаменована шеллингіанствомъ и духовной гегемоніей Станкевича; вторая половина характеризуется гегельянствомъ и идейнымъ главенствомъ Бакунина. Посрединѣ стоитъ короткій періодъ фихтіанства, продолжавшійся около года—съ середины 1836 до осени 1837 года—и явившійся во всѣхъ отношеніяхъ періодомъ переходнымъ. Бѣлинскій впослѣдствіи весьма отрицательно относился къ этому періоду своего развитія, къ этимъ поискамъ путей для рѣшенія вѣчнаго вопроса «какъ жить свято?» (впослѣдствіи основного вопроса «кающихся дворянъ»): «Боже мой, какая это была жизнь!—вспоминалъ Бѣлинскій нѣсколько лѣтъ спустя (въ письмѣ къ Станкевичу отъ 19-го апрѣля 1839 г.):—нравственная точка зрѣнія погубила было для меня весь цвѣтъ жизни, всю ея поэзію и прелесть!» Вся жизнь Бѣлинскаго въ этотъ періодъ фихтіанства уходила на детальный самоанализъ, на мучительное «рефлектированіе», на стремленіе достигнуть состоянія «благодати» и зажить «внутренней жизнью»; въ этомъ и состояла та «фихтіанская отвлеченность», которая, подъ угломъ зрѣнія Бакунина, привела Бѣлинскаго къ убѣжденію, что «идеальная-то жизнь (т.-е «внутренняя жизнь», жизнь въ духѣ) есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота». Субъективно-нравственная точка зрѣнія, страшная идея долга, абстрактный героизмъ, прекраснодушная война съ дѣйствительностью—такъ впослѣдствіи самъ Бѣлин

скій характеризовалъ главные пункты фихтіанскаго символа вѣры 1836—7 годовъ. Онъ успѣлъ ихъ затронуть мимоходомъ въ статьѣ про книгу «Опытъ системы нравственной философіи»— чуть ли не единственной статьѣ, отразившей взгляды русскаго фихтіанства, которое, какъ видно изъ всего изложеннаго, гораздо дальше отстояло отъ Фихте, чѣмъ русское шеллингіанство отъ Шеллинга: то, что Бѣлинскій называлъ «фихтіанскимъ взглядомъ», имѣло въ сущности очень мало точекъ соприкосновенія съ философіей Фихте. Но этотъ «фихтіанскій взглядъ» и удержался недолго: мы уже сказали, что онъ былъ только промежуточной ступенью между шеллингіанствомъ первой половины и гегельянствомъ второй половины тридцатыхъ годовъ.

VIII.

Первымъ за Гегеля взялся Станкевичъ. «Гегеля я еще не знаю»,—пишетъ Станкевичъ послѣ изученія Шеллинга и Канта; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сообщаетъ: «Жду Гегеля изъ Риги» (письма къ Невѣрову отъ 10-го ноября 1835 г. и 16-го марта 1836 г.). Въ это же время Станкевичъ переводитъ большую статью Вильма «Опытъ о философіи Гегеля», напечатанную въ «Телескопѣ» 1835 г., а въ концѣ 1837 года ѣдетъ въ Берлинъ и упорно изучаетъ тамъ «Логику» Гегеля; еще до своего пріѣзда въ Берлинъ онъ шутливо пишетъ своему другу: «Поцѣлуй ручку у Грановскаго и погладь его по головѣ за то, что онъ занимается дѣломъ и начинаетъ признавать достоинство Егора Ѳедоровича Гегелева» (письмо къ Невѣрову отъ 24-го сентября 1837 г.; Невѣровъ и Грановскій были въ это время въ Берлинѣ). Черезъ Станкевича познакомился съ Гегелемъ

и Бакунинъ, впервые «просмотрѣвшій» лѣтомъ 1837 года «Философію права» Гегеля. Съ этого времени идейная гегемонія переходитъ къ Бакунину; Станкевичъ уже не вернулся изъ-за границы.

«Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа (осенью 1837 года), — разсказывалъ впослѣдствіи Бѣлинскій, — пріѣзжаетъ Бакунинъ, мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся» (письмо къ Станкевичу, сентябрь—октябрь 1839 г.). Въ это же время Катковъ познакомился съ «Эстетикой» Гегеля и подѣлился новыми свѣдѣніями съ Бѣлинскимъ. «Боже мой! — восклицаетъ послѣдній, — какой новый, свѣтлый, безконечный міръ!» Преодолѣвъ философію права и эстетику Гегеля, друзья Бѣлинскаго добрались и до его «Логики». въ которой увидѣли окончательный путь къ истинѣ; если Шеллингъ далъ имъ твердую опору для эстетики, а Фихте былъ исходнымъ пунктомъ ихъ этики, то Гегель сталъ ихъ руководителемъ въ области «логики», въ области отысканія истинныхъ теоретико-познавательныхъ нормъ. Какъ упорно и настойчиво русскіе гегельянцы добивались полнаго уразумѣнія всей системы Гегеля, это видно хотя бы изъ того извѣстнаго мѣста «Былого и Думъ», которое посвящено характеристикѣ русскихъ гегельянцевъ конца тридцатыхъ годовъ. Герценъ вспоминаетъ, что члены кружка Станкевича безпрестанно толковали о феноменологіи и логикѣ Гегеля, что «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей», что «всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались

до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней» (гл. XXV).

Мы не имѣемъ возможности остановиться здѣсь на сравненіи философіи Гегеля съ ея отраженіемъ въ головахъ русскихъ гегельянцевъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отраженіе это было крайне своеобразнымъ. Саморазвивающаяся идея, ступени ея развитія (тезисъ, антитезисъ, синтезисъ), проявленіе ея въ конкретной дѣйствительности—всѣ эти и имъ подобныя формы были усвоены русскимъ гегельянствомъ, но очень часто въ эти формы выкладывалось совершенно своеобразное содержаніе. Достаточно указать на то, что центральнымъ пунктомъ русскаго гегельянства стало знаменитое, съ легкой руки Бакунина и Бѣлинскаго, положеніе: «что дѣйствительно, то разумно и что разумно, то дѣйствительно,»—положеніе второстепенное по своему значенію въ философской системѣ Гегеля. Къ тому же и это положеніе было понято Бакунинымъ и Бѣлинскимъ въ двухъ совершенно различныхъ смыслахъ: для Бакунина «разумная дѣйствительность» была адекватнымъ выраженіемъ въ терминахъ гегельянства «внутренней жизни» (по прежней фихтіанской терминологіи), въ то время какъ Бѣлинскій подъ «разумной дѣйствительностью» сталъ понимать дѣйствительность реальную. Это пониманіе Бѣлинскаго въ высшей степени важно, какъ показатель начала конца эпохи русскаго философскаго романтизма; переходомъ отъ идеализма къ реализму закончилась эпоха тридцатыхъ годовъ.

Органомъ русскаго гегельянства былъ журналъ Бѣлинскаго и Бакунина «Московскій Наблюдатель», издававшійся ими около года (1838—1839 г.). Въ журналѣ этомъ Бакунинъ помѣстилъ переводъ «Гимназическихъ рѣчей» Гегеля, со своимъ крайне интереснымъ для исторіи русскаго гегельянства пре-

дисловіемъ, въ которомъ рѣзко осуждается Фихте за «разрушеніе всякой объективности, всякой дѣйствительности», за «погруженіе отвлеченнаго пустого Я въ самолюбивое, эгоистическое самосозерцаніе». Это выставленіе на первый планъ объективности и дѣйствительности вскорѣ довелъ до послѣднихъ логическихъ предѣловъ «вельми дерзкій Виссаріонъ» въ рядѣ статей, помѣщенныхъ уже въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1839—1840 гг.). Мы не будемъ подробно останавливаться на исторіи преклоненія Бѣлинскаго передъ разумной дѣйствительностью, такъ какъ здѣсь мы отмѣчаемъ только въ общихъ чертахъ основныя теченія общественной мысли тридцатыхъ годовъ и такъ какъ о Бѣлинскомъ подробная рѣчь впереди; отмѣтимъ здѣсь только, что свое преклоненіе и передъ «объективностью» и передъ всякой дѣйствительностью Бѣлинскій, какъ «человѣкъ экстремы», довелъ до послѣдняго предѣла. Отсюда его яростныя нападки на Шиллера, какъ на «субъективнаго» поэта, отсюда его благоговѣніе передъ «разумностью» самыхъ темныхъ сторонъ русской общественной жизни. Что касается борьбы Бѣлинскаго съ «субъективностью», то онъ только довелъ до логическаго конца отмѣченныя выше нападки Бакунина на Фихте за его «разрушеніе всякой объективности». «Бакунинъ провозгласилъ,— разсказывалъ нѣсколько позднѣе Бѣлинскій,— что истина только въ объективности и что въ поэзіи субъективность есть отрицаніе поэзіи, что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а не черезъ содержаніе, потому, что само содержаніе высказывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ, тамъ нѣтъ искусства. Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей, и неистовыя проклятія посыпались на благороднаго адвоката человѣчества у людей— Шиллера. Учитель

мой возмутился духомъ, увидѣвъ слишкомъ скорые и слишкомъ обильные и сочные плоды своего ученія, хотѣлъ меня остановить, но поздно: я уже сорвался съ цѣпи и побѣжалъ благимъ матомъ»... То же самое повторилось и въ вопросѣ о «дѣйствительности». Бѣлинскій пошелъ дальше кого бы то ни было изъ своихъ друзей въ признаніи разумности всего окружающаго «и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ», говоря словами Герцена. Признаніе «разумности» всего окружающаго было для Бѣлинскаго давно желаннымъ выходомъ изъ «фихтіанской отвлеченности»; мы уже указывали, что Бѣлинскій, тоже вопреки Бакунину, нашелъ этотъ выходъ въ отождествленіи «дѣйствительности» съ окружающей его реальностью. Бакунинъ и въ этомъ случаѣ хотѣлъ остановить Бѣлинскаго, но поздно: Бѣлинскій «сорвался съ цѣпи и побѣжалъ благимъ матомъ» въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ о Менцелѣ и «Бородинской годовщинѣ»; въ концѣ концовъ даже Бакунинъ склонился къ точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго, какъ это видно изъ воспоминаній Герцена. Умирающій Станкевичъ удивлялся такимъ понятіямъ своего кружка, находя ихъ «неутѣшительными». «Что имъ (Бѣлинскому и его друзьямъ) дался Шиллеръ? что за ненависть?—писалъ въ началѣ 1840 года Станкевичъ Грановскому:—такъ какъ они не понимаютъ, что такое «дѣйствительность», то я думаю, что они уважаютъ *слово*, сказанное Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говоритъ о Шиллерѣ... А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ «Логикѣ», что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности внѣшняго бытія есть случайность; что дѣйствительность, въ ея истинѣ, есть *Разумъ*, *Духъ*»... Это было совершенно вѣрно, но слова Станкевича дошли до Бѣлинскаго уже тогда, когда самъ онъ начиналъ стыдиться своихъ

мнѣній о Шиллерѣ и своихъ статей съ восхваленіемъ окружающей дѣйствительности; въ 1840—1841 гг. Бѣлинскій окончательно «раскланялся» съ «Егоромъ Ѳедорычемъ» и отъ нѣмецкой «умозрительности» повернулъ къ французской «соціальности».

Поворотъ этотъ—громадной важности для исторіи общественной мысли той эпохи; имъ заканчивается періодъ вліянія нѣмецкой философіи на русскую мысль первой половины XIX вѣка. Почти сорокъ лѣтъ преемственно продолжалось это вліяніе, начиная съ Велланскаго, продолжая Павловымъ и «любомудрами» двадцатыхъ годовъ, кончая Станкевичемъ, Бакунинымъ и Бѣлинскимъ; и интересно, что въ то время, когда люди тридцатыхъ годовъ, въ лицѣ Бѣлинскаго, окончательно разрывали свою связь по существу съ нѣмецкой философіей, маститый Велланскій продолжалъ чтеніе своихъ лекцій съ проповѣдью шеллингіанства. Эти преданья старины глубокой были давно пройденной ступенью для членовъ кружка Станкевича, которые къ началу сороковыхъ годовъ уже разрывали съ Гегелемъ, и хотя отдѣльные послѣдователи шеллингіанства и гегельянства сохранились въ русскомъ обществѣ еще на много времени, но они уже не были представителями опредѣленныхъ группъ, выразителями общественной мысли той или иной части интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи 1840—1841 г. является рубежомъ, поворотнымъ пунктомъ въ исторіи общественной мысли первой половины девятнадцатаго вѣка. Разрывъ Бѣлинскаго съ нѣмецкой философіей, его обращеніе къ общественнымъ темамъ и къ французскому соціализму, его «западничество»—съ этого начались сороковые годы. Къ этому же времени относится и окончательное сформированіе славянофильства, связь котораго съ «любомудрами» двадцатыхъ годовъ мы уже подчеркивали выше; и хотя

славянофильство продолжало основываться на почвѣ шеллингіанства, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше шеллингіанство это вытѣснялось въ славянофильствѣ «православно-словенской» философіей Кирѣевскаго и Хомякова. Западничество же Бѣлинскаго и его друзей сохранило, и то отчасти, только *формы* нѣмецкой философіи, только гегельянскую терминологію, заполняя эти формы общественнымъ содержаніемъ. На этой почвѣ совершилось сліяніе распавшагося кружка Станкевича съ тѣмъ кружкомъ Герцена и Огарева, о которомъ у насъ была рѣчь выше и знакомствомъ, съ которымъ мы закончимъ изученіе умственныхъ и общественныхъ теченій тридцатыхъ годовъ.

IX.

«Умозрительное теченіе», съ которымъ мы знакомились выше, шло въ русской жизни рядомъ съ теченіемъ «политическимъ», при чемъ послѣднее главенствовало надъ первымъ въ теченіе первой четверти XIX вѣка: Велланскій, Павловъ, «любомудры» и прочіе сторонники нѣмецкой «умозрительной философіи» были совсѣмъ въ тѣни передъ типичными представителями двадцатыхъ годовъ—декабристами, сторонниками французской раціоналистической и сенсуалистической философіи и типичными политическими борцами. Въ тридцатыхъ годахъ положеніе совершенно измѣнилось по внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ. Съ одной стороны, нѣмецкая философія мало по-малу просачивалась въ русское общество путемъ нѣмецкой поэзіи; въ этомъ отношеніи Шиллеръ по своему вліянію на русскую мысль былъ могущественнѣе Шеллинга. Къ началу тридцатыхъ годовъ это вліяніе нѣмецкой поэзіи и

философіи было уже настолько замѣтнымъ, что въ журналахъ того времени на всѣ лады комментировалась эта побѣда нѣмцевъ надъ французами:

Давно ли въ шелковыхъ чулкахъ
И въ пудрѣ щеголя-француза,
Съ лорнетомъ, въ лентахъ, кружевахъ
Разгуливала наша муза?
Но русской барышнѣ пріѣлась старина:
Все то же платье, та же лента;
И нынѣ—ходитъ ужъ она
Въ плащѣ нѣмецкаго студента...

Завязавшаяся у насъ въ двадцатыхъ годахъ борьба французскаго «классицизма» съ нѣмецкимъ «романтизмомъ» быстро закончилась пораженіемъ перваго; романтизмъ же, перейдя черезъ различныя фазы развитія, сталъ изъ литературнаго философскимъ, — его исторію мы изложили выше. Эти внутреннія причины способствовали перемѣщенію центра тяжести отъ французской «политики» къ нѣмецкому «умозрѣнію»; но это только съ одной стороны. Съ другой—большую роль въ этомъ перемѣщеніи сыграли причины внѣшнія, т. е. событія 1825—6 гг. и начало «моровой полосы» царствованія Николая I: мы уже отмѣтили выше, что эти внѣшнія причины способствовали развитію философскихъ теченій тридцатыхъ годовъ и уничтоженію всѣхъ ростковъ общественности. Не только братья Критскіе ссылались (1827 г.) въ Шлиссельбургъ и Соловки за «дѣтскій либерализмъ», за пустѣйшіе разговоры и мальчишескія выходки, но правительство преслѣдовало даже какое-нибудь невиннѣйшее «Общество литературныхъ преній», стремящееся къ «распространенію умственныхъ удовольствій» (1837 г.), на засѣданіяхъ котораго затрагивались такія опасныя темы, какъ, напримѣръ: «должно ли предпочитать супружество холостой жизни?, или: «четыре опыта о временахъ года». Эпоха николаевскаго ре-

жима, впрочемъ, уже слишкомъ намъ извѣстна, чтобы нуждаться въ новыхъ иллюстраціяхъ; достаточно извѣстно и то, что режимъ этотъ не только не искоренилъ общественныхъ и политическихъ тенденцій въ русскомъ обществѣ, но привелъ къ величайшему расцвѣту этихъ идей, заставивъ перейти къ нимъ въ концѣ концовъ даже «романтическихъ философовъ» кружка Станкевича.

Кружокъ Критскихъ не заслуживалъ бы упоминанія, если бы онъ не былъ первымъ кружкомъ Николаевской эпохи и если бы за нимъ не испытали одинаковую участь другіе кружки тридцатыхъ годовъ. Всѣ эти кружки состояли по большей части изъ московской университетской молодежи, изъ той ея части, которая шла вслѣдъ не за «любомудрами», а за декабристами. Въ кружкѣ Станкевича мы не встрѣчаемся съ упоминаніемъ о декабристахъ, а если и встрѣчаемся, то съ отрицательнымъ, какъ, напримѣръ, въ письмахъ Бѣлинскаго; въ этомъ кружкѣ философія заглушала политику (см., напр., извѣстное письмо Бѣлинскаго отъ 7-го августа 1837 г.). Не то въ кружкѣ Критскихъ: тамъ съ благоговѣніемъ относились къ памяти декабристовъ и называли ихъ «великими»; даже самый кружокъ возникъ отчасти изъ-за того, что казнь и ссылка декабристовъ «родила негодованіе» въ сердцахъ юныхъ московскихъ студентовъ. То же можно повторить и о позднѣйшемъ кружкѣ Сунгурова, непосредственномъ предшественникѣ кружка Герцена въ Московскомъ университетѣ; но кружокъ Сунгурова былъ уже однимъ изъ послѣднихъ кружковъ, полныхъ вѣрою въ «беранжеровскую застольную революцію», говоря словами Герцена. Дѣло въ томъ, что разгромъ Польши 1830—31 гг. оказалъ сильное вліяніе на политическія воззрѣнія русскаго общества: послѣднія «конституціонныя иллюзіи» радикаловъ и либера-

ловъ были надолго убиты. (Интересно отмѣтить, что именно съ 1830—31 гг., какъ мы уже видѣли, окончательно разрываетъ съ былымъ либерализмомъ и Пушкинъ). «Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія, быстро воспитывало,—говоритъ Герценъ:—мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что дѣла идутъ неладно, теоріи наши становились намъ подозрительны. Дѣтскій либерализмъ 1826 года терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу». Приходилось искать другого выхода. Одни углубились въ науку, думая найти въ тщательномъ изученіи прошлаго Россіи отвѣтъ на вопросы настоящаго; другіе принялись за изученіе нѣмецкой философіи. Начался періодъ «ученья», по выраженію Бѣлинскаго. Но Герценъ съ Огаревымъ не пошли ни за первыми, ни за вторыми: «мы искали, — разсказываетъ Герценъ, — чего-то другого, чего не могли найти ни въ Несторовой лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга». Искомое «что-то» оказалось сенъ-симонизмомъ; кружку Герцена суждено было стать *первымъ представителемъ утопическаго соціализма на русской почвѣ.*

„Середь этого броженія, — говоритъ Герценъ, — середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ» («Былое и Думы», гл. VII). Такъ начался соціализмъ въ Россіи; начались сразу же и его столкновенія съ тѣмъ либерализмомъ, представителемъ котораго въ то время считался Полевой съ своимъ «Московскимъ Телеграфомъ». Герценъ разсказываетъ о своихъ спорахъ съ Полевымъ, считав-

шимъ сенъ-симонизмъ безуміемъ и утопіей, въ то время какъ для кружка Герцена онъ былъ «откровеніемъ». Подобнаго же рода споры происходили, конечно, и съ кружкомъ Станкевича, съ той только разницей, что Станкевичъ и его друзья одинаково отрицали и сенъ-симонизмъ кружка Герцена и либерализмъ Полевого; они стояли на точкѣ зрѣнія совершеннаго отрицанія всякой «политики» и враждовали со всякаго рода «французскими теоріями»: мы уже приводили слова Герцена о томъ, что большой симпатіей между кружками Станкевича и Герцена не было, что другъ друга они считали, съ одной стороны, «сантименталистами и нѣмцами», съ другой—«фрондерами и французами». И если Герценъ справедливо видѣлъ въ Станкевичѣ и его друзьяхъ наслѣдниковъ былого «любомудрія», то не менѣе основательно и кружокъ Ствнкевича считалъ Герцена съ друзьями послѣдователемъ революціонныхъ идей декабризма: «мы мечтали о томъ,—разсказываетъ самъ Герценъ,—какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ». Разница была лишь въ томъ, что революціонныя формы декабризма кружокъ Герцена заполнялъ соціалистическимъ содержаніемъ; поэтому исторія русскаго соціализма начинается именно съ кружка Герцена начала тридцатыхъ годовъ. Конечно, соціализмъ этотъ въ кружкѣ Герцена былъ крайне расплывчатымъ, неопредѣленнымъ, колеблющимся, былъ скорѣе *настроеніемъ*, чѣмъ *воззрѣніемъ*, дѣйствовалъ скорѣе на сердце, чѣмъ на умъ, но иначе и быть не могло: новое всеобъемлющее ученіе почти всегда воздѣйствуетъ на неофитовъ скорѣе психологически, чѣмъ логически—этимъ только и объясняется та эпидемическая форма въ которой выражается увлеченіе той или иной теоріей, будь то шеллингіанство,

утопическій соціализмъ, дарвинизмъ, марксизмъ, народничество и т. п.

Въ тридцатыхъ годахъ, однако, не была еще подготовлена почва для широкаго распространенія утопическаго соціализма на нивѣ русской мысли; къ тому же кружокъ Герцена (въ него кромѣ Герцена и Огарева входили еще Вадимъ Пассекъ, Сазоновъ, Сатинъ, Кетчеръ и др.) подобно Сунгуровскому, скоро былъ разсѣянъ по всей Россіи (въ 1835 г.). Были, конечно, и внѣ этого кружка отдѣльные сторонники сенъ-симонизма; интересно отмѣтить, что подъ вліяніемъ сенъ-симонизма былъ въ то время не кто иной, какъ В. Боткинъ, по его собственному позднѣйшему признанію; но всѣ подобныя вліянія были и мимолетны и единичны. Послѣ разсѣянія кружка Герцена и вплоть до зарожденія кружка петрашевцевъ (сторониковъ идей уже не сенъ-симонизма, а фурьеризма) въ Россіи не было группы послѣдователей опредѣленной формы утопическаго соціализма. Къ неопредѣленной «соціальности» пришелъ, какъ мы знаемъ, Бѣлинскій послѣ своего разрыва съ теоріей разумной дѣйствительности; въ сороковыхъ годахъ онъ сталъ сторонникомъ «эклектическаго соціализма», если можно такъ выразиться, принимая то общее, что было у Прудона и Фурье, Кабэ и Леру (къ концу сороковыхъ годовъ Бѣлинскій разорвалъ съ соціализмомъ). На этой «соціальности» сошелся съ Бѣлинскимъ и Герценъ послѣ своего возвращенія изъ пятилѣтней ссылки.

X.

Это соединеніе и сліяніе кружковъ Станкевича и Герцена является тѣмъ рубежомъ, которымъ заканчивается исторія русской общественной мысли трид-

цатыхъ годовъ и начинается исторія слѣдующаго десятилѣтія; сліяніе это было синтезомъ «умозрительнаго» направленія кружка Станкевича и «политическаго» направленія Герцена и его друзей. Впослѣдствіи Герценъ представлялъ себѣ дѣло такъ, что будто бы къ концу тридцатыхъ годовъ и началу сороковыхъ среди русской интеллигенціи было три главныхъ группы или кружка: въ одну группу входили всѣ будущіе славянофилы, въ другую—всѣ бывшіе члены кружка Станкевича, а третью составлялъ герценовскій кружокъ, причемъ кружокъ Станкевича неминуемо долженъ былъ раздѣлиться между двумя остальными; такъ и случилось: «Аксаковъ, Самаринъ примкнули къ *славянамъ*, т.-е. къ Хомякову и Кирѣевскимъ; Бѣлинскій, Бакунинъ—къ намъ» («Былое и Думы», гл. XXV). Дѣйствительность не совсѣмъ укладывается въ эту схему, такъ какъ утвержденіе, что Бѣлинскій или Бакунинъ *примкнули* къ кружку Герцена, настолько же невѣрно, насколько и противоположное,—что Герценъ примкнулъ къ кружку Станкевича. Въ дѣйствительности оба эти кружка пошли навстрѣчу другъ другу и *сошлись* посрединѣ дороги: насколько Бѣлинскій измѣнилъ своему былому осужденію французовъ, политиканства и фрондерства, настолько же и Герценъ отказался отъ своего былого пренебреженія къ нѣмецкой «умозрительности». Вернувшись изъ ссылки, Герценъ выдержалъ «отчаянный бой» съ Бѣлинскимъ, бывшимъ въ то время въ апогеѣ своего упоенія разумной дѣйствительностью. «Бой былъ неровенъ съ обѣихъ сторонъ,—разсказываетъ Герценъ:—почва, оружіе и языкъ—все было разное. Послѣ безплодныхъ преній мы увидѣли, что пришелъ нашъ чередъ серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и нѣмецкую философію». И если Бѣлинскій вскорѣ отказался отъ своей теоріи разумной дѣйствительности, то зато

Герценъ пришелъ къ признанію той «умозрительности», къ которой онъ раньше относился вполнѣ отрицательно. Совершилось сліяніе двухъ кружковъ: въ гегельянскія формы философіи кружка Станкевича было вложено соціальное и даже соціалистическое содержаніе, исповѣдывавшееся кружкомъ Герцена; «умозрѣніе» и «политика» соединились воедино и соединили былыхъ враговъ въ одну идейную группу, «Въ 1842 году сортировка по сродству давно была сдѣлана, и нашъ станъ сталъ въ боевой порядокъ лицомъ къ лицу съ славянами»,—вспоминаетъ Герценъ. Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ и др. съ одной стороны; Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Боткинъ и др.—съ другой: вотъ тѣ два стана, борьба которыхъ заполняетъ собою исторію сороковыхъ годовъ.

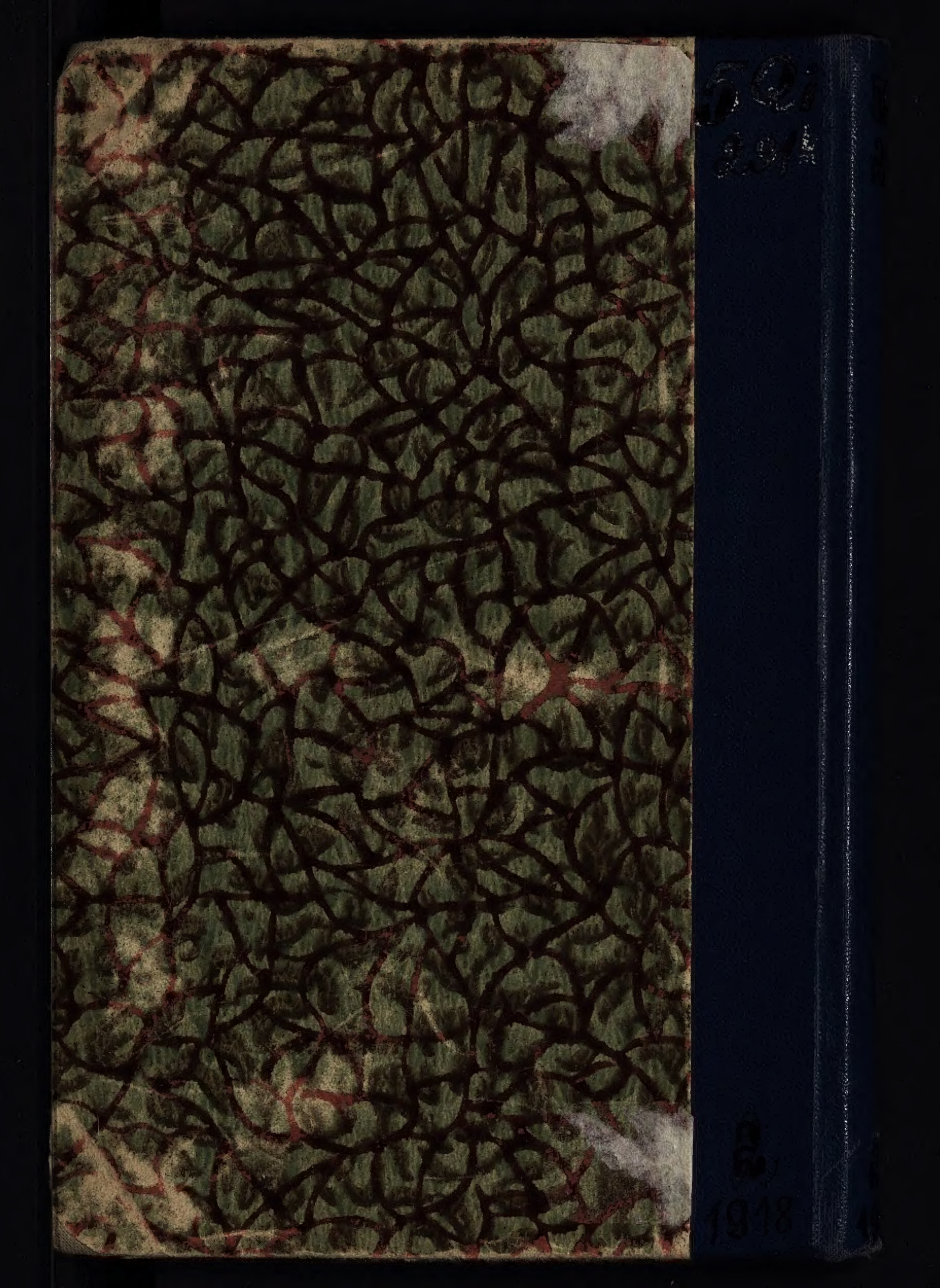
Кружокъ Веневитинова, кружокъ Станкевича, кружокъ Герцена, славянофилы и западники: исторія этихъ кружковъ и группъ есть исторія русской общественной мысли, начиная съ двадцатыхъ и кончая сороковыми годами. Какъ видимъ, эта эпоха была періодомъ «кружковщины» среди русской интеллигенціи, и на этомъ фактѣ надо особенно остановиться для правильнаго освѣщенія характера тридцатыхъ годовъ; на это уже давно обратили вниманіе, съ одной стороны, Герценъ, съ другой—Кавелинъ. Герценъ подчеркнулъ неизбѣжность распаденія молодежи тридцатыхъ годовъ на отдѣльныя группы. «Тридцать лѣтъ тому назадъ,—писалъ онъ въ 1860 г.,—Россія *будущаго* существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, а въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки... Это начальныя ячейки, зародыши исторіи... Мало-по-малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваются другъ отъ друга. Это расчлененіе

[illegible] имъ ширь и многосторонность для [illegible] развиваясь до конца, т. е. до крайности, вѣтви опять соединяются» («Былое и Думы», гл. XXV). Процесъ этотъ завершается къ началу сороковыхъ годовъ, когда изъ разнородныхъ и неустойчивыхъ кружковъ образуются двѣ стойкія и вполнѣ опредѣлившіяся группы. Кавелинъ съ своей стороны указываетъ на воспитательное и развивающее значеніе кружковъ той эпохи: кружки эти были школой и маякомъ, указывающимъ направленіе пути цѣлому ряду одинокихъ путниковъ (см. Кавелинъ, Собр. соч., т. Ш, стр. 1115 и сл.).

Но все это только внѣшняя сторона вопроса; гораздо важнѣе обратить вниманіе на внутренній смыслъ существованія этихъ кружковъ, на ихъ идейное значеніе не для современниковъ, а для всей исторіи русскаго сознанія, на ту мысль, которая одухотворяла собою всѣ кружки тридцатыхъ годовъ. Выработка цѣльнаго міровоззрѣнія, «единой всеобнимающей идеи», принципа, объемлющаго собою весь міръ—вотъ та внутренняя пружина, которая скрыта и въ шеллингіанствѣ «любомудровъ» и Станкевича, и въ сенъ-симонизмѣ кружка Герцена, и въ гегельянствѣ Бакунина и Бѣлинскаго. Въ разныхъ формахъ философскаго романтизма и утопическаго соціализма проявилась эта идея въ тридцатыхъ годахъ, но внутренняя сущность ея была все время одна и та же: шеллингіанская метафизика, соціальный переворотъ, принципъ любви и самосовершенствованія—все это было поисками за обобщающей идеей, за міровымъ принципомъ. «Человѣчество», «міръ», «вселенная»—вотъ слова, которыя въ тридцатыхъ годахъ замѣнили собою лозунги предыдущаго десятилѣтія: «права человѣка», «отечество», «свобода», «конституція»... Соединить интересы отечества съ судьбами человѣчества, стремленіе

къ политической свободѣ—съ борьбой за соціальное освобожденіе; сохранить широкое и общее міровоззрѣніе и дать въ немъ видное мѣсто отдѣльному единичному человѣку — вотъ требованія, которыя непосредственно появились въ результатѣ общественныхъ и умственныхъ теченій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Славянофилы, западники, Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ дали въ сороковыхъ годахъ различные отвѣты на тѣ запросы, которые явились необходимымъ слѣдствіемъ умственнаго движенія двухъ предыдущихъ десятилѣтій.

Самыми общими чертами обозначили мы въ настоящей главѣ исторію развитія русской общественной мысли тридцатыхъ годовъ; теперь намъ предстоитъ подробно разобрать основныя линіи этого развитія. Для этого мы остановимся только на одномъ имени, но въ немъ — вся исторія русской интеллигенціи, вся исторія русской общественной мысли тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Ибо имя это—Бѣлинскій.


1948